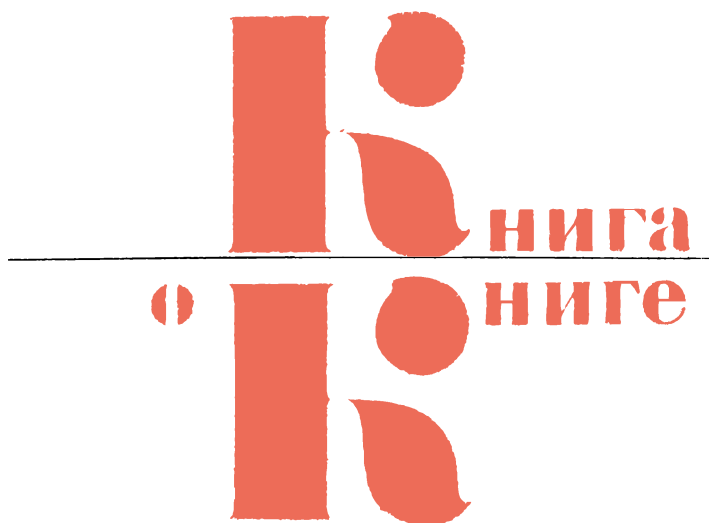

Сергей Львов

Книга
о Книге

Сергей Львов

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

Москва «Просвещение»
1980

Рецензенты:

кандидат филологических наук *А. Л. Гришунин*; *Е. И. Голубева*.

Львов С.

Л89 Книга о книге: Для учащихся ст. классов. — М.: Просвещение, 1980. — 206 с., ил.

Автор в популярных беседах с учащимися старших классов показывает историческую роль книги, раскрывает ее значение в формировании духовной культуры человека. В беседах рассказывается о том, какое место занимала книга в жизни основоположников марксизма-ленинизма, выдающихся ученых, писателей.

Старшеклассники узнают о том, как правильно выбирать круг чтения, как самостоятельно работать с книгой.

«Книга о книге» будет интересна не только учащимся старших классов, но и широкому кругу книголюбов.

Л $\frac{60601-838}{103(03)-80}$ 279—80 4306022100

ББК 76.11
002

СПУТНИК, СОВЕТЧИК, ДРУГ

История ума представляет две главные эпохи: изобретение букв и типографии; все другие были их следствием. Чтение и письмо открывают человеку новый мир.

Н. М. Карамзин

а протяжении всей жизни мы обращаемся к книге. С детских лет она помогает нам узнать и понять окружающий нас мир и самих себя. Нередко книга, вовремя прочитанная, подсказывает человеку профессию; слушается, определяет жизненный путь.

Книга — воспитатель. Многим она не только открыла мир великих идей, но и направила их на путь борьбы за торжество этих идей, борьбы во имя счастья людей и против всего того, что этому счастью мешает. Многие славные дела во имя мира, прогресса, демократии вдохновлялись и вдохновляются книгой.

В книге увековечены подвиги и наших предков, и наших отцов. А уроки истории, запечатленные в книгах, учат не только знать прошлое, но и понимать настоящее и трудиться во имя будущего.

Книга — помощник, когда мы работаем, товарищ, когда отдыхаем, порой она — просто развлечение, всегда — спутник, часто — советчик, а для того, кто умеет дружить с ней, — верный друг. Есть люди, которые этого не забывают. Они платят книге любовью и уважением. Их называют *книголюбам*. Прекрасное слово! Хорошо заслужить право называться так.

С книгой можно обращаться как с вещью. Ее можно взять в руки как вещь. Измерить и взвесить. Купить и продать. Засунуть куда-нибудь и потом не найти. Словом, с книгой можно сделать все, что можно сделать с вещью. Она и есть вещь. Она — предмет, сделанный из материала, обладающий размером и весом.

Но на самом деле книга — больше, чем вещь. Она чудо. Вот лежит на столе маленькая книга — в две ладони величиной, а в нее вмещены люди, дома, города. Она лежит на столе неподвижно, но переносит нас из края в край, из страны в страну со скоростью, с которой не может соперничать даже космическая ракета. Она переносит нас в прошлое и в будущее. Книга — единственная машина времени, созданная человеком. Неживая — она живет, немая — она говорит. О разных странах.

О разных временах. О разных судьбах. Иногда (редко) о самой себе, о том, как, когда, почему написана. Чаще из нее этого не узнаешь. А узнать хочется. И о том, как возникла та книга, которую читаешь сейчас, и о том, как возникли книги вообще.

Читателей интересует и книга будущего. Уцелеет ли привычная нам бумажная книга или ей суждено исчезнуть? Чем ее заменить?

Книга — инструмент, прибор, орудие. Когда пользуешься им, думаешь о том, как это делать лучше.

Тому, кто много работает с книгой, важно знать, как ускорить эту работу. Едва на встречах с читателями речь заходит о скорочтении, тех, кто владеет этим умением, засыпают вопросами: как читать страницу за десяток секунд, где этому учат? Интерес к скорочтению вызван невероятным ростом объема информации. Часто читатели не задумываются над тем, что не менее важно другое умение — читать медленно. И даже — при определенных обстоятельствах — умение читать вслух, что сейчас мало кто делает. Очень полезно задуматься над этими разными умениями, точнее, над одним — как читать по-разному, в зависимости от задачи. Еще полезнее овладеть этими навыками.

Книга — не только текст. В ней соединяются содержание и оформление. Текст, иллюстрации, размещение текста, качество бумаги, вид и материал переплета образуют одно целое. Книга как целое — предмет истории культуры, иногда — произведение искусства, особого искусства. Оно так и называется — искусство книги. О нем тоже стоит знать.

Книга, которую вы раскрыли, ответит вам на некоторые вопросы, связанные с тем, о чем шла речь. Но ее тему — не исчерпать! Наука о книге — большая, сложная, разветвленная. Любой ее раздел тысячью нитей связан со множеством других интересных, но часто сложнее наук.

«Книга о книге» — не учебник. Это беседы.

В моей жизни книги занимают такое место, что я говорю о них, как говорят о друзьях, а вспоминая о своих друзьях, учителях, наставниках — непременно рассказываю о книгах. То, что вы прочитаете, — исповедь книголюбца.

Мне хотелось рассказать здесь еще и историю книги — от древности до наших дней. Но увлекательная история эта так сложна, что вместить ее в пределы одной работы невозможно. Поэтому из истории книги здесь лишь самое главное. Иногда — не самое известное. Страницы истории пройдут через всю книгу. Их можно читать за теми главами, после которых они напечатаны, а можно прочитать отдельно.

В конце книги читатель найдет список использованной и рекомендуемой литературы. Работы, указанные в нем, сослужили мне большую службу. Хочу сердечно поблагодарить их авторов — тех, кто ныне живет и трудится, и помянуть добрым словом тех, кого нет в живых. Среди книг, указанных в этом списке, есть довольно трудные. И все-таки

я надеюсь, что некоторые из вас заинтересуются ими. Чем раньше человек обращается к серьезным книгам, которые сегодня еще трудноваты для него, чем больший «заказывает вес», который собирается поднять, чем более серьезного партнера выбирает, выражаясь языком спорта, тем скорее привыкает к чтению, возвышающему его над самим собой, к чтению, ведущему вперед, тем больше узнает. А чем больше узнает, тем больше ему хочется узнать, тем интереснее ему становится жить.

ГДЕ НАЧАЛО?

Легко сказать!

Почти у всех трудов по истории книги одна особенность. Стремясь рассказать эту историю с начала, они начинают ее задолго до него, когда книг не было и в помине, а люди не умели ни читать, ни писать. Мысленно перенесемся во времена, когда человек уже умел трудиться и говорить, но писать еще не умел. Слово сказано, прозвучало и пропало. А первобытному человеку хотелось закрепить то, что выражено в слове, например направление, по которому надо идти, чтобы попасть на хорошее место для охоты: «Идите туда!» Древний человек сообразил (это только легко говорится: «Древний человек сообразил...») Пока он сообразил это, прошло много веков) — об этом может сказать

стрела, если положить ее острие в том направлении, в котором следует идти. А можно вырезать ее на коре дерева. Стрела, зарубка, камни, сложенные определенным образом, — этими знаками мы пользуемся до сих пор в любом туристическом походе. Но восходят они к незапамятным временам.

Зарубку, стрелку или кучу камней можно «прочитать», как запись, которая значит: «Иди так!» Самое главное в этом определении — слово «значит». Оно в прямом родстве со словом «знак». Когда у группы людей появляется несколько знаков, которые обозначают для всех них одно и то же, например: знак дороги, знак опасности, знак брода, знак дома, — возникает система знаков.

С глубокой древности люди пользовались такими системами знаков. И они говорили не только о том, например, по какому направлению идти или где переходить реку, но и о более отвлеченных понятиях. Как это происходило? Вспомните, что иногда нам приходит в голову завязать узелок на носовом платке — узелок на память! Взгляд на узелок — и в голове проходит целая вереница мыслей. Чтобы выразить их на бумаге, нужно написать несколько слов, например: «Не забыть отнести в библиотеку книгу». Этого узелок прямо не выражает, но он напоминает, что мы об этом думали, когда завязывали его.

У доисторических людей с узелками, которые они завязывали определенным образом в определенном порядке, тоже были связаны их мысли, часто очень важные. Ученые много бы отдали за то, чтобы знать, какие именно, но могут об этом только гадать. А что узелки (или связки раковин) служили для передачи мысли, были своего рода знаковым письмом, ученые узнали,

наблюдая жизнь племен, сохранивших древние обычаи такого письма почти до наших дней.

Мы еще далеки в нашем рассказе от книги. Но решительный шаг к ней был сделан, когда наш древний предок понял, что, указывая, например, дорогу, обязательно делать зарубку на камне. Можно нарисовать стрелку цветной глиной на скале. И это тоже будет знак. Древний человек постиг (до этого снова прошли долгие века), что рисунками можно выразить гораздо больше, чем предметами. Рисунок может напоминать о радости (например, об удачной охоте), может предупреждать об опасности (например, о враждебном племени). Первобытные люди были не только меткими охотниками, но и зоркими художниками. Среди их рисунков некоторые повторяются, постепенно становятся все более упрощенными. Когда изображение упрощается, делается более условным обозначением, в мышлении человечества происходит огромный шаг вперед. (Обратите внимание — в слове «изображение» суть в образе, в слове «обозначение» — в знаке. Движение шло от образа к знаку. Такой путь проходило мышление человечества, такой путь проходит мышление каждого человека, когда он взрослеет.) Упрощенные обозначения, в основе которых — образ, превратившийся в знак, называются *пиктограммами*, а письмо при их помощи — *пиктографическим*. В слове «пиктография» латинское *pictus* значит написанный красками, нарисованный, и греческое *grapho* — пишу. Смысл такой: «рисую, пишу».

Пиктография сквозь толщу тысячелетий дошла до нашего времени. Две детские фигурки на знаке уличного движения означают: «Осторожно, здесь улицу переходят дети!»; две ступеньки: «Здесь подземный переход!» Все знаки уличного движения — пиктограммы. На вокзалах, железнодорожных и авиационных, тоже много пиктограмм. Они указывают, куда сдать багаж, где найти медицинскую помощь, где поесть. У такого способа «письма» есть свои преимущества. Один единственный знак означает целую фразу, например: «Осторожно, гололед, машину может занести». Пиктограммы не требуют перевода: череп и кости на трансформаторной будке совре-

менный человек, на каком бы языке он ни говорил, поймет как знак опасности. А древние люди умели языком пиктограмм сообщать более длинные вести, например: приглашать на совместную охоту или объявлять войну. Пиктография — важная ступень на пути к настоящему письму, а значит, и к книге.

Постепенно с определенным рисунком, притом упрощенным, стало связываться определенное слово. Чтобы представить себе, как это выглядело, можете сделать опыт. Покажите рисунки, нарисованные одним ребенком, другому и спросите его: «Что это?» Про один он ответит: «Дом», про другой скажет: «Человек». Можете спросить: «Что здесь написано?» Ответ будет тот же. Для маленького человека понятия рисовать и писать сохранили свою связь. Это очень важно! Эта связь проходит через всю историю человечества. Мы и до сих пор говорим, например, «писать картину».

Постепенно знаки стали означать не только предметы, но и действия, а потом и понятия, например, рисунок глаза стал обозначать не только слово «глаз», но и действие: «смотреть» и даже понятие: «зрение». Такой знак называется *идеограммой*, а письмо при помощи таких знаков — *идеографическим*, или *идеографией* (от греческих слов *idea* — понятие и *grapho* — пишу).

Рисунок пиктографического письма превращался в знак идеографического письма долго. В разных концах света процесс этот шел по-разному. В письменности народов Древнего Египта на протяжении долгого времени можно распознать рисунки, из которых возникли знаки египетского письма; в письменности Древнего Китая и стран Двуречья эти рисунки почти не угадываются. Письмо, где нарисованный знак — идеограмма обозначает слово, понятие, очень сложное письмо. Сколько слов в языке, столько идеограмм! Кто может все это заучить! Конечно, тот человек, который посвятит этому много времени. У простых, тяжело трудившихся людей такой возможности не было. Всему этому в древности могли научиться жрецы. Они изучали письмо, как великую тайну, и хранили его, как тайну. Системой идеограмм они написали самые древние книги.

ВАЖНЫЙ ДЕНЬ В ЖИЗНИ

Занятия с книгами — юность питают, старость увеселяют, счастье украшают, в несчастьи доставляют убежище и утешение, дома радуют, вне дома не мешают...

Цицерон

Первые уроки чтения я помню смутно. Знаю, что их дала мне моя тетя Марина, когда мне было пять лет, а ей — пятнадцать. Помню тетрадь для рисования с плотной бумагой, длинные ножницы. Помню толстый красносиний карандаш. Баночку с крахмальным клейстером. Кисточку. Эти предметы я полюбил сразу и навсегда. Цветным карандашом она написала печатные буквы: согласные — синим, гласные — красным — и сказала, как они называются. Я не знал, что такое гласные и что такое согласные, но чувствовал — они отличаются друг от друга: гласные можно тянуть и даже петь, согласные не потянешь и не пропоешь.

Тетя Марина нарисовала букву «А», сказала, что она похожа на шалаш, а читать ее нужно так: «А-а-а!»

Моя молодая учительница показала мне еще много букв. Каждая из них была на что-нибудь похожа. «О», например, на баранку, когда она свежая и ее можно сдавить. «С» — на ту же баранку, только наполовину съеденную. «З» — на муравья, если он встанет на дыбы. Было трудно связать то, что я видел в букве, со звуком, который она обозначает. Но постепенно я привык и скоро знал столько букв, что из них можно было складывать слова.

Веселое занятие! Мы разрезали плотную бумагу на квадраты, на каждом квадрате написали по букве, а потом наклеили квадраты на бока старых ободранных кубиков. Кубики стали словно новые. Лучше покупных. Первое слово, которое я сложил из кубиков, было МАМА. Скоро я уже мог разобрать и вывеску над магазином, и название газеты.

Когда человек учится читать, он должен научиться узнавать на вывесках, афишах, в газетных заголовках буквы, которые ему показали в букваре. Для этого приходится проделывать огромную умственную работу. Ведь он должен понять, что буква остается той же буквой, каким бы размером, цветом, шрифтом она ни была бы написана, что буква, написанная от руки, читается так же, как та же буква напечатанная. Например, «Д», «д», «Д», «d», «d» означают одну и ту же букву.

Тот день я запомнил на всю жизнь. Я попросил тетю Марину:

— Почитай мне!

— Читай сам! Ты уже умеешь! — решительно сказала она и протянула мне моего любимого «Конька-Горбунка». Мне много раз читали вслух эту прекрасную сказку. Целые страницы из нее я уже знал наизусть. Едва я разобрал по слогам первые строки: «За горами, за лесами, за широкими морями...», как память подсказала мне следующие, и я стал читать. Сам стал читать!

Впоследствии я понял, что моя учительница, пока учила меня читать, открыла несколько прекрасных приемов, найденных знаменитыми педагогами: учи на интересном, учи на таком, где многое ученику уже известно. Тогда ему не будет скучно, тогда он поверит в свои силы.

Эти несколько недель, когда я из слушателя превратился в читателя, принадлежали к самым важным неделям моей жизни. Как те, когда я учился говорить.

С тех пор прошла целая жизнь... За все ее годы я не могу вспомнить и дня без книги. Кроме дней на фронте и самых тяжелых болезней.

Если я слышу, как кто-нибудь жалуется: «Мне скучно! Не знаю, чем бы заняться!» — я удивляюсь. Мне кажется: пока есть книги, всегда есть чем заняться. Пока есть книги, скучно быть не может. Я не имею в виду книги, специально созданные для того, чтобы убивать время. Я имею в виду настоящие книги.

Если мне предстоит заняться делом, которым я еще никогда в жизни не занимался, я не боюсь оказаться беспомощным. Обязательно найдется книга, которая подскажет первые шаги и поможет на первых порах.

Книги рассказали мне, как люди жили прежде, рассказали подробно и красочно, и мне порой кажется: я прожил не только свою собственную жизнь, но и жизнь многих людей, живших до меня. Я побывал в разных странах. Но я бы увидел там гораздо меньше, если бы не книги. Они подготовили меня к встрече с этими странами и помогли понять то, что я там увидел.

Книги научили меня слушать музыку. А этого я когда-то не умел совсем. Научили смотреть живопись, а когда-то я в ней ничего не смыслил.

Книги помогли мне понять других людей и самого себя. Они определили выбор моей профессии, привили интерес и уважение к профессиям других людей...

Если я захочу рассказать обо всем, чем обязан книгам, мне никогда не кончить этой главы.

А началось все это больше чем пятьдесят лет назад, когда я только учился читать. И за этот первый и потому главный урок чтения я благодарен моей, тогда еще совсем молоденькой учительнице, на всю жизнь.

Человек, который научил другого читать, принадлежит к самым главным из его учителей.

ГЛИНЯНЫЕ КНИГИ. ПЕРВЫЕ БИБЛИОТЕКИ

Когда и где появились первые книги и была основана первая библиотека? На эти вопросы отвечают по-разному. Сведения о первых книгах и древнейших библиотеках меняются. Новые археологические поиски и открытия приносят новые данные.

Одним из древнейших государств Древнего Востока был Шумер, расположенный в долинах между реками Тигр и Евфрат. Рабовладельческое государство Шумер было весьма могущественным. Шумерийцы строили города, храмы, умели делать инструменты для жатвы, плавить медь и отливать из нее полезные и красивые вещи, строить корабли и ходить по морю под парусами.

Шумерийцы уже за четыре тысячи лет до нашей эры умели писать. Они пользовались пиктографией — рисунчатым письмом. Постепенно рисунки упрощались и становились значками, обозначающими слова, — *идеограммами*.

Край, где они жили, был беден лесом. Нужда всему научит! Шумерийцев она научила строить хижины из камыша, обмазанного глиной. Книги шумерийцев тоже были глиняными. Они выдавливали на

глине значки острыми трехгранными палочками. Черточка в начале нажима получалась толще, а в конце — тоньше. Она была похожа на клин. Из черточек в форме клина складывалась письменность шумеров. Потому и называется она клинописью. Как ее называли сами шумеры, мы не знаем.

Когда вся глиняная табличка покрывалась знаками, ее высушивали на солнце или обжигали в огне. Она становилась прочной и твердой как камень.

Клинописные таблички — самый прочный книжный материал.

Лет пятьдесят назад археологи занимались раскопками шумерийских городов. И в каждом находили горы табличек с клинописью. Иногда таблички лежали не грудой, а были аккуратно разложены по плетеным корзинам. К корзинам были прикреплены глиняные ярлыки, например: «Документы, касающиеся сада», «Документы, касающиеся мастерской ткачей».

Как называются хранилища документов? Архивы. Конечно, архивы. У древних архивов была особенность: они хранили и документы (государственные, торговые, хозяйственные), и книги. Шумерийские архиво-библиотеки или библиотеко-архивы и есть, пожалуй, древнейшие известные нам библиотеки.

Чтобы понять, что глиняные таблички, найденные при раскопках городов Шумера, складываются в книги, а книги эти представляют собой литературные и научные сочинения, их надо было прочитать. Легко сказать: прочитать... Разгадать, расшифровать! Разгадка этой головоломки была трудна непомерно и стала одним из самых больших научных подвигов.

В книгах шумерийских библиотек расшифрованы и прочитаны басни, пословицы и поговорки, песни, даже ода родной стране: «О, Шумер, великая земля среди всех земель вселенной, залитая немеркнущим светом».

Если книги в библиотеке перепутаны, если начало одного собрания сочинений в одном месте, середина — в другом, конец — в третьем, если некоторые книги рассыпались на страницы, привести такую библиотеку в порядок — адский труд! А шумерийские книги оказались разбросанными не по разным полкам, а по разным

странам. Да к тому же многие из них разбиты на куски. Именно поэтому сокровища библиотек Шумера изучены еще далеко не до конца.

А те, что изучены, необыкновенно интересны. Вот глиняная табличка, шесть с половиной сантиметров в длину и около трех с половиной в ширину. Клинописные строки на ней коротки и разделены посередине черточкой. Стихи? Ученый, который принял за ее чтение, именно так и подумал. Попробовал читать, получалась бессмыслица. Как будто древний поэт все время что-то начинал и тут же бросал. Но в бессмыслице угадывалось нечто известное. Текст состоял из начала фраз, и среди них были знакомые. Ученый вспомнил: в шумерийских глиняных книгах заголовками всегда служило начало — несколько первых слов. Значит, у него в руках список шумерийских книг — каталог! Всего в списке было шестьдесят два произведения. Догадка подтверждалась тем, что двадцать четыре книги из упомянутых в каталоге до нас дошли. Возможно, найдутся и другие. Шумерийский список книг на глиняной табличке — самый древний библиотечный каталог, который известен в настоящее время.

Задолго до того, как шумерийские библиотеки были раскопаны археологами, ученые уже знали об их существовании. В этом им помогла библиотека более молодого, но тоже очень древнего государства — Ассирии. Библиотека находилась в столице этого государства — Ниневии. На табличках, хранившихся в ней, нашли запись ассирийского царя Ашшурбанипала: «Я ощущал великую радость, повторяя красивые, но непонятные надписи шумеров».

Древнюю Ассирию от Древнего Шумера отделяют долгие века. Все это происходило в незапамятные времена. Незапамятные? Незапамятные — это значит такие, о которых и памяти не сохранилось. А ведь сохранилась. Именно потому, что сохранились книги — клинописные тексты на глиняных табличках. Библиотеки хранят не только книги, они хранят память человечества.

Библиотеки Древней Ассирии были раскопаны лет сто назад, когда английские ученые вели раскопки Ниневии. Они откопали дворцы и храмы, разрушенные не-

приятелем и огнем. Полы в развалинах были засыпаны горами глиняных обломков. Что это — битый кирпич? Очистив обломки от вековой пыли, археологи разглядели на них аккуратные строчки. Оказалось, что обломки — страницы глиняных книг, остатки огромной библиотеки.

Правители древнего мира, похваляясь своими подвигами, перечисляли завоеванные города и страны, истребленные и покоренные народы.

Ашшурбанипал тоже вел завоевательные войны. Но более завоеваний он гордился своей образованностью. Вот какие слова продиктовал он писцу: «Я велел начертать на плитах славные письмена, произведения книжного искусства, которых не изучал ни один из моих предшественников, я собрал письмена во дворце моем, я разделил их на разделы, и я, царь царей, любимец богов, я умею даже читать их. Да обрушится гнев божества Ассирии и Бениты на того, кто посмеет унести эти плитки...»

В столь древние времена Ашшурбанипал понял: могущество государства опирается и на его библиотеки. Если они правильно устроены, если на них не жалеют средств. Ашшурбанипал рассылал писцов по разным городам подвластных ему земель, чтобы они разыскивали и копировали старинные книги, слово в слово, чтобы в конце можно было написать: «Согласно древнему подлиннику списано и сверено». Книги для библиотеки Ашшурбанипала переписывались на разных языках. Если писец не понимал старинного текста, он под страхом суровой кары не смел ничего сочинять, а был обязан пометить: «Этого я не понял».

В библиотеке Ашшурбанипала были научные труды по медицине, астрономии, истории, грамматике и художественные произведения. Страницы ее глиняных книг были большими: 32 × 22 сантиметра, толщиной в 2,5 сантиметра — настоящий плоский кирпич! Таких страниц в книге были десятки, а иногда и сотни. Представьте себе книгу в сто глиняных страниц. Толщина ее два с половиной метра. Такую книгу не переплеть, перед собой не положишь!

Читатель брал по очереди по несколько «страниц». Чтобы не спутать, к какой

книге относится «страница», в начале каждой плитки писали название книги, в конце писали первое слово следующей таблички. Это заменяло нумерацию.

Библиотека Ашшурбанипала была не просто хранилищем книг, но прообразом современных научных библиотек, где не только хранят книги, но и ведут научные исследования. Большие библиотеки всегда влекут к себе ученых. Так было и в Древней Ассирии. В ниневийской библиотеке работали математики, астрономы, знатоки языков, инженеры, медики.

В Малой Азии в XVIII — начале XII в. до н. э. существовало государство хеттов. Памятники его впервые обнаружили в начале нашего века.

При раскопках хеттских городов нашли многие тысячи глиняных табличек. Библиотеки древних хеттов были похожи на шумерийские. Хетты писали не только на глиняных, но и на деревянных табличках. Их сохранилось меньше, чем глиняных. Дерево гниет и горит. Но те, что сохранились, обнаружили удивительную особенность.

На глиняных табличках записаны исторические и религиозные тексты, а на табличках деревянных — стихи и поэмы. Почему хеттские писцы решили, что поэтические тексты подобает писать именно на дереве, неизвестно.

На некоторых хеттских книгах указаны имена авторов. Уже в такой древности существовали библиотекари и читатели, которые понимали, что важно знать не только, о чем книга, но и кто ее написал. А ведь об этом иногда даже современные читатели забывают.

В странах Древнего Востока глина оказалась прекраснейшим, доступным и прочным материалом. Из него были созданы кирпичики «страниц» и возведены здания древнейших наук. Из глины жители древних стран строили жилье, изготавливали сосуды для воды, зерна и вина. Недаром именно здесь сложились предания, что и сам человек был вылеплен из глины и весь мир создан из глины. И книги здесь делали тоже из глины.

Нельзя говорить об истории книги, не воздав благодарности глине!

ТАК НЕ НАУЧИШЬ!

Суть воспитания не приобретение, но употребление книг.

Плутарх

 не пришлось провести несколько недель на даче в близком соседстве с двумя мальчиками. Витя перешел в III класс, но для своего возраста он очень скверно читал. Его родители дали учительнице обещание — летом Витя будет каждый день читать. И взяли такое же с него. Леня, его брат, перешел в VII класс. Он взялся помочь брату.

Несколько раз в день сад оглашался унылым воплем:

— Витек! Иди читать! Витька, кому говорю, читать!

Ненавистник чтения долго отмалчивался, затаившись в густой зелени, потом начинал ныть:

— Успеется! Чего привязался!

Наконец, извлеченный из своего убежища безжалостной рукой старшего брата, он начинал читать. Голосом, полным отвращения, он, запинаясь, выговаривал слова: «Ре-бя-та при-шли...на...пруд, у-у-ви-дали...ло-доку»... Скоро его голос заглушался голосом старшего брата:

— Кто так читает?! Куда смотришь?! Сюда гляди!!! Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не крутился, когда читаешь! Сейчас же брось эту палку! Повтори еще раз! Отпусти жука! Опять не так читаешь! Читай снова! Отсюда!

Тут раздавался рев младшего. Это старший энергично дал ему подзатыльник.

Витя только и ждал этого момента. Громкий плач заканчивался решительным:

— Ага! Дерешься! Не буду я читать! И родителям скажу, что ты не учишь, а дерешься!

Едва он вырывался на свободу, его уныло-плаксивый голос начинал звучать бодро.

— Ох, не будет в этих занятиях проку, ох, не будет, — сокрушался я. И однажды не выдержал. Я принес старшему брату и незадачливому наставнику том А. П. Чехова и посоветовал ему прочитать рассказ «Кто виноват?». В нем описано, как некий Петр Демьяныч учит котенка

ловить мышей. При этом он кричит на котенка, тычет его носом в мышеловку, грозит выпороть, если тот будет упускать мышей. Став взрослым, кот в ужасе убегает при виде мыши.

Я непременно давал бы читать этот рассказ каждому, кто берется кого-нибудь учить. Не только чтению.

Леня поблагодарил меня без особой радости. Вечером я спросил его, прочитал ли он рассказ, и добавил, что, если он хочет, может оставить том на время у себя, чтобы прочитать другие рассказы Чехова.

— Я и этот еще не прочитал, — сказал Леня угрюмо.

— Три страницы за целый день?

— Я чтения вообще терпеть не могу!

Тут причина педагогической неудачи старшего брата стала мне ясна. Не любит читать! Как же он может научить читать другого?

Было над чем задуматься. Вскоре глава семейства огорченно и озабоченно спросил меня:

— Я к вам обращаюсь как к писателю! Почему моему младшему никак не дается чтение?

Я сказал так:

— На этот вопрос есть два ответа — длинный и краткий. Если вас удовлетворит краткий, не понадобится длинный. Известного педагога спросили: «Как прививать детям в семье вежливость?» Он ответил: «В семье, где все вежливы, вежливость детям прививать не нужно, а в семье, где все невежливы, — бесполезно».

Сосед помолчал, подумал, потом покраснел и спросил:

— Выходит, вы думаете, мы тоже не любим читать?

— Вот именно! Только не вы тоже, а ваши дети тоже. Бессмысленно приучать их любить чтение, если старшие не любят читать. Леня не может приобщить Витю к чтению, потому что в свое время не был приобщен к нему сам. А почему не был приобщен, вы, верно, сами знаете. Думаю, что когда-то и он слышал такие же неубедительные призывы: «Леня, иди читать!». Но, извините за прямоту, там, где взрослые члены семьи любят книгу, таких призывов не услышишь. Там ребят скорее не к книге приходится привязывать, а от книги отрывать.

— Это мы не любим книги! — возмутился мой сосед. — Да вы знаете, сколько мы их покупаем?

— Значит, будет мальчикам со временем что почитать, — сказал я.

— Вот именно, — обрадовался он, не заметив подвоха.

Книг в его доме было действительно немало. И даже хороших. Их покупали, их порой доставали с трудом, думая, что кто-то когда-то их прочитает. Мысль, что их можно читать сейчас, не приходила в голову. Книги в доме были. Времени для книг не было. Интересы к ним тоже.

На полированных полках за толстыми стеклами в сверкающих суперобложках красовались тома «Библиотеки всемирной литературы» и собрания сочинений классиков. Были в этом шкафу и книги по искус-

ству — дорогие, хорошие издания. Они сделали бы счастливым настоящего любителя. Но они не просто стояли в шкафу, а показывали себя, были не частью библиотеки, а частью обстановки. Увы! Сейчас немало таких домашних библиотек. Появилось ужасное выражение: «Иметь книги — престижно!» Заметьте — не читать, а иметь!

Вот так во времена моего детства в домах некоторых знакомых стояли, сверкая черным лаком, тускло поблескивая бронзой подсвечников, безмолвные пианино или рояли. Предполагалось, что кто-то когда-то на них будет играть, но музыки, извлеченной из этих инструментов, никто никогда не слышал. В пианино и роялях, превратившихся в мебель, она задыхается. В книгах, выставленных напоказ, умирают заключенные в них слово, чувство и мысль. Над их нераскрытыми страницами никто не задумывается, никто не грустит, не смеется, не принимает важных решений. Книги, превращенные в вещи напоказ, никого приохотить к чтению не могут.

Всего этого я говорить соседу не стал. И до самой осени слышал, как над дачным участком несется унылое:

— Витя, читать! Кому сказано, иди читать!

В будние дни я узнавал в этом призыве голос старшего брата Лени. В субботу и воскресенье к ним присоединялись голоса отца и матери.

Эту книгу прочитал в рукописи мой товарищ. И я вдруг услышал неожиданный вопрос:

— Ну, ладно. Витя еще мал. О нем разговор особый. А Ленья? А Ленья сам?

Я не сразу додумался, что стоит за этим вопросом, потом понял. Ведь много читателей, страстно любящих книгу, вырастало в семьях, где почти совсем или вообще не было книг. Родители Лени, когда они лишь покупали и ставили под стекло книги, конечно, не сделали всего, что могли, чтобы приохотить его к чтению. Этим можно упрекнуть их. Но не оправдать Леню. Вот что значит вопрос: «А Ленья сам?» Можно найти тысячи причин того, почему человек нелюбознателен, но главная причина всегда в нем самом. Мне надо было, наверное, сказать тогда на даче Лене:

— Хочешь научить брата читать, научись сам! Не научишься, много раз пожалеешь потом. Отстанешь от других, чем бы ты ни занимался. Вырастешь скучным человеком. Не узнаешь многого, что можно узнать из книг.

Все это верно. Каждое из этих утверждений можно доказать, а если его не докажу я, его рано или поздно докажет Лене жизнь. Но разве он стал бы слушать такие правильные, но увы, общие слова? Не стал бы! А если бы я захотел сказать ему обо всем, чего он себя лишает, не читая книг, не любя их, мне пришлось бы рассказывать ему все, что написано на этих страницах. Я думал и о нем, и о его младшем брате, когда писал эту книгу. Поэтому их история в самом начале.

КНИГИ-СВИТКИ

На берегах Нила, в Древнем Египте, за тридцать веков до нашей эры и даже раньше трудились охотники, пастухи, пчеловоды, рыбаки, пахари, садовники, виноградари, птицеводы, пекари, виноделы, повара, гончары, плотники, столяры, каменщики, скульпторы, художники. И мастера, делавшие материал для письма. Он не похож на тот, на котором писали шумеры, ассирийцы, хетты. На берегах Нила росло речное растение — папирус. Родственник древнеегипетского папируса встречается и в наших краях. Это комнатное растение циперус.

Египетский папирус рос в дельте Нила. Его стебель легко расщеплялся на волокнистые ленты. Ленты укладывали рядом так, что они образовывали широкую полосу. Поверх первой полосы укладывали вторую. Ленты второго слоя ложились перпендикулярно первому. Сверху их прижимали тяжелыми камнями. Растительный сок, выжатый этой тяжестью, склеивал ленты в сплошной кусок. Несколько таких кусков соединяли в длинную полосу, выглаживали, сворачивали в свиток. Чтобы свитком было удобно пользоваться, к нему прикрепляли палки. Их концы, как ру-

коялки, выступали над краем свитка. Пользуясь палками, свиток перематывали. Свиток делился на столбцы — своего рода страницы. На них и писался текст.

Конструкцию книги-свитка подсказал материал — папирус, который легко сворачивается. Свитки были и очень длинными, и сравнительно короткими. В библиотеке Британского музея хранится редкость — Папирус Гарриса. В нем сорок с лишним метров. Книги-свитки из папируса оказались прекрасным изобретением. Этот способ писания книг просуществовал многие тысячи лет.

Древнеегипетские книги написаны иероглифами. Иероглифы — это крошечные рисунки, изображающие людей, зверей, птиц. В самые древние времена каждый такой знак обозначал целое слово. Позже появились знаки, обозначающие слоги, и произошли другие сложные изменения в системе письма. Прочитали иероглифы только в прошлом веке. Над их расшифровкой трудились много ученых. Особенно большую роль сыграл в ней французский исследователь Жан Франсуа Шампольон (1790—1832).

Вначале расшифровывали египетские письма разных эпох, высеченные на камне. Это были сравнительно короткие надписи. Потом смогли прочитать и египетские книги. Их писали заостренной тростниковой палочкой — каламом. Реже — кисточкой. Свернутую книгу вставляли в футляр или в кувшин. Хранили книги и в ящиках. Большие собрания книг были при храмах. Одна из самых замечательных библиотек Древнего Египта принадлежала знаменитому фараону Рамзесу II. Она называлась «Аптека для души»!

Библиотеки Древнего Египта имели каталоги. До нашего времени дошли отрывки из них. В одной из египетских библиотек перечень книг был написан на стене храма, в котором она помещалась. Обычно при храме вместе с библиотекой располагались и школы, где учили писцов, и мастерские, где переписывались книги.

С самых седых времен, когда возникли первые библиотеки, их хранители были озабочены тем, чтобы книги не пропадали. Издавна этой цели служит книжный знак. В наше время он называется *ex libris* — экслибрис, что в переводе с латинского

значит: «из книг», например «экслибрис Иванова», то есть «из книг Иванова».

Самый древний книжный знак, по-видимому, изобретен в Египте. Правда, он не похож на современные. Современные книжные знаки — бумажные. Древнеегипетский — табличка из фаянса. Ее прикрепляли к свитку, а на ней писалось не только имя владельцев, например фараона и его жены, но и название книги. Это было соединение экслибриса и карточки каталога.

Тому, кто унес книгу-свиток из библиотеки, грозило суровое наказание. При некоторых фараонах — казнь.

Безвестный поэт Древнего Египта, вероятно ученый-писец написал стихотворение «Прославление писцов». В нем восторженно описаны все блага, что дарует эта профессия. Но интереснее всего в стихотворении слова, посвященные книге: она «нужнее построенного дома, лучше гор-гробниц на Западе (имеются в виду ог-

ромные пирамиды. — С.Л.), лучше памятника в храме».

Три тысячи лет назад в стране, где столько сил отдавали сооружению гробниц, возводили такие роскошные дворцы, окружали почетом храмовые памятники, поэт отдает предпочтение книге! Для каждого книголюбца его слова дорого стоят.

Библиотеки Древнего Египта собрали много книжных сокровищ. Они возникали в разные эпохи существования египетских государств, некоторые уже в нашу эру. Судьба их была печальной. Завоеватели, вторгавшиеся в Египет, не жалели его библиотек. Свитки, написанные на папирусе, оказались непрочными. До нашего времени дошла ничтожно малая их часть. Как величайшие драгоценности хранятся они в нескольких музеях и библиотеках мира. Древнеегипетские свитки в нашей стране можно увидеть в Москве в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и в Ленинграде в Эрмитаже.

НИ ДНЯ БЕЗ КНИГИ

Когда я вижу вокруг себя, как люди, не зная, куда девать свое свободное время, изыскивают самые жалкие занятия, я разыскиваю книгу и говорю внутренне: этого одного довольно на целую жизнь.

Ф. М. Достоевский

С тех пор как я научился читать, всю жизнь читаю. Хочу вспомнить какую-нибудь пору своей жизни, непременно вспоминаю книги, с нею связанные. Углубляясь в эти воспоминания, я вижу, что читалось в разные времена по-разному. Рассказывая о книгах, рассказываю о своей жизни. Это понятно: книги — важная часть моей жизни. Так, вероятно, могут сказать о себе все книголюбы. В моей же жизни книги занимают особое место: я всегда хотел не только читать их, но и писать. По встречаю с читателями, особенно молодыми, я знаю, что их интересует, как пишут книги. Такие вопросы задают всегда. Но не каждый спрашивающий собирается стать писателем. Людей интересуют профессии, о которых они не знают. Это естественно. Мне тоже всегда интересно, когда я знакомлюсь со строителем, врачом, моряком, летчиком, картографом, агрономом, узнать об их профессиях. Но я словно бы оправдываюсь, что хочу рассказать о своей профессии. А почему? Работа того, кто пишет книги, прежде всего работа. Интересная. Об этом догадываются многие. Очень трудная. Это знают не все. Я занимаюсь этой работой тридцать три года. Я расскажу о книгах не только, как читатель, но и как писатель. Начну с детства.

Едва научившись читать, я стал читать запоем. Через такую полосу проходят многие. У некоторых она длится всю жизнь. Книжный «запой» редко приносит беду и чаще всего — пользу.

Когда я пошел в школу, я уже прочел самостоятельно много книг. Я читал все свободное время. И не только свободное!

Если нужно было убрать комнату, а особенно этажерку с книгами, — я не мог довести этого до конца. Сидя на полу, среди полного разгрома, я зачитывался книгой, раскрытой на середине. Нет чтения более захватывающего, чем чтение среди горы книг, ожидающих, покуда их расставят. С этим может сравниться только чтение книги, на которую случайно наткнулся, когда по шаткой лесенке лез к верхней полке книжного шкафа совсем за другой. Читать, сидя на верхней ступеньке стремянки, упоительно!

А теперь мне случается зачитываться среди полок подсобного фонда в больших библиотеках. Иду к полке за словарем или справочником, твердо знаю, где он стоит. Вдруг вижу книгу, которая раньше никогда на глаза не попадалась. Она не относится к моей работе, но искушение велико. На место, где сижу в зале, решаю ее не брать, так только немного полистаю. Начал листать, и вот уже незаметно промчался час, а то и два.

Хвала и честь систематическому чтению! Но книголюб с его любознательностью способен зачитаться книгой, которую он не собирался читать, способен зачитаться ею всегда и везде... И открыть для себя книгу, дотоле неизвестную, или в книге, уже читанной, наткнуться на то, чего не замечал раньше.

Все книги, прочитанные лет до двенадцати, объединены в моей памяти одной особенностью. Они запомнились не только тем, что в них происходило и о чем в них рассказывается, но и тем, как выглядела каждая из этих книг: какой у нее был переплет, какие в ней были рисунки. Помню и то, когда и где она была прочитана. Воспоминания эти запряты в памяти глубоко, но всплывают мгновенно и ярко. Потому что встреча с каждой из этих книг оказалась для меня важной. От нее протянулись нити в будущее.

Если с детства меня всегда занимали разные области науки, то этим я больше всего обязан книгам. Таким, например, как «Охотники за микробами» американского писателя Поля де Крюи (впоследствии у нас стали писать его имя иначе — Поль де Крайф). Я прочитал ее, когда мне было десять лет, едва она вышла в 1932 году. Это была книга, напечатанная бледным шрифтом на скверной бумаге. Но мне до сих пор дорого именно это издание.

На желто-коричневом переплете был нарисован ученый, склонившийся над колбой и мензуркой. Скромная по виду книга с увлечением рассказывала о микробиологах. Они возникали на ее страницах не только неутомимыми исследователями, но и живыми людьми с характерами, часто трудными, с чудачествами и слабостями. Книга подкупала сочетанием серьезности и юмора. Ее автор обладал секретом понятно говорить о самых сложных вещах, например о том, какими простыми и остроумными способами победил Пастер своих противников в споре о том, возможно ли самозарождение микробов. Много из того, что надо знать о биологии, можно узнать из этой книги. Она и до сих пор не устарела. Последнее ее издание вышло в свет в 1957 году (М., Молодая гвардия. Я буду и дальше указывать последние издания тех книг, что в ней упоминаются.)

Рядом с этой книгой я скоро поставил книгу Н. Плавильщикова «Человечек в колбе» — прекрасные очерки по истории естествознания. Я впервые прочитал ее школьником, а перечитываю до сих пор. Книга Плавильщикова последним изданием вышла под заголовком «Гомункулус. Очерки из истории биологии» в 1971 году (М., Детская литература).

Повесть А. Слонимского «Черниговцы» — первая книга о декабристах, которую я прочитал. В ней я познакомился с семьей декабристов Муравьевых-Апостолов. Ее последнее издание вышло в 1975 году (М., Детская литература).

В этой повести меня особенно поразил один эпизод. Юные Муравьевы воспитывались за границей. Их отец был дипломатом. Любящие родители не решались рассказать детям, что у них на родине, в России, существует крепостное право. Детям открыли эту постыдную тайну только накануне возвращения домой.

Книга «Ученик наборного художества» Т. Богданович приоткрыла мне двери одной из первых русских типографий. Последний раз эта книга выходила в 1941 году (М., Детгиз) и с тех пор, к сожалению, не переиздавалась.

Незабываемы прочитанные в детстве книги Я. Перельмана «Живая математика», «Математические рассказы и головоломки», «Занимательная алгебра», «Занимательная арифметика», «Занимательная астрономия», «Занимательная механика», «Занимательная физика». Каждая из этих книг выходила многими изданиями: девятью, десятью, даже девятнадцатью. Это значит, что они были нужны все новым поколениям читателей, нужны они и сейчас.

Многие из тех, кто сорок лет назад читал Перельмана, были уверены в том, что люди скоро полетят в космос и что ракеты будут многоступенчатыми. Так понятно и наглядно объяснил это писатель. Задолго до того, как слово «невесомость» стало общеизвестным, мы прочитали у Перельмана замечательную главу, которой он дополнил роман Жюль Верна «Из пушки на Луну», где изображалось, как чувствуют себя в невесомости люди и ведут себя вещи.

«Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского — самая взрослая из книг этого перечня. Она рассказала мне, над какими трудными и важными вопросами бились когда-то гимназисты, а были они лишь немного старше меня, когда я читал эту книгу. «Гимназисты» издавались очень много раз. Последний раз — в 1978 году.

После IV класса родителям не удалось отправить меня в пионерский лагерь. Я томился на подмосковной даче у дальних родственников. Папа и мама приезжали на дачу только в выходной. Усталые и нагруженные продуктами, они не могли возить мне книг, тем более что давно было установлено — на меня все равно не напасешься. Хозяин дачи жил на ней постоянно, зимой и летом, но книг у него почему-то не было. Кроме Шекспира, изданного до революции издательством Брокгауза и Ефрона. Это были толстенные пять томов — серые книги с золотым тиснением на черных кожаных корешках. На обложке каждого тома было вытеснено загадочное существо — полузверь-полуптица. Оно, опираясь на щит с гербом, держало в лапах острое копьё. До сих пор не знаю, что оно знало и какое отношение имело к Шекспиру.

Оглавление каждого тома и списки действующих лиц каждой пьесы были окружены затейливыми рамками. В томах было много иллюстраций, в тексте и на отдельных листах-вклейках. Иллюстрации на вклейках были бережно прикрыты прозрачной бумагой. Она была тонкой и вместе с тем пушистой.

Хозяин дачи не сразу допустил меня к этому удивительному изданию. Но все-таки допустил! До сих пор вспоминаю его доверие с благодарностью. Я стал читать и рассматривать пятитомник с начала до конца и от конца к началу. От вступительной статьи до заключительной. Пьесы я читал отдельно. Примечания отдельно, не пропуская. Половины я не понял, другую половину запомнил прочно. Впоследствии я прочитал Шекспира в других переводах и с другими комментариями и увидел, что многие переводы пятитомника несовершенны, а комментарии устарели. Но все-таки еще очень долго при имени Шекспира у меня в памяти вставали эти пять толстых томов с двухколонным набором на больших, просторных страницах, отдававших к краям коричневатым. Казалось, что бумага чуть подгорела, как пенка на топленом молоке. Я долго думал: Шекспир — это и есть только такие просторные страницы с текстом, непременно напечатанным в две колонки и по старой орфографии, с затейливыми виньетками, с рисунками, под которыми стоят неожиданные подписи, например: «Конные носилки XII века. С французской книжной миниатюры». Это изображение врывалось в текст трагедии «Макбет».

Мне казалось, Шекспир — это ощущение в кончиках пальцев от мягкого и гладкого кожаного корешка и от пупырчатого серого переплета. Мне казалось, Шекспир может звучать только так, как звучал он в переводах этого издания.

То давнее лето, когда я читал пять томов Шекспира с начала и до конца и от конца к началу, было дождливым, и Шекспир с его грозными страстями, с кровью его трагедий, с хохотом его комедий, с лязгом мечей, с привидениями, двойниками, шутами, скупцами, завистниками, ревнивцами, мудрецами, переодеваниями, клятвами, Шекспир, у которого все время что-то происходит — назревают великие события или рождаются огромные мысли, — непостижимым образом слился со скукой подмосковной дачи, с жарой июля, а когда наступило бабье лето — с осенней паутиной в кустах, с лиловым от старости, покосившимся и покоробленным столом в запущенном саду.

Потом неожиданно связь прочитанной книги с ее обликом и обстановкой, в которой она читалась, оборвалась. Наверное, потому, что я стал читать еще больше, и не только книги с домашней полки, но и чужие книги, их нужно было «проглотить» и отдать. А скорее всего утрата этой связи неизбежна, когда взрослеешь.

Шекспир был последней книгой моего детства, которую я запомнил во всех подробностях ее вида, со всеми обстоятельствами, при которых я ее читал.

У каждого книгочея есть особенно волнующие воспоминания, связанные с какой-нибудь книгой. Это понятно. У меня такие воспоминания удивительным образом связаны с библиографическим указателем.

К великому сожалению, у меня не сохранились книги моего детства. Не сохранились и книги из библиотеки родителей. Не сохранилось никаких семейных вещей, на которые достаточно взглянуть, чтобы в памяти встали стены, голоса, запахи и картины отчего дома. И мне всегда казалось — тут уж ничего не поделаешь. Что помню, то помню, а что забыто, того не вернешь.

Но вот однажды мне понадобилось по названию книги «Завтра ты победишь» отыскать фамилию автора. В детстве я читал и перечитывал ее много раз. В ней рассказывалось о знаменитом французском хирурге Андре Везалии, о его друге, великом писателе Франсуа Рабле, и о Парижском университете времен короля Франциска I. Это XVI век. Меня интересовала эта эпоха, и я решил перечитать книгу «Завтра ты победишь».

Но я не помнил фамилии ее автора. В библиотеке я взял известный библиографический указатель А. И. Старцева «Детская литература. Библиография». Этот указатель — интереснейшее издание. Сам Старцев успел издать десять его томов. Они охватывают литературу для детей с 1918 по 1963 год. Он еще успел подготовить одиннадцатый том (1964—1966), который был издан после его смерти. В каждом из этих указателей несколько разделов. Они позволяют уточнить название, год и место издания книги, если известен ее автор, найти автора книги, если мы забыли его, а помним только название, по фамилии писателя, который пишет для детей, найти названия всех его книг. По этим справочникам можно узнать, какие художники оформляли детские книги. И получить ответы на множество других вопросов о детской литературе. По этим указателям можно, например, узнать, какие книги читали в детстве ваши бабушки и дедушки, ваши родители, ваши старшие братья и сестры. Они показывают, какое бесконечное множество книг для детей выходило и выходит в нашей стране. Будете в большой библиотеке, посмотрите указатели «Детская литература».

Во втором томе указателя на с. 305 под номером 3802 я и нашел одну из любимейших книг моего детства: Х м е л ь н и ц к и й С. Завтра ты победишь. М.—Л., 1932. Я записал фамилию автора и взял книгу. Книга не только не разочаровала меня, но увлекла заново. Многое я понял и оценил в ней лучше, чем в детстве. Прекрасная книга С. Хмельницкого вышла тиражом в 10 000 экземпляров и с тех пор не переиздавалась.

Жаль! Но она попала в библиографический указатель, а значит, память о ней сохранена. Ее может в большой библиотеке отыскать и тот, кто захочет ее прочесть, и тот, кто когда-нибудь, быть может, решит переиздать ее. Вот, между прочим, для чего нужны библиографические указатели.

Начав листать указатель Старцева, я уже не смог от него оторваться. Казалось бы, что можно увидеть в библиографическом указателе? Только фамилию автора, название книги и издательство. А я листал и перелистывал его тома и вместе с именами авторов и названиями их книг: Е. Данько «Китайский секрет» (последнее издание — М., Советская Россия, 1957), М. Лоскутова «Тринадцатый караван» (последнее издание — М., Детская литература, 1971), Т. Богданович «Соль Вычегодская. Строгановы» (последнее издание — М.—Л., Издательство детской литературы, 1936) — у меня в памяти всплывало не только то, что я когда-то прочитал в этих книгах, не только их вид, но и переживания моего детства, казалось забытые навсегда.

Я наткнулся в указателе на «Завещание чудака» Жюль Верна и вспоминал класс нашей школы в Леонтьевском переулке, где читал «Завещание» на уроке. Я вспомнил парту, выкрашенную с боков в желтый, а сверху в черный цвет, старую, изрезанную и облупившуюся, вспомнил щель между крышкой и неподвижной частью парты. Через эту щель я и читал «Завещание чудака», двигая книгу рывками, так что в щелочке каждый раз появлялись две-три строки текста, как титры на экране немого кино. Читать на уроке посторонние книги, конечно, нехорошо, тут и спора быть не может. Книгу у меня отобрала учительница. Влетело мне по заслугам. Не отдавала она мне «Завещание чудака» долго, а когда наконец принесла, сказала весело: «Зачиталась!»

Здесь и далее встречаются рядом книги, которые я читал в детстве в разные годы, книги, предназначенные для младшего, среднего и старшего возраста. Пусть это вас не удивляет. Время производит отбор, в котором самое главное не то, для какого возраста книга когда-то писалась, а насколько она хороша. И оказывается, что спустя долгие годы взрослым вспоминаешь хорошую детскую книгу как одно из сильных впечатлений жизни и перечитываешь ее. Любую из этих книг, названную в этой главе, вы — я уверен в этом — перечитаете, если читали, с пользой и удовольствием, даже если на ней указано, что она предназначена читателям моложе, чем вы сейчас. Возраст, которому предназначена книга, вообще загадочная вещь. Дефо не предполагал, когда писал своего «Робинзона Крузо», что его книга станет любимейшим чтением детей, он писал книгу для взрослых. А Кэррол, когда сочинял свою «Алису в стране чудес», и не помышлял о том, что его книга превратится в чтение не только для детей, но и для взрослых; более того, что взрослые будут вести об этой книге сложные споры и ссылаться на нее, решая сложные вопросы.

Вот так страницы библиографического указателя высветили в памяти широкий экран и зажгли на нем ленту воспоминаний ярче и объемнее любой кинокартины.

Я увидел название «Детство Тёмы» Н. Гарина и вспомнил, как меня нещадно искушали осы. Потрясенный сценой, когда мальчик спускается

в глубокий колодец, чтобы спасти собаку, я рассеянно расковырял их гнездо, устроенное между досками старой террасы.

Я натолкнулся на название книги «Пакет» Л. Пантелеева — и в памяти возникла не только чудесная обложка художника Н. Тырсы, но и то, как мы покатывались от хохота, когда герой книги принял сургучную печать за свой откушенный язык, и то, какой колючей была выкошенная поляна около пионерского лагеря, где мы читали эту книгу.

«Пакет» выпускался в свет много раз. Последнее издание — в Собрании сочинений писателя (Л., Детская литература, 1970).

Оглушенный, потрясенный картинами детства, которые так неожиданно нахлынули на меня со страниц указателя Старцева, я ушел домой и долго не мог заниматься ничем другим. Я мысленно стал проверять себя. Так оно и есть: самозабвенное чтение детства сопровождалось боковым зрением. Оно позволяло видеть не только страницу и воображать то, что возникает за ней, но и замечать окружающее. Это касалось разных книг — и детских, и взрослых, самых тонких, самых толстых, самых и самых сложных, с иллюстрациями и без иллюстраций.

Я назвал в этой главе много книг, прочитанных давно, в моем, теперь уже таком далеком детстве. Мне кажется, что ни одна из них не устарела. Ведь книжные богатства состоят не только из новинок. Настоящий читатель дорожит и книжными кладами прошлых лет. А многие из этих книг стали классикой!

Прочитать лучшие из тех книг, которыми когда-то зачитывались ваши старшие братья и сестры, отцы и матери, может быть, даже дедушки и бабушки в разные годы их жизни, интересно. И не только интересно. Это чтение помогает понять, чем они жили, о чем думали, чем увлекались. Читая книги их детства и юности, вы откроете темы для увлекательнейших бесед дома: люди обычно любят вспоминать свое детство и то, что они читали когда-то. А человеку сознательному непременно хочется знать историю своей семьи. Ваши домашние, возможно, назовут вам много других книг, которых не назвал я. В иных домах где-нибудь на дальней полке бережно хранятся книги давних лет. Вот так я однажды в доме своих старших родственников разыскал большие серые тома первой русской «Детской энциклопедии». Энциклопедия эта во многом, если не во всем бесконечно устарела. Уже давно не строят таких паровозов, какие изображены в ней. Решительно изменилась жизнь тех далеких краев, о которых рассказывается на ее страницах. На карте мира заполнено много белых пятен. Но листать эту старую энциклопедию, разглядывать фотографии самолетов, похожих на этажерки, читать о недавнем «изобретении» автомобиля или о том, что еще ни один путешественник не достиг Северного полюса, поучительно.

Однако старшие поколения прожили такое бурное время, что мало кому удалось сохранить книги своего детства. Так что, если вы надумаете прочитать те книги, о которых говорится здесь, о которых вам, может

быть, расскажут дома, придется отправиться в библиотеку. Может быть, и не в одну. Скажу сразу — поиск некоторых книг окажется нелегким. Это не беда! Книголюбам приходится смолоду привыкать к поискам книг!

Чем раньше вы начнете искать книги, вас заинтересовавшие, чем раньше привыкнете для этого обращаться в библиотеки, тем больше надежда, что вы их найдете. И тем вернее привыкнете работать в библиотеках. Так что поиск этот, даже если найденная книга вас разочарует — так тоже бывает, — окажется полезным.

А еще я рассказал об этом вот почему. Увы, теперь я могу только вспоминать, как читалось в детстве, когда каждая хорошая книга становилась событием и отпечатывалась в памяти на долгие годы. А вы еще можете именно так читать. И мне хотелось, чтобы вы поверили опыту старого книгочея: так, как в юности, больше не читается никогда! Спешите же, покуда у вас есть способность к такому чтению, набирайте запас прочитанного в долгую дорогу жизни. И такой, чтобы его стоило нести с собой!

КНИГИ-СВИТКИ (продолжение)

Книги древних греков походили на книги египтян — это тоже были свитки. Папирус для свитков греки покупали в Египте. Писали они также на коже, спе-

циально обработанной, писали на табличках, покрытых воском.

В Древней Греции сложились замечательные учебные заведения — Академия, которую основал философ Платон, школа в афинском квартале Ликее, которую так и стали называть Ликей. Здесь читал лекции великий Аристотель. Академия и Ликей Древней Греции дали имя академиям и лицеям более поздних веков.

Эти школы имели большие библиотеки. В это же время стали появляться и огромные личные библиотеки ученых. Предания утверждают, например, что Аристотель собрал сорок тысяч свитков.

Культура Древней Греции в эпоху, называемую эллинистической, нашла свое продолжение на землях Египта. Город Александрия при царе Птолемеи I прославился своими дворцами, театром, храмами и Мусейоном, от названия которого произошло современное слово *музей*. Мусейон объединял университет, обсерваторию, ботанические сады и библиотеку. Библиотека Мусейона была огромной. В нее вошла личная библиотека Аристотеля. Ее купил наследник Птолемея I — царь Птоломей II. Он не жалел для библиотеки никаких денег. Образованные посланцы, состоявшие у него на службе, покупали книги-свитки во всех концах Средиземноморья и Малой Азии. Если свиток нельзя было

купить, они заказывали копию. Александрийская библиотека просуществовала несколько веков, и счет книгам шел в ней на сотни тысяч. В ее облике и устройстве было много такого, что сохранилось в научных библиотеках позднейших времен. В залах библиотеки стояли шкафы. Свитки покоились на полках. Библиотечные залы Мусейона были украшены статуями великих ученых и поэтов.

В одних залах рукописи читали, в других — переписывали, в третьих — разбирали новые приобретения.

Библиотека Мусейона в Александрии сохранила для потомства имена своих библиотекарей. Ими были самые знаменитые поэты и ученые страны, математики, географы, историки, языковеды.

Одно из этих имен должен непременно запомнить каждый, кто интересуется историей книги. Это — ученый и поэт Каллимах. Каллимах понимал, что читающему человечеству важно знать все выдающееся, что создано предшественниками и современниками в науке и литературе. Он взял на себя огромный труд составить каталог всех книг, о которых мог получить сведения. Такая работа требовала огромной образованности и терпения, дотошности и усидчивости. Каллимах включил в свой каталог не только имена авторов и названия книг, он коротко рассказывал, что это за книга, что за человек ее написал.

Если бы каталог Каллимаха сохранился, это был бы ценнейший источник сведений о культуре древнего мира. Увы, он погиб. Однако свидетельства многих авторов дают о нем представление. В историю культуры Каллимах вошел под именем отца библиографии. Своему многотомному

труду он дал прекрасное название: «Каталог писателей во всех областях образованности и книг, которые они сочинили».

Библиотека Мусейона просуществовала несколько веков. Она обрела большую славу, сослужила великую службу многим поколениям ученых, но погибла. С ее гибелью связаны легенды. Рассказывали, например, что, когда Юлий Цезарь покинул Александрию, он поджег библиотеку. На самом деле этого не было.

Библиотеку Юлий Цезарь не поджигал. Во всяком случае сознательно. Он собирался вывезти ее в Рим. Отчаяние библиотекарей, когда они увидели, как солдаты Цезаря упаковывают книги-свитки и увозят в порт, было безмерным. Здесь в порту свитки, упакованные в тюки, и сгорели. Что было причиной пожара, неизвестно. Ущерб был огромный. Но библиотека погибла не вся. Часть ее собраний уцелела. Второй раз ее сокровища горели в III веке нашей эры во время войны Рима против Пальмирского царства. Боевые действия захватывали территорию Александрии. Жертвой их стала библиотека. Горело здание, горели шкафы со свитками, горели свитки. Кое-что удалось спасти, кое-что удалось собрать снова. Прошло еще полтора столетия, и фанатичные христианские церковники стали жечь языческие книги некогда славной библиотеки Мусейона. Так как все книги ученых, поэтов, историков, написанные не в духе христианской веры или вообще до того, как эта вера возникла, считались ими языческими, они сожгли едва ли не все, что еще оставалось в библиотеке. Так она окончательно исчезла с лица земли.

...Ни одному источнику энергии не удалось еще создать такого света, который исходит порой от маленького томика, и никогда электрический ток не будет обладать такой силой, которой обладает электричество, заложенное в печатном слове.

Стефан Цвейг

Над нашей школой шефствовал Театр юного зрителя. Мы пересмотрели здесь все спектакли, многие по нескольку раз. Пускали нас, как актив театра, бесплатно. И вдруг по школе разнесся слух: у нас организуется драмкружок. Руководить им будет актриса нашего любимого ТЮЗа.

ТЮЗ готовил спектакль «Вольные фламандцы» по книге Шарля де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле...». Болельщики театра, мы прочитали книгу де Костера. Она произвела на нас сильнейшее впечатление.

События в этой книге происходят в XVI веке. В Нидерландах — на родине Тиля — господствуют испанцы. Они жестоко преследуют простых людей. Отца Тиля они сжигают на костре, и Тиль клянется отомстить. Книга эта и прекрасна, и сложна. Ее коротко не перескажешь. Прочитайте ее, если не читали.

И тогда, соревнуясь с ТЮЗом, мы выдвинули идею — самим поставить «Тиля»! Наша руководительница не отругала нас за дерзость, а обрадовалась. Чтобы поставить своего «Тиля», нужна была своя инсценировка. Та, которую репетировал театр, нам не понравилась. Написать свою мы не смогли, хотя лучшие перья всех классов бились над этим. Тогда руководительница предложила нам интересный способ работы. У него есть длинное ученое название: этюдно-импровизационный метод. Мы выбрали в романе несколько главных событий из жизни Тиля, каждое событие разбили на несколько сценок и каждую такую сценку сыграли. Не выучивая текста. Вообще без написанного текста. Просто делая то, что должны, как нам казалось, делать участники сценки, сообразуясь с обстоятельствами, и говоря то, что они могли бы говорить.

До чего же внимательно надо было вчитаться для этого в роман! Пока мы не задумывались над инсценировкой, нам казалось, что мы ясно представляем себе его сюжет, ход действия, характеры героев. Оказалось, что это не так. Возникли вопросы, которые при первом чтении и в голову не приходили. Например, сколько времени продолжается

действие романа? Оказалось, что оно охватывает десятилетия — столько, сколько продолжались описываемые в нем исторические события. А главный герой, который вначале проходит ступеньки, отделяющие подростка от младенца, юношу от подростка, взрослого человека от юноши, потом перестает меняться в возрасте и больше не стареет. Так писатель хотел передать вечную молодость Тиля, воплощающего молодость родной страны.

Я рассказываю в «Книге о книге» о нашей школьной постановке «Тилиа» потому, что она дала мне несколько важных уроков обращения с книгой, — научила, например, тому, что, когда читаешь книгу не только для удовольствия, но, имея в виду связанное с ней дело, скажем, доклад или, как в нашем случае, инсценировку, в ней открываешь такое, чего никогда не заметишь при простом чтении. Об этом хорошо знают художники-иллюстраторы. Когда им нужно делать рисунки к произведению, которое они знают, казалось бы, с детства, эта необходимость открывает в нем неведомые стороны, не замеченные прежде подробности.

Но это был не единственный урок чтения «Тилиа».

Пока на репетициях отбирались эпизоды, складывался и постепенно запоминался текст, нужно было подумать о декорациях и костюмах. Как одеть Клааса — бедного нидерландского угольщика? Как одеть солдат герцога Альбы? Тилиа в роли шута?

Ответы мы нашли в книге по истории костюма. Никто из нас даже и не подозревал, что есть такие! А тут по рекомендации нашей руководительницы нам их показали в театральной библиотеке. Выложили на стол толстые тома и сказали: «Костюмы XVI века найдете здесь!» Разглядывать эти тома оказалось увлекательно. Но, всмотревшись в них, мы скоро поняли — таких костюмов нам никогда не сделать: где взять такие дорогие ткани, кто сумеет их скроить и сшить? Мы огорчились.

Библиотекари театральной библиотеки верный путь подсказали нам не сразу. Я подозреваю, что наша руководительница попросила их, чтобы они дали нам самим побарахтаться и открыть простую вещь: оказывается, есть книги не вообще по истории костюмов, а о костюме театрального, то есть о том, как сделать костюм для сцены. И есть даже книги о том, как сделать такой костюм в театре маленьком и небогатом. Именно это было нам нужно!

Мы нашли в библиотеке тоненькую книжку, изданную в годы гражданской войны, — советы театрального художника передвижным театрам, как оформить спектакли. Жалею, что спустя столько лет не могу вспомнить ни имени автора, ни точного названия книги, перечитал бы ее с удовольствием. Ее автор объяснял, как сделать, чтобы мешковина выглядела дорогой тканью, рогожа смотрелась кольчугой, осколок стекла блеснул драгоценным камнем; как превратить куриные перья в пышный плюмаж, как добиться, чтобы деревянный меч не только засверкал грозной сталью, но даже зазвенел в поединке.

Это была не просто книга о театральных декорациях, бутафории и костюмах, а книга о волшебной силе искусства. Тоненькая, изданная на серой бумаге, из которой торчали щепки, она всем своим видом говорила о трудном и скудном времени, когда была написана. И она же — уверенно, весело, звонко — обещала открыть тайны яркого театрального зрелища. И выполняла это обещание. Не мне, конечно, судить, насколько удачным был наш спектакль. Мы вложили в него всю душу. Неделями рисовали, шили, клеили, мастерили. После премьеры нас хвалили. Оформление понравилось.

А история подготовки спектакля — полезный урок. В жизни часто приходится заниматься тем, чем никогда до этого не занимался, и решать, как подготовить, скажем, вечер химии с волшебными опытами, что взять с собой в туристический поход, как уложить вещи в рюкзак, как испечь хлеб, как провести в квартире электрический звонок. Принимаясь за любое дело, всегда хорошо узнать, как его делали до вас другие люди. И чтобы «не изобретать велосипед», искать и найти книгу, где об этом написано, искать, твердо зная, зачем ее ищешь.

Но урок, который мне дала старая книга об оформлении театрального спектакля, был много шире этого практического вывода. Оказалось, что в книге, которую читаешь по специальному поводу, часто находишь что-то другое, полезное, важное, нужное в другом деле. Она подсказывает неожиданные мысли. Они залягут в глубине памяти и вынырнут, когда окажутся необходимыми. Начнешь вспоминать: «Откуда я это знаю? Как это пришло мне в голову?» — проследишь всю цепочку мыслей до конца, и окажется — в начале была давным-давно прочитанная книга.

Книжка о том, как скудными средствами создавать выразительное театральное зрелище, убеждала: не пытайтесь создать на сцене впечатление большого войска, выводя на сцену всех, кого только сможете. Пусть это будет сто актеров, даже двести — огромного войска все равно не получится. А вот если в глубине сцены в просветах декорации или над ними будут то показываться, то исчезать острия копий или штыков, если копья или штыки будут колыхаться, зритель увидит: на горизонте движется огромное войско. Эта книга на примере театра говорила: в искусстве малыми средствами можно достичь многого. Для этого надо не подменять воображения зрителя, а стараться разбудить его.

В очень серьезном труде о самых серьезных вопросах искусства — «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» немецкого писателя Готхольда Лессинга приводится такой пример. Молодую прекрасную девушку Ифигению, как о том рассказывает греческое сказание, приносят по воле богов в жертву. Ее никто и ничто не может спасти. Родные и близкие в ужасе. Древнему художнику нужно было передать их горе. На лицах всех родных он изобразил разные его проявления. А лицо отца, горящего сильнее всех, закрыл плащом. Пусть зритель сам вооб-

разит это лицо. Воображение непременно окажется сильнее, чем рука художника.

Я прочитал это рассуждение уже студентом. Оно поразило меня своей глубиной. Читая его, я вспомнил ту старую книгу об оформлении спектакля, о которой рассказывал вам. И позже я часто вспоминал эту книгу. Когда смотрел спектакли и кинофильмы, когда сам писал пьесу или сценарий. Я и до сих пор ее не забыл. А ведь взял я ее когда-то в библиотеке, только чтобы узнать то, что было нужно для постановки нашего школьного спектакля.

КОДЕКСЫ

Первые книги, похожие на современные, появились примерно в I веке нашей эры. Назывались они кодексами. «Кодекс» — слово латинское. Его значение ведет в далекое прошлое. Первоначально оно значило дерево, потом стало значить — книга из дерева. Представьте себе дощечку с выдолбленным углублением. В него наливали расплавленный воск и, пока он был еще мягким, разглаживали его. По застывшему воску хорошо писала острая металлическая палочка (по-гречески — *stylos* — стиль).

Несколько таких дощечек соединяли шнурком в книжечку. Эти книжечки носили с собой, как мы носим записную книж-

ку. На «страницах», покрытых воском, взрослые делали записи для памяти, дети учились на них считать и рисовали рожицы, поэты записывали стихи, счетоводы вели счета. И вдруг неизвестному нам великому изобретателю пришла в голову мысль: если так можно сделать маленькую книжечку, почему не сделать так большую? Конечно, соединять надо не дощечки, покрытые воском, а то книга будет слишком тяжелой, а делать страницы из более легкого материала. Вначале для этого применяли папирус. Но странички из папируса свертывались. Тогда перешли на другой материал — пергамент, или пергамен.

Предание рассказывает, что пергамент как материал для письма изобрели в малоазиатском городе Пергаме, где была замечательная библиотека. Библиотекари Египта взревновали к славе этой библиотеки и добились запрещения продавать папирус за пределы Египта. Правда это или нет, неизвестно, но легенда интересная. Пергамент оказался прекрасным материалом для книги. Изготавливался он так. Кожу овцы или телянка вымачивали в извести, соскребали с нее остатки мяса и шерсти, сушили, туго натянув на раму, разглаживая пемзой, втирали в кожу мел. Получался белый или чуть желтоватый материал для письма. Он прочен, его можно сгибать и складывать, разрезать на листы любого размера. Для книг-кодексов он подходил больше, чем папирус. Однако первое время к этому материалу относились пренебрежительно. Его считали второсортным по сравнению с папирусом.

В средние века возникли мастерские письма — их называли *скриптории*. Поначалу они служили для переписывания только Библии и сочинений отцов церкви.

Но скоро в скрипториях начали переписывать и сочинения языческих писателей древнего мира. Монахи оправдывались — им-де это нужно, чтобы усовершенствоваться в древних языках, на которых написаны священные книги. Некоторые увлекались самими сочинениями древних.

Под скрипторий отводилась большая светлая комната. Здесь, где работало несколько писцов, соблюдался порядок и тишина. Прежде чем начать писать, переписчик тщательно очинивал перо и расщеплял его кончик. В скрипториях, где принято писать тонкими линиями с небольшим нажимом, перо оттачивали как можно более тонко. Если в скриптории было принято, чтобы в начертании букв чередовались утолщенные линии и нажимы, перо срезали наискосок.

Заточка пера подчинялась правилам, а правила определялись тем, каким шрифтом было принято переписывать книги в этих краях в ту пору. По начертанию букв, толщине линий, их наклону ученые определяют, в каком веке написана рукописная книга, в какой стране, иногда даже из какой скриптории она вышла. Этим занимается особая наука — *палеография* (в переводе с греческого *paleo* — древний, *grapho*, как мы уже знаем, — пишу). Палеография занимается историей письма, учит читать рукописные книги, определять время и место их написания.

...Писец осторожно обмакнул перо в чернильницу, поднял его и поглядел на свет, не пристала ли к нему, боже избави, соринка, прочитал несколько слов в книге, с которой он списывает текст, и, затаив дыхание, начал тщательно выводить чернилами буквы на пергаменте. Пергамент предварительно налинован чуть заметными линиями.

Работа переписчика долга и утомительна. Она длилась много часов подряд. Ныла спина. Уставали глаза. Немели руки. Один монах, трудившийся в скриптории, жаловался в латинском стихотворении: «Три пальца пишу, все тело страдает».

Дописав книгу до конца, переписчик радовался и иногда, не страшась наказания, делал приписку к тексту: «Восхвалим руку того, кто переписал сей текст!» Иногда он заканчивал текст бесхитростным стиш-

ком: «Кто книгу эту переписал, достоин, чтобы в рай попал!»

Удивительные встречаются в старинных рукописных книгах приписки. Например: «Закончив переписывать сию книгу, охотно приму в благодарность хорошую корову». Порой переписчик смиренно выражал сомнения в своей грамотности: «Если ошибся писавший, пусть его поправит читающий». Случалось, в латинском тексте встречались греческие слова, написанные греческими буквами. В таком месте переписчики делали пометку: «Написано по-гречески, прочесть не могу...»

Перепиской текста работа над рукописной книгой не заканчивалась. Чтобы сплошной текст легче читался, его делили на кусочки красными линиями. Делал это особый мастер — рубрикатор (от латинского слова *ruber* — красный).

Начальные буквы глав украшались узорами, поля книги часто покрывались орнаментом. Это была работа иллюминатора (в переводе с латинского — раскрашиватель). Некоторые книги украшались еще и рисунками, которые изображали то, о чем идет речь в тексте, — миниатюрами. Многие думают, что это слово всегда обозначало что-то маленькое. На самом деле это не так. Слово «миниатюра» первоначально происходило от названия краски, которую обычно применяли для этих рисунков. А так как рисунки чаще всего были мелкими, оно постепенно приобрело то значение, которое со временем приобрело слово «миниатюрный».

Потом переплетчик складывал листы пергамента, покрытые текстом, в тетради, тетради пришивал ремешками к доскам переплета, обтянутым кожей. На кожаных переплетах штемпелями выдавливали разные узорные украшения, а к переплету часто приделывали металлические застежки, чтобы застегивать книгу.

У старинных рукописных книг иногда был переплет в виде большого кошелька, чтобы привязывать его к поясу или приторачивать к седлу. Так переплетали книги, которые брали с собой в дорогу.

Богатые владельцы заказывали для книг переплеты, отделанные серебром и золотом, украшенные драгоценными камнями.

Но и те книги, что не имели таких переплетов, стоили дорого. На пергамент, нужный для одной толстой книги, приходилось забивать целое стадо телят. Кропотливо, по многу месяцев, а иногда и лет, трудились переписчики, иллюминаторы, переплетчики над одной-единственной книгой.

Больше всего книг было в монастырях. Монастырь, владевший книгами, хранил их бережно. В библиотеках книги иногда приковывали к полкам цепями, чтобы их нельзя было унести с собой. В некоторых библиотеках висели грозные предупреждения, что тому, кто унесет книгу, грозит отлучение от церкви. Если книгу давали на время другому монастырю, церкви или частному лицу, за нее брали большой залог — книгами, деньгами или драгоценностями. Библиотеки университетов отказывали в выдаче книг даже очень важным лицам. Однажды французский король попросил рукописную книгу из библиотеки Парижского университета. Он получил в ответ учтивое письмо, что библиотека никоим образом не может выпускать из своих стен такую ценную книгу, не получив большого залога (сумма залога была назначена огромная). Согласился король на эти условия или нет, неизвестно, но такое письмо сохранилось.

Во времена рукописных книг-кодексов трудно приходилось книголюбам. Все книги, с которыми они имели дело, были ру-

кописными, а значит и дорогими, редкими, труднодоступными. Любитель чтения не мог просто пойти в библиотеку и взять там книгу на время. Один из самых замечательных книголюбов того времени — итальянский поэт Петрарка — большинство книг, которые он прочитал, отыскивал, часто с великим трудом, на монастырских чердаках и в подвалах, у случайных владельцев, часто с поврежденными, порванными страницами, нередко с текстом, искаженным переписчиками.

Петрарка не просто читал найденные им книги. Пока он был молод и небогат и не мог покупать книг, он их переписывал. Позже, когда у него появилась такая возможность, давал переписчикам копировать их под своим наблюдением. Это было отнюдь не механическое переписывание. Петрарка сопоставлял разные варианты текстов, оценивал расхождения, составлял сводный, по его мнению, наиболее точный и полный текст, делал пометки о том, почему избрал именно эту редакцию.

Петрарка — один из самых ненасытных читателей в пору рукописных книг-кодексов — предельно сократил часы сна, чтобы ему оставалось больше времени для чтения и писания. И он сказал так: «Недостаточно иметь книги, их нужно знать; нужно их беречь не в сундуке, а в памяти, укладывать не в шкаф, а в свою голову». Прекрасные, неустаревшие слова...

МЫ — СТУДИЙЦЫ

Читайте! И пусть в вашей жизни не будет ни одного дня, когда бы вы не прочли хоть одной странички из новой книги!

К. Г. Паустовский

Московский Дом пионеров, который находился тогда в переулке им. Стопани, поблизости от улицы Кирова, был прекрасен. На первом этаже был фантастический грот с камнями и раковинами, на втором — игротка с невиданными действующими моделями и игрушками, во дворе — корпус с мастерскими и лабораториями. И все это — для нас.

Но моих товарищей и меня, пробовавших писать стихи и рассказы, больше всего пленила библиотека и просторная читальня с прекрасными книгами. В маленькой угловой комнате, обшитой темными дубовыми панелями, занимались наши литературные кружки от самого младшего для школьников IV класса до старшего. В него мы пришли, когда учились в VII классе, и пробыли в нем два года.

Мы гордо называли наш кружок студией, и он заслужил такое название. С нами занимался известный поэт Михаил Аркадьевич Светлов. К тому времени он уже написал замечательные стихотворения «Двое», «Рабфаковке», знаменитую «Гренаду», «Я не знаю, где граница между Севером и Югом...», «Я нынешней ночью не спал до рассвета» и много других. На занятиях мы под его руководством читали и разбирали наши стихи. Говорил он с нами с веселой серьезностью и часто рассказывал, почему ему самому удалось или не удалось то или другое стихотворение.

Еще с нами занимался критик Александр Иосифович Роскин. Он написал прекрасную книгу для юных читателей о Чехове — «Антоша Чехонте». В ней рассказывается о том, как Чехов воспитывал в себе характер, волю, вкус. Увлекательнейшая книга. И поучительная. Горячо вам ее рекомендую!

На занятиях Роскина постоянно утверждалась мысль, как много нужно знаний тому, кто собирается писать. Наши руководители понимали, что юным литераторам не пойдет на пользу, если они будут без конца обсуждать только собственные несовершенные сочинения. Они заботились о том, чтобы мы постоянно помнили о великих образцах и чтобы нам о них рассказывали те, кто лучше всего их знает. Достаточно

сказать, что лекции о Пушкине нам читал знаменитый пушкинист Сергей Михайлович Бонди. Он еще в молодости прославился тем, что был одним из расшифровавших таинственную X главу «Евгения Онегина».

...Тут мне хочется сделать отступление. Когда я вспоминаю свое детство и юность, я вижу, как мне посчастливилось. Я встретил столько прекрасных учителей и прочитал столько прекрасных книг, подсказанных ими! Пусть моя бесконечная благодарность этим людям и этим книгам прозвучит со страниц, которые я сейчас пишу. Многие важные мысли, занимающие человека, когда он становится взрослым, многое, что он делает, когда начинает профессионально работать, определяется в юные годы. Хорошие люди, которых вы встретите сейчас, хорошие книги, которые вы прочитаете сейчас, будут жить в вашей памяти и душе десятилетия спустя. Постарайтесь не разминуться с ними!

Руководители нашей студии заботились о том, чтобы мы не ограничивались только литературными интересами. Биологи рассказывали нам о тайнах живой природы. До сих пор помню объяснения, почему иногда море окрашивается в красный цвет и отчего светятся светлячки.

По воскресеньям мы занимались в Музее изобразительных искусств — учились смотреть картины и скульптуру. Как мы все это успевали? Не знаю! Но успевали. Два вечера в неделю в литературной студии — это было счастьем! Постепенно без всякого нажима нам внушили мысль: станем мы или не станем поэтами или прозаиками, покажет время. Но если мы хотим серьезно заниматься литературой, мы должны быть широко образованными людьми. Чтобы помочь нам в этом, наша студия не жалела сил.

Не все ее участники стали литераторами. Многие посвятили себя другим делам. Несколько талантливых студийцев погибло на фронте. И эта рана никогда не заживет в наших душах — душах их друзей. Немало занимавшихся в разные годы в нашей студии ныне-профессиональные писатели — назову для примера Сергея Баруздина, Николая Евдокимова, Якова Козловского.

А потом в жизни студии произошло прекрасное событие. Наш Дом пионеров и редакция журнала «Пионер» решили послать участников литературных кружков в плавание по реке. Возглавлять его вызвались два писателя Константин Георгиевич Паустовский и Рувим Исаевич Фраерман. К этому времени уже были напечатаны книги Паустовского «Северный фронт», «Кара-Бугаз» и «Колхида». Фраерман еще не написал свою знаменитую книгу «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви», но мы хорошо знали его книги про тайгу и гражданскую войну «Никичен» и «Васька-гиляк». Мысль, что мы проведем много дней в обществе таких прекрасных писателей, да не в комнате, а в плаванье по реке, под крышами палаток, у одного костра, кружила нам голову.

Я написал об этом плавании в книге «Откуда начинается путешествие». Тут расскажу о нем коротко.

Мы ждали, что Паустовский и Фраерман будут говорить с нами о литературе. Этого они не делали. Они учили нас ставить палатку на ветру, разводить костер под дождем, выгребать тяжелые лодки против течения, видеть лес, реку, огонь, называть по имени деревья и травы, наблюдать за приметами погоды, больше слушать, чем говорить.

О книгах разговор состоялся только в последний день, в поезде, когда мы уже ехали в Москву. Константин Георгиевич спросил нас, что мы любим читать, а потом продиктовал список книг. «Их надо прочитать непременно», — сказал он.

Дома я переписал этот список в толстую тетрадь и озаглавил ее: «Книги, которые должны быть прочитаны». Список этот я стал продолжать. Он постоянно опережал меня. В нем всегда записано книг больше, чем я мог прочитать.

Во время войны эта тетрадь, к большому моему горю, пропала. И позже я продолжал этот список в других тетрадях и продолжаю его до сих пор.

Я не хочу, спустя столько лет, по памяти приводить все названия книг, продиктованные Паустовским. Я могу ошибиться. Назову только те, о которых точно помню: их названия в первый раз я услышал в поезде, когда наша экспедиция возвращалась в Москву.

В этом списке была одна особенность. Он включал не только стихи, романы и повести. Константин Георгиевич советовал нам непременно читать книги путешественников, геологов, моряков, ученых: «Путешествие на корабле „Бигль“» Чарлза Дарвина, книгу путешественника Н. М. Пржевальского, книги палеонтолога В. А. Обручева и минералога А. Е. Ферсмана.

Он назвал нам книги своих любимых морских писателей, среди них Джозефа Конрада, поляка, писавшего по-английски, капитана по профессии, который стал замечательным прозаиком. С нежностью произнес он имя Александра Грина. До того я о нем никогда не слышал. Константин Георгиевич огорчился, когда узнал, что мы не знаем некоторых замечательных старых писателей, например Сергея Тимофеевича Аксакова, и велел записать в списке его книги «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

Тогда, в вагоне, я первый раз услышал от нашего флагамена названия рассказов Ивана Алексеевича Бунина и строки из ранних стихов Николая Николаевича Асеева.

Список этот долго и надежно служил мне лоцией в книжном море.

Позже мне случалось несколько раз встречаться с Паустовским. Из каждого разговора с ним я узнавал еще об одной книге, которую непременно следует прочитать.

И в своих рассказах, повестях, воспоминаниях Паустовский часто упоминает книги разных авторов, рассказывает об их судьбах, размышляет о секретах дарований, иногда просто цитирует других писателей. Из книг, упомянутых в его произведениях, можно составить библиотеку.

Писатель Паустовский был неутомимым читателем. В этом он следовал Пушкину, Л. Толстому, Гейне, Флоберу, Горькому и другим великим писателям. Все они были великими книголюбями. Они постоянно размышляли о книгах, говорили, писали о них, участвовали в спорах о книгах, всячески прославляли книгу и ее создателей.

Список Паустовского звучал особенно убедительно и привлекательно, наверное, потому, что рождался на наших глазах: Константин Георгиевич вспоминал авторов и названия их книг, говорил о том, когда сам впервые прочитал книги, которые советует теперь нам, вдруг спохватился, что кого-то забыл, и называл имя автора или название книги, чуть было не обойденной им, словно подчеркивал их в воображаемом перечне. Мы стали свидетелями того, как работает мысль человека, если он любит книгу и хочет приобщить других к этой любви.

Несколько лет читал я книги по списку Паустовского, конечно, читал и другие, но все-таки старался прежде всего узнать те, о которых так любовно и увлекательно говорил Константин Георгиевич. Я понял, как важно не просто много читать, а читать, следуя доброму совету того, кто больше успел прочесть и глубже, чем ты сам, об этом подумать. Может быть, поэтому с того давнего дня я люблю читать рекомендательные списки книг, посвященные разным областям жизни, науки, литературы, и всегда советую их молодым читателям, когда они спрашивают, как пополнить свои знания, свое знакомство с литературой и искусством.

Константин Георгиевич Паустовский любил читать лоции — описания морей и морских берегов. Хороший рекомендательный список — тоже лоция. Лоция в океане книг.

Не всякому посчастливится записать список «Книги, которые должны быть прочитаны» со слов известного писателя. Но составить для себя список рекомендательной литературы может каждый. На помощь придет библиотека. Там вы найдете, что читать об истории, о науке, о технике, о природе, о путешествиях, об изобразительном искусстве, о спорте. И, конечно же, списки художественной литературы по школьной программе, и сверх нее. Такие рекомендательные списки для читателей разных возрастов часто переиздаются. Непременно, когда бываете в библиотеке, берите такие списки. Делайте из них выписки на карточки. Так у вас постепенно сложится своя лоция по книжному морю. Она станет вашим надежным помощником. Не жалейте времени на то, чтобы расширять, дополнять, уточнять ее. Вы будете отставать от этого плана — он должен всегда опережать вас. Будете отступать от него. Тоже не беда! Но пусть у вас как можно раньше появится такой советчик — постоянный список «Книги, которые должны быть прочитаны»!

ПЛОДОНОСЯЩИЙ САД И НЕРАДИВЫЕ ЧИТАТЕЛИ

Рукописные книги были редки и дороги. Люди, горевшие пламенной любовью к книгам, тратили на них все свои деньги, если были богаты, становились переписчиками книг или библиотекарями, чтобы оказаться ближе к книгам, если были бедны. Некоторые соглашались отслужить за книгу трудную службу. Один из таких средневековых книголюбов — его имя, к сожалению, осталось неизвестным — написал такую похвалу книге: «Книга — светоч души, зеркало тела; она наставляет в добродетели, помогает очиститься от грехов; книга — венец мудрецов, вожатый странствующих; она — друг семьи, утешитель в болезнях, помощник и советник правителям; книга — душистый сосуд красноречия, плодоносящий сад, луг, где произрастают яркие цветы; книга спешит к тебе, едва она понадобится, книга всегда готова помочь; скрытое и тайное она извлекает на свет; книга светит во тьме, утешает в несчастье, помогает быть умеренным, пользуясь счастьем».

Но встречались и тогда нерадивые читатели. В начале XIV века епископ Ричард де Бери написал сочинение: «Филобиблон» (что в переводе с греческого значит

книголюб), или Превосходный трактат о любви к книге». Он писал: «Встречаются школяры (школярами называли тогда и школьников и студентов. — С.Л.), которые так пачкают книги, что им больше бы пристало носить фартук сапожника, чем иметь дело с книгами. Если им нравится какое-нибудь место в тексте, они подчеркивают его грязными ногтями. Вместо закладки они вкладывают в книгу пучки соломы. Они не стесняются есть над раскрытой книгой и сыр, и фрукты, и пируют они над книжными страницами без всякой предосторожности. Если у них нет под рукой сумки, чтобы спрятать остатки завтрака, они преспокойно оставляют их в книге. Читая, они опираются локтями на толстые тома, а чтобы расправить загнутый уголок страницы, сгибают и разгибают ее, что приносит книге непоправимый ущерб. Но пуще всего следовало бы изгонять из библиотек тех молодцов, которые, тщаь доказать, какие они великие художники, изрисовывают поля книг безобразными узорами и звериными мордами. Есть среди них и такие, которые обрезают поля пергаментных листов, чтобы писать на них письма, или вырывают из книги чистые страницы».

Вас не бросило в жар, когда вы читали эти строки? Прошло более шести веков, а еще до сих пор постоянно приходится твердить читателям: обращайтесь с книгой бережно, не загибайте страниц, не прикасайтесь к ним грязными руками, не вкладывайте в нее толстые предметы, не ешьте, когда читаете.

Большой ущерб рукописной книге приносили не только небрежные и бессовестные читатели. Переписчики иногда использовали пергамент второй раз. Прежний текст смывали молоком или соскребали ножом. На очищенном пергаменте писали новый текст. Целые библиотеки книг, часто бесценных, погубили таким способом. Правда, не совсем. Чернила глубоко впитывались в пергамент. Старый текст можно прочитать под новым, фотографируя его при специальном освещении. Тогда на фотографии под более четким и черным верхним текстом проступает менее отчетливый нижний, то есть более старый текст. Листы пергамента с двойным текстом называются *палимпсесты* (от греческих слов

palim — опять и *psecton* — тереть, скоблить).

Велика была радость ученых, когда перед их глазами на фотографии возникал текст, который больше нигде, кроме нижнего слоя палимпсеста, не сохранился. Именно такая судьба, например, у сочинения «О республике» римского оратора и политического деятеля Цицерона.

Хотя во многих монастырях средневековья были собраны прекрасные библиотеки, отношение к книге в монастырях не всегда было хорошим. Знаменитый итальянский писатель Джованни Боккаччо путешествовал по Италии в поисках старинных книг. Как все образованные люди, он был наслышан о знаменитой библиотеке в старинном монастыре Монтекассино. Когда он добрался до монастыря и попросил разрешения полюбоваться библиотекой, монах, небрежно махнул рукой, указывая на крутую лестницу: «Полезай наверх! Библиотека не заперта».

Боккаччо вскарабкался наверх и, к своему изумлению, увидел, что комнаты, где хранятся сокровища монтекассинской биб-

лиотеки, вообще не имеют дверей, окна поросли мхом, полки с книгами покрыты пылью. Он стал снимать с полок книги одну за другой, нашел среди них сочинения древних и иностранных авторов. Но чуть ни в каждой книге недоставало страниц или были обрезаны поля. Друг Боккаччо рассказывал с его слов: «Вышел он оттуда с сокрушенным сердцем, заливаясь слезами от горя, что труды и работа стольких славных умов достались в руки столь недостойных людей. Поспешно вернувшись в монастырь, он спросил первого встречного монаха, почему драгоценные книги так постыдно заброшены. Тот отвечал, что некоторые монахи, желая заработать два или пять сольди (мелкая итальянская монета. — С.Л.), соскабливали листы и изготавливали маленькие книжечки для псалмов и продавали их детям, а из полей делали евангелия и молитвенники, которые продавали женщинам».

Это печальная история не случайность. В XIV веке переписывание и сбережение книг во многих монастырях приходит в упадок.

СТИХИ И КАК БЫ СТИХИ

Не всякий, кто может писать стихи, поэт.

Бен Джонсон

В нашей литературной студии мало кто писал прозу, почти все писали стихи. Способность рифмовать и подчинять слова ритму очень распространена. Множество людей пробует смолodu писать стихи, и, на их собственный взгляд, у большинства это даже получается.

Однако через несколько месяцев занятий под руководством М. Светлова и А. Роскина, после того как мы сами с пристрастием разбирали стихи друг друга, мы вдруг почувствовали: среди наших стихов есть стихи и есть как бы стихи. У как бы стихов все видимые признаки стихотворения: в них о чем-то рассказывается, то, о чем рассказано, зарифмовано, есть ритм, они написаны строфами или лесенкой. В этих строках встречались и эпитеты, и сравнения, и метафоры, — словом, было все, что должно быть в стихотворении. И все-таки это были не стихи, а как бы стихи.

Мы скоро научились чувствовать: вот это — как бы стихи, но объяснить, по каким приметам узнаем их, не могли.

Так бывало не только с нашими собственными стихами, но иногда и со стихами, напечатанными в газете или журнале. Это нас поначалу очень удивляло. Как объяснить, почему некоторые стихотворные строки, напечатанные типографским способом, не настоящие стихи? Нелегко! Напечатанное слово иногда гипнотизирует читателя: кажется, раз принято редакцией и напечатано, значит, хорошо.

Мы начали охоту на как бы стихи. Вначале нам казалось, что их первый признак — глагольная и вообще слишком простая рифма: «лежит» — «бежит», «гуляет» — «понимает».

— Ну что это за рифма? — нападали мы друг на друга. — Так можно рифмовать километрами!

Для стихов, срифмованных таким образом, появились у нас шуточные названия: «молчи — замолчи» и «ботинок — полуботинок». Подобные рифмы мы называли бедными. Потом мы узнали, что в теории стихосложения бедными рифмами называются лишь такие, в которых

созвучны одни только ударные гласные: «зову» — «иду», «вода» — «дома». Впрочем, услышав это пояснение, мы и стихи с бедными рифмами стали тоже решительно отвергать.

Однако странное дело! У некоторых из нас в стихах встречались рифмы богатые, сложные, даже редкие, а стихотворение все-таки было плохим. У меня, например, в одном стихотворении строки рифмовались так:

Друзьям кивнул на граду-сник,
И шум веселый сразу сник,
Меня скрутила маля-рия,
Но сколько и как в жару не го-ри я...

Рифмы похвалили, а стихотворения раскритиковали. И правильно!

Однажды, когда мы снова заспорили на тему, что такое стихи и как бы стихи, и снова прозвучали осудительные слова о глагольных рифмах, один из наших руководителей прочитал такие строки:

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет.
Бочка по морю плывет...

Пушкин, «Сказка о царе Салтане»... Самые, что ни на есть глагольные рифмы, а какие прекрасные, какие изумительные стихи!

Вслед за глагольными были оправданы и другие рифмы, которые мы отвергали, считая их плохими, потому что они бедные. Вот пример из Лермонтова:

Обходит волк вокруг гумна,
И если в поле тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги.

Переключка ударных гласных в словах «гумна» — «тишина», «издали» — «шаги» и образует так называемую бедную рифму. Созвучие в концах строк едва ощутимо, но музыкальность и красота всей строфы вне всякого сомнения!

Может быть, признаки, отличающие настоящие стихи от ненастоящих, надо искать в том, есть ли в стихах словесные образы — так называемые тропы? Мы уже знали это понятие, знали, какие бывают тропы: метафоры, сравнения, эпитеты, метонимии, гиперболы — всех не перечислишь! На ум сразу приходят замечательные строки, в которых есть тропы.

«Бродячая толпа облаков» у Фета, «весна золотая» у Некрасова, «сноп волос моих овсяных» у Есенина, «уснет перо, моя отрада» у Пушкина. Примеры поэтических образов, простых и сложных, обычных и необычных, обступили нас со всех сторон.

— А где образы в твоём стихотворении? — нападали мы на очередную жертву.

Образов, действительно, не было. Все слова были употреблены в их прямом значении. Может быть, поэтому стихотворение не получилось? Но тут кто-то припомнил пушкинское:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

— Нет в этих восьми строках ни метафор, ни сравнений, ни особенных эпитетов, ни метонимий, ни гипербол! — начал рассуждать один из нас.

— Как нет? А «моя любовь угасла не совсем»! «Любовь угасла» — разве это не метафора?

Все согласились, да, метафора, но настолько простая, что как троп не воспринимается. И рифмы в этом стихотворении куда проще: «совсем» — «ничем» — разве это особенная рифма?

В чем секрет этих пленительных стихов? А то, что они пленительно-прекрасны, чувствовали мы все.

Мы долго бились, стараясь найти разгадку. Спор тянулся всю долгую зиму, в нем обсуждались разные стихи — и классиков, и современных поэтов, и наши собственные...

И вот к какому выводу пришли мы общими силами. Настоящее стихотворение нельзя пересказать прозой. Пересказывая, можно передать лишь то, о чем оно написано, что в нем происходит. Но на это требуется много больше слов, чем затрачено в стихотворении. И когда все будет пересказано, окажется, что настроение в пересказ не вместились. Его нужно объяснить отдельно и для этого снова потребуются гораздо больше слов, чем в самом стихотворении. Но это не все.

В настоящем стихотворении несколько слоев смысла. По морю скользит парусный корабль. Поэт описывает его. Описание это прекрасно. Но оно не только изображение корабля. Это еще и изображение смелого человека, одинокого среди опасностей. Он не боится бурь, а стремится к ним. И бури эти бушуют не только в море, но и в его душе. Ни об этом человеке, ни о его бесстрашии, ни о бурях жизни в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Белеет парус одинокий» не сказано. Но все это в его стихотворении выражено. Выражено в тех слоях, что лежат под первым слоем и сквозь него просвечивают.

Слово в стихотворении значит гораздо больше, чем в прозе, обретает новый смысл, которого само по себе может и не иметь. Теперь скажали бы так: слово в стихотворении несет большую дополнительную информацию, которой оно не несет в других условиях.

От чего это получается? Прежде всего от того, какие слова встают рядом. «Туман» — название явления природы. «Голубой» — обозначение цвета. «Море» — название большого водоема. Но, став рядом, эти три слова образуют выразительную картину: «в тумане моря голубом». Это не то же самое, что туман над морем. Это голубой туман моря — та светлая даль, в которой вода почти сливается с небом, так что и не разглядишь, где вода и где воздух, и все это вместе и образует туман моря. Важно не только то, что слова стоят рядом, но и порядок, в котором они стоят. Так можно объяснить каждую строку и показать, какие новые краски, новые значения обретают в них обычные слова. Но в стихотворении эти значения воспринимаются сразу, естественно, во всей своей глубине, свежести, неожиданности.

Слова в стихотворении живут в определенном ритме. Он настраивает нас на задумчивость и грусть, на веселье, на гордый вызов. И каждый читатель по-своему, в зависимости от того, на какую глубину проникает его взгляд и слух, воспринимает стихотворение.

Говорю все это и чувствую: самые старательные, самые подробные объяснения не способны передать тайну стиха. Она почти необъяснима, как музыка. В стихотворении действует сразу и то, о чем оно говорит, и то, что оно подразумевает, и то, в каких словах выражены его многие, глубинные, просвечивающие друг сквозь друга смыслы, и то, какой музыкой звучат слова, выражающие эти мысли и чувства, и то, как перекликаются рифмы, и то, как дышат паузы между словами.

Стихи можно пересказывать, растолковывать, объяснять. Их содержание будет объяснено, форма — проанализирована, и кто-то при таком анализе, возможно, откроет в них нечто новое для себя. Но без остатка, до конца настоящее стихотворение и не перескажешь, и не объяснишь. Его содержание и форма слиты воедино. Это единство во всем — в теме, словах, картинах, звуках, — и только в этом единстве стихотворение существует.

А как бы стихи можно без труда пересказать и объяснить. И когда перескажешь их и объяснишь, оказывается, что и писать эти стихи было незачем...

Недавно я прочитал мудрые строки поэта Д. Самойлова:

Все есть в стихах — и вкус, и слово,
И чувства верная основа,
И стиль, и смысл, и ход, и троп,
И мысль изложена не в лоб.
Все есть в стихах — и то, и это,
Но только нет судьбы поэта —
Судьбы, которой обречен,
За что поэтом наречен.

Здесь содержится прекрасная мысль, которую мы тогда уже смутно ощущали, но еще не умели связно и убедительно выразить. Самое

главное в стихах — судьба поэта, связанная с судьбой других людей, с судьбой времени. Именно эта судьба делает поэта поэтом. Это нелегко, это очень нелегко быть настоящим поэтом. Наверное, именно поэтому здесь употреблено такое, казалось бы, неожиданное слово: поэт «обречен» быть поэтом! Это его долг, его призвание, его мука, его счастье, его жизнь!..

Затем перед нами возникала следующая проблема: а что отличает настоящую прозу от как бы прозы?

Пересказывать споров на эту тему не стану. Они заняли много времени и привели нас к вопросу о том, что отличает литературу от как бы литературы. Чтобы ответить на эти вопросы, нам не достало тех лет, которые мы провели в студии... Это неудивительно. Такого ответа ищешь годами. Но самое главное сказать все-таки можно.

Настоящее произведение литературы рождает чувство, что автор испытывал повелительную внутреннюю необходимость написать именно эту книгу. Высказанное в этой книге нельзя высказать иными способами — изложить в научной статье или докладе, хотя и можно попытаться передать языком другого искусства. Настоящее произведение литературы не исчерпывается до дна при первой встрече с ним. Наш известный философ В. Ф. Асмус, ныне покойный, в статье под поучительным названием «Чтение как труд и творчество» писал: «Существуют произведения многогранные, как мир, и, как он, неисчерпаемые». Настоящая литература состоит из книг неисчерпаемых, которые хочется, которые необходимо перечитывать. И каждый раз в них открывается новое, прежде не замеченное, такое, до чего нужно дорасти.

Это относится не только к отдельному человеку, читающему книгу. Это относится ко всему читающему человечеству. Вот один пример. За долгую историю великой книги испанского писателя Мигеля Сервантеса «Дон Кихот» в нее вчитывались разные художники, чтобы сделать к роману иллюстрации. Среди них были такие мастера, как Гюстав Доре, Пабло Пикассо, Кукрыниксы. Каждый художник прочитал и понял ламанчского рыцаря по-своему.

Но, быть может, еще удивительнее история того, как разные актеры и режиссеры читали и читают «Гамлета» Шекспира, «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизора» Гоголя; как по-разному в драматическом, музыкальном (а недавно в балетном) спектакле воплощается «Анна Каренина» Толстого; как по-разному выглядят инсценировки романов Достоевского.

Настоящее произведение литературы при каждом новом чтении раскрывает нам все новые и новые глубины, поворачивается к нам новыми сторонами, рождает в нас новые мысли и чувства.

Недаром есть хорошее изречение: «Книга, которая не заслуживает того, чтобы ее прочитать дважды, не заслуживает и того, чтобы читать ее один раз!»

И еще: настоящее произведение литературы разными людьми воспринимается по-разному. В юности нам казалось, в книге есть единственный смысл, надо найти его, и больше спорить не о чем. Помню, как изумлены были мы в школе, когда один из самых способных учеников сделал доклад об образе Анны Карениной. И оказалось, что он по-мает ее характер и судьбу не так, как большинство из нас. К нашему изумлению, он жалел Каренина. Прошло много лет с тех пор, я и сейчас не согласен с ним, но не взялся бы теперь так уверенно, как тогда, опровергать его точку зрения, точнее, доказывать, что наша — единственно возможная.

Тут я предвижу вопрос: «Ну хорошо, вы и ваши товарищи писали стихи и рассказы, вам эти споры были нужны. А нам — тем, кто не собирается писать стихов и рассказов (а таких большинство), — зачем все это?»

Отвечу примером. У меня есть знакомый инженер. Прекрасный специалист в своей области. Иногда мы встречаемся. То я бываю у него, то он у меня. Пока разговор идет о его специальности (в доступных для меня пределах) или на общие темы — все прекрасно: он умный, знающий собеседник.

Но вот беседа неотвратимо приближается к новостям литературы. С тоской пытаюсь я повернуть ее в другую сторону, ничего не получается!

Приходится выслушивать суждения, часто огорчительные, так далеки они от подлинного понимания прочитанного. Спорить с ним я давно перестал. И не потому, что у моего собеседника плохой вкус. О вкусах можно поспорить. Беда в том, что мой собеседник считает свой вкус единственно верным. Откуда у него такая уверенность в неоспоримости своих суждений о литературе? Почему мнение моего знакомого так часто обнаруживает глухоту к книге и высказывается так решительно? Это сложный вопрос.

Самое простое объяснение: он всегда бесконечно много работал в своей области, у него было мало времени, чтобы читать художественную литературу, и совсем мало времени, чтобы всерьез задуматься над ней. Это, однако, еще не объяснение. Главное, по-моему, в том, что он в художественную литературу перенес представления, взятые из мира техники и точных наук. Там задача обычно имеет одно наилучшее решение. Если решений предлагается много, значит, лучшее еще не найдено. Вот ему, вероятно, и кажется, что задача сложная и трудная, которую ставит перед каждым читателем настоящее художественное произведение, позволяет дать единственное решение. И таким решением ему представляется собственное.

Однако уверенность в собственной безусловной правоте не всегда оправдывается при решении задач технических и точных наук, а уж в применении к искусству и вовсе оправдывается очень редко.

У современных ученых, работающих в области точных наук и техники, можно найти высказывания о том, как им помогает художественная литература. Она не только раскрывает перед ними мир судеб и характеров человеческих, который не выразить числами и не изобразить чертежом, но еще и подсказывает им неожиданные мысли в их области работы. Она убеждает в том, что мир сложен и что сложность эту никакой формулой не описать, никакому расчету не подчинить. Настоящая литература учит широте мышления и силе чувствования. Чтобы понять все это, надо было много лет читать книги и напряженно думать о них. Этого в жизни моего собеседника не было...

Я далек от мысли, что исчерпал ответ на вопрос: что такое настоящая книга? Мне казалось важным указать на него и на некоторые подступы, которые ведут к его решению. Мне хотелось побудить и вас задуматься над этим вопросом, почаще задавать его себе и ответы, что придут вам на ум, примерять к книгам, которые вы читаете.

НА ПУТИ К НОВОЙ КНИГЕ

Примерно в XIV веке в Европе стало явственно ощущаться: появились люди, которым книга очень нужна. Но они не столь богаты, чтобы платить за дорогую рукописную книгу. Некоторые скриптории пытались сделать рукописную книгу более дешевой, для чего начали изготавливать сразу несколько копий под диктовку. От прежней, рукописной книги, существовав-

шей в одном экземпляре, книги, размноженные под диктовку, отличались скромным видом, отсутствием рисунков, простым написанием заглавных букв.

Свой собственный способ переписки книг завели университетские мастерские письма. С книги, хранившейся в библиотеке, делалась одна главная копия. Особая комиссия тщательно сверяла эту копию и утверждала ее. Она называлась «экземпляр» (от латинского слова *exemplar* — пример, образец). Экземпляр хранился в университетской мастерской письма в виде отдельных тетрадей. Студент брал такую тетрадь за плату, переписывал ее, возвращал и получал следующую. Одну и ту же книгу одновременно переписывало несколько студентов. Это ускоряло размножение книг, увеличивало количество копий и делало книгу более дешевой.

От тех времен сохранилось примерно тысяча таких университетских книг — копии с восьмидесяти исходных экземпляров. Это значит, что у каждого средневекового рукописного учебника был тираж по крайней мере в несколько десятков экземпляров. Опыт университетских мастерских подсказывал: нужен способ, чтобы изготавливать сразу большое число одинаковых копий книги. И стало ясно: как ни усовершенствовать способ копирования в мастерских письма, задача останется неразрешенной. Жизнь требовала, чтобы было открыто книгопечатание.

ТОГДА В СОКОЛЬНИКАХ

...Врожденные дарования подобны диким растениям и нуждаются в выращивании с помощью ученых занятий.

Френсис Бэкон

Осенью 1939 года я стал студентом Института истории, философии и литературы. Институт помещался в Сокольниках, в Ростокинском проезде. Института давно не существует, а здание стоит. В нем теперь один из факультетов Института иностранных языков. Здание выкрашено в другой цвет и кажется меньше, чем в наше время. Тогда оно, окруженное деревянными домиками, выглядело очень большим. Увы, нет на стенах этого здания мемориальной доски, нет, а полагалось бы — из этих стен ушло на фронт и не вернулось много замечательных молодых ученых и писателей и тех, кто мог бы стать ими, но не успел. Немало книг было задумано теми, кто учился в этом институте. В его стенах мы научились понимать, что такое книги и труд, связанный с ними. Вот почему я рассказываю здесь об ИФЛИ, как сокращенно назывался наш институт.

Учиться в ИФЛИ мне пришлось всего два года. Недолгое мое студенчество оборвала война. Но два года в ИФЛИ запомнились навсегда. Многие из питомцев ИФЛИ уже не раз писали об этом институте. И все-таки мне кажется, что написано о нашей *alma mater* (в переводе с латинского — кормящая мать. Так почтительно называли в старину студенты университет или институт, где они учились) меньше, чем она того заслуживает.

...Мы пришли в институт самоуверенными. У нас были хорошие учителя в школе, мы занимались во всевозможных литературных кружках, мы были ненасытными книгоочаями, и нам казалось, что книг прочитано уже немало. Но начались первые лекции, и сразу выяснилось, что знаем мы бесконечно мало.

Идет лекция по античной литературе профессора Сергея Ивановича Радцига. Нам он кажется очень старым. Маленький, совершенно седой, он в бесчисленный раз читает новому поколению студентов лекцию о поэмах Гомера, читает, словно впервые, радуясь, ужасаясь и приглашая нас вместе с ним радоваться и ужасаться.

В школьные годы античная литература меня не интересовала. Я принимался за книгу Н. А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции» (очень хорошую книгу, как я понял впоследствии), но она показалась мне скучной. Много раз раскрывал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера — не одолел. Была дома книга В. В. Вересаева с переводами из древнегреческих поэтов, и она меня не затронула. Кроме стихотворения Архилоха:

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встреть их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады — твердо стой, не трепещи.
Победишь — своей победы напоказ не выставляй,
Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

Это стихотворение я помню до сих пор. Оно не раз становилось мне поддержкой в жизни — поэт из глубины веков протягивал мне дружескую руку помощи. Но, став студентом, я знал об античной литературе ничтожно мало. Вначале с удивлением, потом с испугом я заметил, что мне не все понятно в лекции Радцига. Я не успевал записывать, терял нить рассуждений лектора. Неужто я такой неуч?

Лекция подходит к концу. Из рук в руки плывет записка. Сергей Иванович разворачивает ее и читает вслух: «Если можно, прочитайте, пожалуйста, начало „Илиады“ по-гречески».

Сергей Иванович заливается горячим румянцем и говорит:

— Друзья мои, если вы действительно хотите услышать, как звучала «Илиада», когда она была сложена, вспомните, что в Древней Греции стихи не декламировали, а пели. (Вспомните! — сказал он, мысленно отмечаю я. — Значит уверен, что мы это знаем.) И вы извините меня: я буду петь.

За окнами аудитории шумел ветер московской осени, в Сокольнической роще, подступавшей к нашему институту, облетали клены и березы, а седой маленький старичок, стоя перед доской, на которой только что писал имена героев Гомера, раскачиваясь, пел по-древнегречески начальные строфы «Илиады». Пел слабым высоким голосом. Пел, не боясь показаться смешным. Он был уверен, что тысячелетия назад «Илиаду» исполняли именно так. И это было совсем не смешно, это было прекрасно!

Потом он остановился и смущенно сказал:

— Вот примерно так...

И тогда к нему поплыла по аудитории другая записка. Он снова развернул ее и чуть слышно прочитал:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Так пушкинским двустилием в честь Н. И. Гнедича — переводчика «Илиады» — кто-то из нас выражал благодарность профессору.

Провожая вместе со всеми нашего лектора аплодисментами, я ощущал чувство стыда. Ведь я еще не прочитал «Илиаду», да и не собирался — решил, что с меня хватит отрывков в хрестоматии. И когда лекции о Гомере кончились, я с болью понял — для меня они наполовину пропали! Этого не вернешь.

Раскаяние мое было велико: я решил во что бы то ни стало прочитать «Илиаду». И пожалел, что сделал это после лекций Радцига, а не до них. «Илиада» для современного читателя — чтение трудное, но бесконечно интересное и важное. Познакомиться с ней стоит не только тому, кто собирается сделать литературу и историю своей специальностью, но каждому, кто хочет быть образованным человеком. Не случайно «Илиада» — одна из немногих книг, которые пережили века. Встреча с ней непременно вознаградится. А чтобы «Илиада» была понятнее, начать стоит с книг о древнегреческих мифах. Но зачем нужно знать античные мифы? Без знания античных мифов многого не поймешь в классической литературе, особенно в поэзии, в живописи и скульптуре.

Вот простой пример. Вы читаете прекрасное стихотворение Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза». Оно кончается так:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Кто такая Геба? Что значит «громокипящий кубок»? Без знания античной мифологии этих строк не понять. А тот, кто ее знает, вспомнит сразу, что Геба у древних греков считалась дочерью Зевса — главного из богов. На Олимпе, где жили боги, Геба, богиня юности и красоты, была виночерпием, разливала по кубкам божественный напиток — нектар. Тютчев называет ее ветреной, то есть беспечной, веселой. В представлении поэта она — воплощение весны.

Орел считался птицей, посвященной Зевсу. Орел сопровождал Зевса на многих изображениях. Вот откуда слова о «Зевесовом орле». В стихотворении Тютчева юная Геба, резвясь и играя, переворачивает кубок, и тот выливается на землю. Так поэт сравнивает весенний грозовой дождь с божественным нектаром. Вот сколько нужно всего объяснить, чтобы стали понятными эти строки в одном из самых известных стихотворений Тютчева! Но ведь поэт рассчитывал на читателей, которым примечания не нужны, которые не станут разбивать впечатления от стихов, заглядывая в комментарии или справочники. С тех пор как изучение греческого и латинского языков, а вместе с ними и античной мифологии стало занятием немногих специалистов, таких читателей все меньше. И тому, кто хочет понимать, что значат имена античных персонажей, с какими мифами и историями связаны они не только в поэзии и прозе, но и в живописи, музыке, скульптуре, театре, придется изучить все это самому. Но это лишь начало ответа.

Сами по себе образы античности, воплощенные в древних сказаниях, поэмах, трагедиях, комедиях, скульптуре, в живописи, уцелевшей в виде росписи на вазах, заключают в себе огромное богатство сильных и глубоких чувств, огромных страстей, несут в себе мудрость человечества той поры, когда оно было еще юным. Недаром образы богов и героев Древней Греции и Рима вдохновляли и вдохновляют до сих пор писателей и художников.

Только один пример. Титан Прометей вызвал гнев богов тем, что открыл людям тайну огня, научил людей искусствам, дал им знания, открыл секрет письма и счета, познакомил их с металлами, смирил для людей дикого быка и надел ему ярмо на шею, чтобы люди могли пахать на быках поля. Впряг коня в колесницу и подчинил его руке человека. Построил и оснастил для людей первый корабль. Открыл людям тайну целебных растений. За это Прометея постигла страшная кара. По велению Зевса бог Гефест приковал его на Кавказе к скале, и орел каждый день прилетал, чтобы терзать своим клювом прикованного титана за то, что он помог людям.

Его образ прекрасен. Он вдохновил Эшила, Ломоносова, Гёте, Рылеева, Байрона, Огарева, Шелли, Бетховена, Скрябина. Казалось бы, если столько замечательных поэтов, писателей, композиторов каждый по-своему воплощал героическую судьбу Прометея, больше о нем ничего не скажешь. Но это не так! До сих пор появляются все новые и новые произведения о Прометее. Недавно писатель из ГДР Франц Фюман написал о нем роман для молодых читателей «Прометей, или Битва титанов». Венгерский писатель Лайош Мештерхази написал книгу «Загадка Прометея» (она переведена на русский язык) — необычайно увлекательную и неожиданную. Множество других образов античной мифологии и литературы продолжают жить в современном искусстве. Вот почему стоит прикоснуться к ним у самых истоков.

Но вернемся в ИФЛИ. Не только лекции Радцига, но и других профессоров показали, что, хотя я (как мне представлялось) прочитал уже горы книг, эти горы — всего лишь жалкий холмик. Столько следовало бы мне уже знать, раз я избрал своей специальностью литературу.

Профессор Борис Иванович Пуришев читал нам курс по средневековой литературе Запада. Он уже тогда был составителем нескольких хрестоматий по западной литературе, которые много раз переиздавались. Без них и сейчас нельзя изучать историю литературы.

Читал Пуришев удивительно, особенно когда речь шла о знаменитых сагах древних исландских поэтов — скальдов или о лирике миннезингеров — поэтов-рыцарей средневековой Германии. Негромким и мягким голосом говорил он об этих произведениях, и они оживали, страсти и волнения их создателей становились понятными. Но вдруг Борис Иванович как бы вскользь замечал:

— Пока вы в занятиях историей германских языков не продвинулись настолько, чтобы читать миннезингеров в подлинниках, вам придется, к сожалению, ограничиться их переводами на современный немецкий язык, скажем, теми, которые есть в известных хрестоматиях Зимрока.

В известных? А я и слыхом не слыхивал о хрестоматиях Зимрока! Каждый день все конспекты, все записные книжки, все тетради исписывались названиями книг, которые должны были быть прочитаны. Их постоянно упоминали на лекциях, я наталкивался на их названия в учебниках. Едва я раскрывал одну из этих книг, она неизбежно — подстрочными примечаниями, библиографией, иногда просто рекламой на обложке — дополняла, увеличивала этот список книг.

Мне не хочется пугать вас рассказом о том, что нам, студентам ИФЛИ, когда-то пришлось прочитать, понять, выучить. Возможно, даже скорее всего, у вас будет иная специальность и для ее изучения вам понадобятся совсем другие книги. Но в любой области человек недолго может оправдать свое незнание словами: «Мы этого не проходили». За свое знание или незнание мы отвечаем прежде всего перед собой, перед своей профессией, перед своими товарищами, перед своей жизнью.

Лучшие из наших преподавателей никогда не делали скидок на то, что мы едва пришли из школы. Они требовали знаний, хотели, чтобы мы научились и привыкли работать с книгами. Не только с учебниками, но и с серьезными учеными трудами.

Список книг, которые должны быть прочитаны, рос стремительно, и я всегда от него отставал. Когда у нас начались занятия латынью, я стал называть этот список по латыни *libri legendi* (либри легенди). Латынь — такой удивительный язык, что эти два слова означают не только «книги, которые должны быть прочитаны», но и «книги, которые жаждут быть прочитанными». Список *libri legendi* вел и влек меня за собой.

Чем бы в жизни человек ни занимался, ему пригодится такой список. Лучшие всего вести его не на листе, не в тетради, а на карточках. Если вы станете вести такой список, никогда не выбрасывайте его. Пусть сегодня вам покажется, что вы никогда больше не станете заниматься этой темой. Когда-нибудь, если вы снова вернетесь к ней, он сослужит вам неоценимую службу. А не вернетесь — все равно интересно спустя годы узнать, что вы когда-то решили прочитать, и проверить, что читали, а что — нет.

В мой список *libri legendi* вначале входили книги только на русском языке. Потом прибавились книги на немецком. Скоро я увидел, что одного иностранного языка недостаточно.

...Сделаю тут одно отступление. Мне очень часто приходится слышать от людей, изучавших иностранный язык в школе и даже потом в высшем учебном заведении, что учить-то они его учили, а выучить не

выучили. И теперь не могут свободно читать книги, которые им нужны для работы или просто их интересуют.

Сейчас много говорят и пишут о разных современных ускоренных способах изучения иностранных языков. Эти новые методы имеют в виду главным образом тех, кто хочет говорить на иностранном языке. Об этом я мог бы тоже рассказать, но изучение иностранного языка выходит за рамки наших бесед. А вот то, как научиться читать книги на иностранном языке, касается их непосредственно.

Если у вас есть необходимость прочитать книгу на иностранном языке, которого вы не знаете, не считайте, что эта задача неразрешимая. Смело берите книгу, словарь и принимайтесь за дело. Не ищите в словаре каждое слово. Старайтесь угадать те два-три главных слова, на которых держится фраза. Получили самое общее представление, что здесь речь идет о ком-то, кто делает что-то, идите дальше. Вернетесь потом. Не выпи-сывайте каждое неизвестное слово с его переводом, а лишь те, которые попадают-ся вам несколько раз подряд. Вначале вы будете понимать лишь малую часть текста, остальное будет оставаться как бы в тумане. Но постепенно на каждой странице будет возникать все больше понятных мест. Вы еще не сможете перевести каждую фразу, но общий смысл будет понятен, он начнет выступать все яснее и яснее.

Если вы не отступитесь, постепенно к усилию, которое придется вам делать, присоединится интерес. Он поведет вас за собой. А дочитав так книгу, вы откроете ее снова и убедитесь, что теперь понимаете почти все. Книга вас научила! Лучший вдохновитель при изучении иностранного языка — сознание, что необходимая книга не переведена.

Мой однокурсник Сергей Ювенальев выбрал для доклада на семинаре тему, связанную с творчеством английского средневекового поэта Джеффри Чосера. Прежде всего он составил библиографию всего, что написал Чосер и что написано о Чосере. На это он времени не пожалел — так приступают к работе все серьезные специалисты! Затем он прочитал Чосера в подлиннике. Для этого надо было погрузиться в английский язык времен Чосера. И он прочитал не только его знаменитые «Кентерберийские рассказы» — это нам было понятно: они — важнейшее произведение в истории английской литературы, но и множество других сочинений поэта. Их и в Англии давно никто не читает!

Я боялся, что мой товарищ перегрузит доклад сведениями, что его погубит усидчивость и добросовестность, количество прочитанных книг и собранного материала. Ничего подобного! Сергей заговорил легко, живо, свободно, умно, весело. Доклад развивался стремительно, был превосходно, изящно построен. Чувствовалось — докладчик знает больше, чем говорит. Задай вопрос, поспорь с ним, он это докажет. В докладе была мысль, не только дерзко выдвинутая, но прочно обоснованная.

Наш руководитель — доцент (впоследствии профессор) Дмитрий Евгеньевич Михальчи сказал, что вряд ли есть в Москве другой чело-

век, который так полно познакомился бы со всем, что написал Чосер, и всем, что написано о Чосере.

Действительно, когда Сергей показал мне список прочитанных им книг, в моем воображении возникла гора выше того, кто эту гору одолел. Я не знал тогда, что это самое обычное дело для любой сколько-нибудь серьезной работы. Когда-то знаменитый русский математик и кораблестроитель А. Н. Крылов попросил сделать снимок, на котором ученый изображен рядом с книгами, прочитанными для того, чтобы разобраться в одном-единственном вопросе. Стопа книг оказалась намного выше самого Крылова.

Доклад моего друга Сергея об английском средневековом поэте Чосере не был напечатан. Скорее всего он даже не сохранился. Вместе с теми, кто погиб на войне, погибло целое богатство мыслей, замыслов, планов. На тех, кто остался жив, кто помнит своих погибших сверстников, кто знает об их планах, тем более об их работах, — на нас лежит долг рассказать об этом, сохранить это, а если можно, то и воскресить.

ПРЕДКИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

К XIV веку важные предпосылки для книгопечатания уже были созданы: форма книги — кодекс, то есть листы, объединенные переплетом, материал, на который

можно наносить текст, — пергамент. Мысль, что некоторые книги необходимо иметь во многих одинаковых экземплярах, уже утвердилась. О том, что рукописная книга слишком дорога, и устно, и письменно говорили многие люди. Общественная необходимость печатной книги была осознана. Но для того чтобы была напечатана первая книга, понадобился долгий предшествующий опыт человечества.

Глубокая древность имела дело с одним важным предшественником книгопечатания — печатью, которую ставили на документах как подпись. Мысль о такой печати подал человеку оттиск пальца. Палец можно прижать к мягкой глине или, намазав краской, приложить к папирусу, пергаменту, бумаге. Палец оставляет след. Еще сравнительно недавно неграмотные люди вместо подписи оставляли под документами отпечаток пальца. Оттиск, отпечаток пальца — древнейший и ближайший предшественник печати и в этом качестве — предок книгопечатания. В незапамятные времена мастера умели вырезать на камне изображение или знак. Его можно было приложить к мягкой глине и надавить на нее. На глине оставался оттиск. В странах, где для письма пользовались не глиной, а папирусом, печать не вдавливали в него, а покрывали краской, которая при нажиме оставляла след на бумаге.

Есть у книгопечатания и другой предшественник. Это способ украшать ткань рисунками и узорами — набойка. Он существует до сих пор, но восходит к незапамятным временам. Уже в странах Древнего Востока были ремесленники, умевшие вырезать на деревянной доске выпуклый узор. Если покрыть дощечку с узором краской и придавить ее к ткани, на ткани отпечатывается рисунок этого узора. Набойка ткани дала важные уроки для будущего книгопечатания: одна печатная форма позволяет изготовить много одинаковых отпечатков, ею можно пользоваться до тех пор, пока она не поломается или узор на ней не сотрется. Это важное свойство было применено, когда печатники стали искать способ многократного повторения на бумаге одних и тех же рисунков.

Способ этот открыли, по-видимому, на Востоке. На твердой деревянной дощечке вырезали рисунок, чтобы его линии были выпуклыми. Для этого промежутки между линиями углубляли острым ножом. Дощечку покрывали краской и с силой прижимали к бумаге. На бумаге появлялся отпечаток. Такой способ называется гравюрой на дереве, или *ксилографией* (от греческих слов *xylon* — срубленное, то есть дерево, и *grapho* — пишу). Гравюра на дереве относится к так называемой высокой печати, потому что печатающие элементы выступают у нее над фоном, они выпуклые, высокие.

Ксилография сохранилась до нашего времени как один из жанров изобразительного искусства. Ее применяют для иллюстрирования книг и самостоятельно.

В XIV—XV веках в Европе тоже стали применять для печатания гравюру на дереве. Для двух противоположных целей — одной, как считалось, богоугодной, другой — греховой. На дереве гравировали изображения святых и игральные карты.

Вскоре появились и первые книги, напечатанные таким способом. Печатную форму для каждой страницы изготовляли отдельно, вырезая на ней рисунок и все буквы. Приготовленную таким образом форму можно было употребить только для печатания одной определенной страницы. Правда, оттиск можно повторить много

раз. Такие книги легко отличить от всех других: в них мало текста.

Вырезать сложный узор букв было очень трудно. Да и предназначались эти книги людям бедным и не слишком грамотным: картинки были им доступнее, чем текст. Рисунки в этих книжках были простые. Краска имела характерный коричнево-бурый цвет. Книг, гравированных на дереве целыми страницами, сохранилось до нашего времени всего несколько десятков. Точные годы их издания не установлены. Самые известные из них называются «Библии для бедных».

Готовя резные формы для печати, мастера заметили одну особенность печатного оттиска: на нем все получается в перевернутом зеркальном виде. Когда печатали только рисунки, этому не придавали значения, когда потребовалось напечатать текст, зеркальная перевернутость оказалась очень важной. Чтобы текст получился напечатанным правильно, его соответственно нужно вырезать зеркально-перевернутым.

Гравированная книга кое-что дала для книги наборной. Она научила тому, что печатная форма должна быть зеркально-перевернутой по отношению к отпечатку, тогда и отпечаток получится правильным. Для гравированной книги был создан пресс, которым прижимали печатную форму к бумаге.

Раньше думали, что от печатания текста с досок было просто перейти к более совершенному книгопечатанию при помощи отдельных знаков — литер. Мол, старинные печатники распилили доску на отдельные буквы — вот и все. Но это не так.

Предков наборной печати приходится искать в далеком прошлом. При раскопках на острове Крит нашли глиняный диск, покрытый знаками еще не расшифрованной письменности. Диск относится к 1600 г. до н. э. В надписи повторялись одинаковые знаки. Ученые установили, что тот, кто сделал эту надпись, имел отдельный штемпель для каждого знака и вдавливал их в глину. Набор штемпелей был изготовлен не только для того, чтобы напечатать эту надпись, а использовался и для других надписей. Этот набор и есть один из предков наборного печатания.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

...Библиотека — это открытый стол идей, за который приглашен каждый, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет.

А. И. Герцен

Едва я стал студентом, выяснилось: чтобы заниматься по-настоящему, недостаточно институтской библиотеки и учебных кабинетов.

От новых друзей, которые были на курс или два старше меня, я то и дело слышал:

— Сегодня еду в Ленинскую! Завтра работаю в Исторической! Эта книга есть только в Иностранной!

Очень скоро эти три библиотеки — Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная публичная историческая библиотека РСФСР и Всесоюзная государственная ордена Трудового Красного Знамени библиотека иностранной литературы мысленно слились в образ Большой библиотеки, где хранятся клады, которые мне предстоит открыть.

Все мои старшие товарищи были записаны в Ленинскую библиотеку. Тогда она еще принимала студентов. Разумеется, и я твердо решил, что буду заниматься в Ленинской библиотеке. Собираясь туда в первый раз, я оробел и попросил разрешения у одного из моих старших друзей пойти с ним.

Я скоро убедился, что эта просьба не напрасна. В каждой библиотеке есть и черты сходства с другими, и свои особенности. Чем больше библиотека, тем сложнее разобраться в ее порядках. Чтобы получить нужную книгу, поначалу уходит много времени. Есть люди, которые в Большой библиотеке теряются и долго не могут к ней привыкнуть. Многое зависит от первого спутника.

Мне посчастливилось. Моим первым провожатым по Ленинской библиотеке стал Юрий — второкурсник, проводивший здесь большую часть своего времени.

Но прежде чем мы вошли в библиотеку, мы полюбовались ею снаружи. Невысокий холм с низко скошенной травой. На холме — белый дом с колоннами, галереями и флигелями: старое здание Ленинской библиотеки. Оно непогрешимо прекрасно! Выразительная соразмерность

здания пленяет взгляд. Над огромными закругленными окнами первого этажа поднимаются еще два этажа. Четыре стройные колонны по фасаду. Там, где ритм и симметрия требуют еще двух колонн с обеих сторон колоннады, стоят статуи — неожиданное решение зодчего.

А зодчим был знаменитый русский архитектор В. И. Баженов. Здание это и сейчас кажется большим, а для Москвы XVIII века было огромным. Звали его москвичи «Пашков дом», по имени екатерининского богача, для которого дом был построен. Со временем в него из Петербурга переехал Музей вельможи Румянцева — большое собрание книг, картин, монет, медалей. Затем здесь на основе книжного собрания этого музея открылась публичная библиотека. После смерти В. И. Ленина, который еще до революции работал в этой библиотеке, она получила его имя и стала главной библиотекой нашей страны...

Сворачиваем на улицу Маркса и Энгельса. Здесь внутренний двор старого здания. Торжественны ворота, украшенные ионическими колоннами, задумчивы старые деревья, грозно хмурятся львиные лики, изумительна решетка, отделяющая двор от улицы.

В читальный зал старого дома ведет белая мраморная лестница. У меня стучит сердце. На лестнице очередь. Но я не досадовал, что приходится стоять в очереди. Все и всё вокруг было мне интересно.

Наконец, мы поднялись по мраморной лестнице, получили контрольные листки и вошли в зал. В читальном зале старого здания библиотеки царили торжественность, строгость, красота.

Так я первый раз вошел в Ленинскую библиотеку. С тех пор я был в армии и на фронте, ездил в командировки и путешествия, надолго расставался с Москвой, значит, и с Ленинской библиотекой. Но, вернувшись в Москву, я непременно прихожу сюда. Здесь мне все знакомо, дорого, привычно. Здесь я дома.

Хотя это «здесь» — уже давно не тот зал, в который я пришел в 1939 году. Давно достроены новые корпуса (их начинали строить еще в 1930 году) с многочисленными читальными залами, Ленинская библиотека занимает теперь целый квартал. В огромном зале — он называется научный зал № 3, — зале гуманитарных наук, я и работаю уже много лет подряд. Но, расставшись с читальным залом в старом здании, я всегда вспоминаю его — с преданностью и сожалением, как первую любовь.

И вот однажды наш трудолюбивый зал закрыли на долгий ремонт. Даже гигантские люстры сняли, а огромные часы со знаками зодиака завесили. Нас временно перевели в читальный зал старого здания, в дорогой моей памяти зал. Когда я пришел сюда, я так взволновался, что не сразу начал работать. Мне показалось, что я вернулся в нашу юность, а в зале сидят мои друзья давних лет. Я разглядывал все вокруг: те же колонны, те же хоры, те же высоченные окна, те же бесконечно длинные черные столы. Только лампы другой формы, да чернильниц на столах нет.

Когда мой друг Юрий в первый раз привел меня в этот зал, я уже был читателем множества библиотек — школьной, районной, библиотеки Дома пионеров, богатой библиотеки ИФЛИ. Но здесь я растерялся. Никогда мне не приходилось видеть столько читающих людей и столько читаемых книг. Над залом шелестел ветерок от сотен перелистываемых страниц. Он подчеркивал сосредоточенную тишину.

Что теперь? Какое счастье, что со мной Юрий! Он взял меня под локоть и молча повлек за собой. Мы очутились в помещении каталогов, в те годы еще очень тесном. Я не очень громко, но и не тихо спросил, где мне искать то, что мне нужно. Юрий грозно зашипел: «Т-с-с!» — и ответил едва слышным шепотом. В помещении каталогов никто не читал книг, здесь только искали их названия в картотеках. Почему мой друг так строго дал мне понять, что разговоры тут неуместны?

Когда я сам по-настоящему начал работать с каталогами, я понял: эта работа не механическая. Она требует сосредоточенности. Поиск и выбор необходимых названий рождает в уме неожиданные мысли, занятия в каталоге требуют тишины. Часто, очень часто, работая теперь в каталогах Больших библиотек, где громко говорят, весело любезничают, шумно двигают стульями, с размаху задвигают ящики, я жалею, что у тех, кто трудится рядом, не было такого наставника, как у меня.

Когда мы нашли названия необходимых книг, заполнили и сдали бланки заказов и сели за стол, я шепотом задал Юрию какой-то вопрос. Я думал, что уже теперь-то соблюдаю все правила. Однако на его лице изобразилось страдание. Он приложил палец к губам, давая мне понять: «Здесь даже шепот неуместен!»

И, словно сомневаясь, понял ли я его, написал мне записку: «Здесь не разговаривают! Спросишь, когда выйдем из зала!» Это был полезный урок. Это был справедливый урок: нигде малейший шум не звучит так раздражающе, нигде шепот соседей так не отвлекает, как в тишине читального зала. Недаром мои коллеги, которые могли писать под треск пулеметов и стук пишущих машинок, сбиваются с мысли, когда в библиотеке рядом с ними праздно судачат соседи по столу.

Не случайно на дверях одной библиотеки уже в XV веке была сделана надпись: «Всякий, изучающий науки, входящий сюда, не хлопай дверью и не стучи грубо ногами — это неприятно музам. Если ты найдешь кого здесь уже сидящим, почтительно поклонись молча и не занимайся болтовней: здесь умершие говорят с занимающимися».

В тот далекий день я узнал, что Настоящего читателя, достойного читального зала Большой библиотеки, можно узнать по некоторым приметам. Даже с другом, даже с любимой девушкой никогда и ни о чем не разговаривает он в читальном зале. Страницы перелистывает беззвучно. Когда садится и встает, отодвигает и подвигает стул тихо. По залу ходит неслышно, движется так, словно у него нет веса. Он уважает книгу и работу с книгой, свою и окружающих.

Именно так вел себя в читальном зале мой давний друг и первый наставник. У него все было заранее подготовлено для работы: картонная коробка с карточками для выписок, тетрадь для конспектов, ручка, скрепки и костяной нож для разрезания книжных страниц.

С огромным удовольствием Юрий знакомил меня с Большой библиотекой и учил работать в ней.

Мы сдали требования на книги из основного фонда, а пока пошли к полкам открытого доступа, где хранятся самые ходовые книги, справочники, словари, энциклопедии, учебники, произведения классиков.

Мой друг был немного педантом. Он не упустил возможности и здесь преподать мне полезный урок. Когда он брал том энциклопедии с полки открытого доступа, он заметил, что тома стоят не по порядку: 7-й затесался между 20-м и 21-м, 13-й угодил куда-то в самый конец полки. Беззвучным, сердитым шепотом Юрий сказал о лентяях и разгильдяях, которые думают только о себе, берут тома, а, возвращая их, ставят как попало, не заботясь о других. Он быстро расставил все тома по порядку, а когда я взял с полки какой-то справочник, велел мне точно запомнить, где именно он стоял, чтобы вернуть его на место.

С книгами из подсобной библиотеки мы направились к своим местам в зале. Юрий положил перед собой книги, тетради, карточки и погрузился в чтение. Словно под воду ушел, и толща воды отделила его от всего вокруг. Я же смог сосредоточиться не сразу. Часа через два Юрий написал мне записку: «Перерыв!» Мы поднялись на хоры. Отсюда был виден читальный зал — удивительное зрелище: бесконечно длинные строгие черные столы, на них простые зеленые лампы, на столах горы книг.

Справа и слева на хорах тоже читальные залы. «Профессорские!» — торжественно сказал Юрий. Я услышал в этом шепоте его жизненную программу на ближайшие десятилетия.

К хорам примыкала комната, откуда можно было позвонить по телефону-автомату и наговориться после тишины читального зала.

Когда мы вернулись вниз, все книги из основного фонда уже дожидались нас на кафедре выдачи книг. Кафедра — вот как торжественно это называется!

Не могу сосчитать, сколько раз за свою жизнь усаживался я за стол Большой библиотеки, положив перед собой стопу только что полученных книг. Если сложить все часы и дни вместе, получатся годы. Радостное предвкушение встречи с книгами неизменно охватывает меня здесь: оно тем сильнее, чем больше в стопе книг, прежде неизвестных. С какой начать? Листаю одну, просматриваю вторую, проглядываю третью. Начну вот с этой! Начинаю читать, и мной овладевает чувство, которое я знаю, помню, люблю со студенческих лет. Я сижу в читальном зале. Рядом со мной и по другую сторону стола, и чуть подальше, и еще дальше, на всем пространстве огромного зала, читают книги, делают выписки, напряженно думают. И это вчитывание, это размышление, это думание

заряжает высоковольтным током умственной работы. Из поля зрения уходит зал, перестаешь видеть соседей, перед глазами только страницы раскрытой книги да бумага или карточки для выписок. Время сжимается. Поднял голову от книги, уверенный, что прошло полчаса, а на самом деле в сосредоточенном чтении промчались часы, и за окнами уже темнеет, и в зале уже давно горит свет... Великолепное чувство! Прибой книжного океана каждый миг накатывает на зал, здесь дышится по-особенному. Здесь принимаются важные решения, даются обеты и обещания. Когда в каталоге Ленинской библиотеки впервые появилась и моя книга, я был счастлив.

Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы сейчас занимает огромный корпус на Ульяновской улице. А в годы нашей юности она помещалась в Столешниковом переулке в тесном здании старинной церкви. В этом здании было, сколько мне помнится, всего два зала: один — общий, другой — научный, узкий, как ломоть хлеба. Еще — аудитория, где можно было послушать доклад или лекцию на иностранном языке, и закутки для кружковых занятий. Крутая лестница вела в подвал с буфетом — вот и все.

От входной двери до кафедры выдачи книг — шагов десять. Между кафедрой и каталогами — узкий проход: двое едва разминутся в нем. А полки с книгами начинались прямо за спинами библиотекарей. Работников в библиотеке тогда было немного, каждый читатель каждого библиотекаря знал в лицо, и библиотекари знали всех читателей.

В тесной библиотеке Столешникова переулка кипела жизнь. В крошечном вестибюле все стены были завешаны объявлениями и плакатами о занятиях кружков иностранных языков, о встречах с переводчиками, о лекциях и докладах.

Одно такое объявление вызвало особый интерес. Мы передавали друг другу:

— Иван Александрович Кашкин будет говорить о Чосере и читать свои переводы из него!

Имя Кашкина в те годы приобрело заслуженную известность. Он открыл нашему читателю большого американского писателя Эрнеста Хемингуэя, когда тот еще был не очень известен даже у себя на родине, перевел несколько его произведений, напечатал о нем несколько статей. Кашкин организовал кружок молодых переводчиков с английского языка, из которого вышли нынешние наши лучшие мастера перевода английской и американской литературы. Их наставник и все они переводили произведения новые и новейшие. И вдруг — Чосер. Далекое средневековье.

В тесном залике собирались студенты, преподаватели, привлеченные именами Кашкина и Чосера, любопытствующие и недоумевающие. Перед аудиторией появился человек с огненно-рыжими волосами, с веселыми,

насмешливыми глазами. Говорил он без всяких бумажек. Вступительного слова его я спустя столько лет не помню. Помню ощущение — говорил он о Чосере как о близком знакомом. Потом Иван Александрович читал отрывки из перевода. Его огненная шевелюра победительно пылала, голос был то торжественным, то ироничным, раскрытые ладони подносили залу только что прозвучавшую строфу. Сейчас можно прочитать этот замечательный перевод в томе Чосера, который издан в «Библиотеке всемирной литературы». А мы присутствовали на «крестинах» блистательной работы и обязаны этой радостью Библиотеке иностранной литературы.

В годы войны, даже самые трудные, библиотека продолжала работать. В зале топилась железная печка. Но все равно чернила замерзали в чернильницах. Дым от сырых дров ел глаза. Библиотекари и читатели работали, не снимая пальто и шуб. Счастливые обладатели валенок сидели в зале в валенках. Работали в перчатках. С них были срезаны кончики пальцев, чтобы можно было раскрыть книгу и перелистать страницы. Но читальный зал был полон, а в крохотном вестибюле появлялись объявления, написанные на грубой оберточной бумаге, о лекциях и докладах. Библиотека продолжала свою жизнь! Она была не только открыта для читателей, но и помогала Советской Армии справками и переводами.

В послевоенные годы Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы несколько раз меняла адрес. Книгохранилище оставалось на прежнем месте, а читальные залы перебирались с места на место. Всюду, меняя адреса и разрастаясь, библиотека сохраняла свой дух — материализованную в книгах и людях идею общения языков, народов, культур.

И вот наконец в 1967 году совершился ее переезд в новое здание на Ульяновской улице, превосходно построенное, удобное, современное. Здание это особенно красиво в вечерние часы. Подходишь к нему со стороны Котельнической набережной, пересекаешь внутренний двор и сквозь огромные, ярко освещенные окна видишь большие холлы, огромные залы каталогов, плавно поднимающиеся лестницы, просторные читальные залы. А над основной частью здания возвышается книгохранилище: восемь этажей, шестнадцать ярусов, десятки километров металлических книжных полок, которые могут вместить пять миллионов книг, а вмещают уже более четырех.

Всё — мебель, витрины, полки, столы, кресла, диваны, ящики для карточек — сделано для библиотеки специально.

Когдаходишь в это здание, когда работаешь в его каталогах, читаешь в его залах, почти невозможно представить себе, с чего все это начиналось. Мое поколение помнит церквушку в Столешниковом, о которой я рассказывал. Но ведь и она не начало. Началось все куда раньше. Едва кончилась гражданская война, среди многих новых учреждений

культуры возникло одно, поначалу скромное и неприметное. Называлось оно Неофилологическая библиотека. Состояла библиотека из нескольких книжных шкафов, стоявших в Народном комиссариате просвещения. А в шкафах была сотня книг на трех европейских языках. Через несколько лет после своего зарождения библиотека насчитывала уже 10 000 томов на иностранных языках. В библиотеке, одно время размещавшейся в здании Исторического музея, возник обычай, прежде ни одной другой библиотеке неведомый. Здесь не ограничивались тем, что давали иностранные книги тем читателям, которые знают языки, здесь стремились помочь читателям их выучить. Так в 20-е годы в библиотеке возникли курсы, превратившиеся со временем в Первый московский институт иностранных языков.

Государственная библиотека иностранной литературы, где собраны книги на ста двадцати восьми языках, представляется мне вавилонским столпотворением наоборот. Библиотека делает все, чтобы помочь в преодолении языковых барьеров, способствовать взаимопониманию людей, говорящих на разных языках, не просто заставляет жалеть, что мало языков знаешь, а помогает прибавить к тем, которые знаешь, другие. Здесь есть все, чтобы благое намерение не осталось всего лишь намерением: новейшие учебники, подробнейшие словари, многотомные издания классиков и современников, журналы, газеты, книги, чтобы читать их дома (в этой библиотеке большой общедоступный абонемент). Здесь к услугам читателя все. На языке. Для языка. О языке.

Третьей библиотекой, которая вошла в мое представление о Большой библиотеке, была Государственная публичная историческая библиотека РСФСР. Она как помещалась когда-то до войны в Старосадском переулке, так там и помещается. А вот книг в ее фондах стало гораздо больше. Здание мало изменилось. Эта неизменность привлекательна. Я и сижу здесь все в том же зале, у того же окна, где сидел до войны.

Дорогу сюда мне проторил мой младший брат Юра. Между нами было три года разницы. Когда я был студентом, он учился в школе. Мы дружили, но были очень разными. Три года в пору юности — срок немалый, да и характеры наши и интересы были непохожими. Я интересовался литературой, Юра любил мастерить. Отец радовался, что младший сын изберет, видно, техническую профессию. Папе казалось, одного гуманитария в семье достаточно.

О моих увлечениях дома знали все, а Юра был мальчиком замкнутым. Родители и я удивились, когда он сказал, что решил писать работу на конкурс юных историков, объявленный историческим факультетом Московского университета. Тема — «История сооружения Московского Кремля». Я спросил у брата, представляет ли он себе, как подступиться к такой работе, хотел выложить ему свои свежеприобретенные познания о том, как составлять библиографию для будущей работы, сказал, что

попробую записать его в кабинет истории нашего института, там важнейшие книги под рукой.

Юра поблагодарил и отказался.

— Я уже работаю в библиотеке, — сказал он.

— В какой же?

— В библиотеке Исторического музея.

Не знаю, кто посоветовал ему эту замечательную библиотеку. В ней был зал для молодых читателей — школьников и студентов. Юру там приветили, дали ему много советов, помогли подобрать книги. Скоро на его письменном столе в нашей общей комнате место технических самоделок заняла картотека с выписками и папки с конспектами.

Юрина работа заняла на конкурсе одно из первых мест. Сияющий, он притащил домой премию — многотомную «Историю XIX века».

Увлечение историей оказалось для брата очень серьезным. В IX классе он снова принял участие в конкурсе. Тема стала еще сложнее: «Оборонительные сооружения Древней Руси». По счастью, копия этой работы у меня сохранилась. Сейчас я куда больше, чем в студенческие годы, вижу, насколько работа Юры серьезна для начинающего. Список использованной им литературы огромен. Не всякий студент читает столько книг для своей курсовой работы. Все время, которое у Юры оставалось от школы и уроков для школы, проводил он в библиотеке.

На втором конкурсе Юра снова получил премию, да какую! Ему предоставили право вместе с научными сотрудниками поехать на раскопки Херсонеса Таврического, где работала археологическая экспедиция Московского университета. Отъезд экспедиции был назначен на середину июля 1941 года. Но двадцать второго июня началась война. В июле Юра вместе с отцом ушел в ополчение, взяв с собой тот самый рюкзак, что был приготовлен для экспедиции, и положив в него какую-то книгу по истории, которую он не успел дочитать. В августе он приезжал на один день в Москву. Но я его повидать не смог, был уже в военном училище. Осталась Юрина карточка, снятая в его приезд. Он коротко острижен, на нем пилотка и гимнастерка. Ему всего шестнадцать, но выглядит он старше.

Я не знаю, где похоронены папа и Юра. Знаю только — они погибли под Вязьмой. Перед боями командир хотел отправить Юру в Москву — ведь он был еще совсем мальчишкой. Приказания Юра не выполнил. К машине, уехавшей в Москву, он не пришел, остался с отцом. Об этом мне рассказали несколько лет спустя те, кто был с ними в ополчении.

...Угадывал ли Юра свою судьбу — судьбу поколения, когда день за днем сидел в Юношеской исторической библиотеке, собирая материал для работы «Оборонительные сооружения Древней Руси»? Знал ли он, что ему предстоит принять бой на той земле, историю которой он так серьезно изучал? Думаю: угадывал, чувствовал, знал. Выбор книг,

которые он читал, о которых думал на пороге взрослой жизни, говорит об этом. История была для него не отвлеченной наукой, а важнейшей составной частью внутреннего нравственного закона.

Но все это было впереди, а пока длился последний предвоенный учебный год, и мой младший брат пропадал в библиотеке Исторического музея. Мне было досадно, что я не могу ему дать совета: к курсу русской истории мы еще не приступали, а того, что я знал независимо от института, для разговора с младшим братом «на равных» было уже недостаточно. У него появились новые знакомые и друзья, он все дальше уходил из-под моего влияния.

Мне бы записаться в ту же библиотеку, где работал он, — студентов туда принимали. Глупый гонор удержал меня: зачем я пойду записываться в юношескую библиотеку, когда имею право работать во взрослой! Сколько часов, сколько дней общения с братом я потерял! Как горько, что так получилось...

Вот уже много долгих лет я, кроме Ленинской и Иностранной, занимаюсь еще и в Исторической библиотеке. И часто вспоминаю здесь Юру. Именно здесь мне уже после войны удалось найти тот номер довоенного журнала, в котором было написано о конкурсе юных историков в МГУ и упоминалась Юрина работа — единственный печатный след его упорных занятий.

У Исторической библиотеки свои драгоценные особенности. Она собирает, как показывает ее название, прежде всего книги по истории. Это — одна из самых широких наук и со множеством других наук связана. В библиотеке собраны документы — источники, без которых невозможно серьезное изучение прошлого. И научные труды — русские и зарубежные. Всевозможные справочники. Географические карты и атласы. Исторические романы. Книги по истории науки, техники, искусства, краеведению, географии.

Многим обязан я этой библиотеке. Горами книг, которые просмотрел, прочитал, законспектировал, работая в ее залах. Тяжеленными стопами книг, которые мне выдавали в этой библиотеке домой. Но не только этим. Многими страницами своих книг.

Когда я писал книгу о нидерландском художнике XVI века Питере Брейгеле Старшем, я столкнулся с большими трудностями. О его жизни почти нет сведений. Даже год его рождения точно не установлен, даже место рождения вызывает споры.

Документально известно, что он жил в Антверпене, учился здесь в мастерской знаменитого художника, а потом отправился в Италию. Но никаких подробностей об этом путешествии не сохранилось.

Как узнать, каким путем добирался Брейгель из Нидерландов в Италию? Как описать путешествие Брейгеля? В Исторической библиотеке в книге одного французского историка культуры я наткнулся на очень интересное место. «Наткнулся» — сказано не точно. Наткнулся

потому, что искал... Я узнал из этой книги, что скорость передвижения в Европе от времени римских легионов, совершавших пешие марши, и до появления первых железных дорог и пароходов почти не изменилась. Она определялась на суше скоростью пешехода, верхового коня, телеги и кареты; на воде — скоростью гребных судов, барж, влекаемых лошадьми, средней скоростью парусников... Когда Брейгель отправился в свое путешествие, он только завершил ученичество и еще не был ни знаменит, ни богат. Значит, путешествовал самым скромным образом — пешком, может быть, временами подсаживаясь на телеги попутных торговых обозов. Примерную продолжительность его путешествия можно рассчитать, а примерный маршрут составить, если знать, через какие города обычно добирались жители Нидерландов до Италии. Основные пути в Европе — ее большие торговые дороги — тоже веками не меняли своего направления. Значит, нужно найти путевые записки современников Брейгеля. Сам он записок не вел.

Вот тут-то мне и помогла Историческая библиотека. Настоящая библиотека славна не только своими книжными богатствами, но и тем, какие ключи дает она в руки тому, кто хочет этими богатствами воспользоваться. Ключи эти — ее каталоги и картотеки. В справочном отделе мне сказали, что в одном из каталогов зарегистрированы путевые записки путешественников всех времен и по всем мыслимым маршрутам. Перебирать карточки этой картотеки необычайно увлекательно: они зовут последовать за авторами этих книг в дальние и ближние края, совершить странствие самыми различными способами. Но я заставил себя не отвлекаться, а искать именно то, что мне нужно. Постепенно составил список из десятка книг, которые могли приоткрыть для меня историю путешествия моего героя. Теперь надо было перейти от карточек, по которым трудно представить себе, что содержит книга, к самим книгам. Скоро передо мной на столе лежала гора: путевые дневники, дорожные записки, письма разных людей, направлявшихся с европейского севера в Италию. И я нашел в этой горе то, что искал.

Лет за тридцать до Брейгеля из того же Антверпена отправилась в Иерусалим группа паломников. Как уже сказано, скорость передвижения и маршруты путешествий в те времена за столь небольшой срок не менялись. В пути паломники вели записки, которые случайно сохранились и были впоследствии изданы. Именно эти записки я и отыскал, пользуясь картотекой путешествий. Записки беглые, сухие. Но маршрут и темп путешествия из них извлечь можно.

Путешественники покинули Антверпен 7 мая, в тот же самый день прибыли в Брюссель. 12 мая были в Реймсе, 18 — в Дижоне, 22 — в Лионе... А Брейгель тоже по пути в Италию побывал в Лионе. Это известно точно. Сохранился его рисунок, изображающий Лион. Значит, первый большой отрезок пути Брейгеля Антверпен — Лион совпадал с путешествием паломников. Они добирались от Антверпена до Лиона пятнадцать

дней, то есть оставляли за собой километров по 45—50 за день пути. Это нетрудно высчитать по карте. Отсюда следует, что часть пути, если не весь путь, они проделали верхом: пешком по 50 километров в день две недели подряд не прошагаешь. Видимо, и Брейгель не мог добраться до Лиона быстрее, чем за две-три недели. И пешие стражники, сопровождавшие торговые обозы, к которым он мог примкнуть, и тяжело груженные телеги с товарами двигались, конечно, медленнее всадников.

А зачем это нужно знать, быстро или медленно совершал он этот путь и через какие города проходил? Для жизнеописания художника это очень важно. Если двигался медленно, значит, многое видел, может быть, успевал рисовать в пути.

А зная хотя бы предположительно, в каких городах он побывал, можно представить себе, какие достопримечательности он повидал.

Можно еще точнее представить себе Брейгеля в пути. Сохранилась гравюра по рисунку Брейгеля «Деревня в лесу». На ней изображен торговый обоз. По деревенской улице, покрытой лужами и весенней грязью, увязая по ступицы колес, едут тяжело нагруженные возы. За ними следуют всадники на лошадях, за каждым возом бредет стражник с копьем на плече и шпагой в руке. Обоз сильно растянулся. Передние возы уже скрываются за склоном холма, последние еще только проезжают мимо деревенских домов. Видно, что путникам предстоит еще дальняя и нелегкая дорога. Так и кажется, что набросок к этой гравюре возник, когда Брейгель шел с одним из таких обозов.

Гравюру эту я нашел в прекрасном издании графики Брейгеля. Этот огромный бесценный том, изданный в Бельгии, я тоже получил в Исторической библиотеке. Пока я мысленно добирался с художником до Лиона, потом из Лиона в Авиньон, потом плыл по Роне (именно таким представляется мне его воображаемый маршрут), я работал в этой библиотеке. Ее книги, справочные картотеки, карты помогли и мне совершить это путешествие.

И все-таки не раз за эти годы, занимаясь в привычной и неизменной Исторической библиотеке, я думал о той, другой, что была когда-то при Историческом музее, называлась Юношеской и где занимался Юра. Я слышал, что она давно не существует. И лишь случайно недавно узнал, что та Всероссийская юношеская библиотека, что находится в Москве на Преображенской площади, библиотека, где мне не раз случалось выступать перед читателями, — наследница той довоенной Юношеской исторической библиотеки. Другое здание (той прежней такие просторные залы и не снились), современная мебель...

В книжный фонд этой библиотеки влился фонд той, довоенной. Значит, есть тут те книги, над которыми провел последние месяцы своей короткой жизни мой брат. Теперь тут занимаются не одни только будущие историки. И все-таки подольше посидев в зале, я вижу мальчику, которому столько же лет, сколько было Юре. Он раскладывает перед

собой гору книг. Бросаю взгляд на корешки: книги об истории Древней Руси, которой занимался Юра. И книги, быть может, те же самые. Заговорить с ним? Что я ему скажу? Нет, не стану отрывать от работы. Книги переживают людей. А тяга к познанию истории — вечна...

Желаю и вам провести многие часы, дни, недели в Большой библиотеке, пусть она непременно станет частью вашей жизни.

Я рассказал о трех библиотеках, которые слились в моем представлении в единый образ Большой библиотеки. Но это вовсе не значит, что только они вместе или по отдельности заслуживают такого названия. Дорогу в Большую библиотеку может открыть для вас библиотека небольшая. Привыкнув работать в ее скромном читальном зале, пользоваться ее несложными каталогами, обращаться к основным энциклопедиям и словарям, которые есть во многих библиотеках, вы подготовитесь к тому дню, когда вам понадобится прийти в Большую библиотеку — необязательно московскую. Мне приходилось бывать и работать в областных библиотеках Волгограда, Орла, Горького, Ставрополя и многих других городов. И в каждой всегда находилось что-то свое, особенное, чего я и в Москве мог не найти.

Мы сейчас много путешествуем, осматриваем в этих путешествиях достопримечательности, посещаем музеи и выставки. Мне кажется, что у книголюба в каждом путешествии должна быть еще одна цель — местная библиотека. Провести в ней хотя бы несколько часов, если больше не позволит время, всегда стоит. Что можно успеть в библиотеке за несколько часов? Какой смысл прийти в нее на ходу? Смысл, мне кажется, есть. Именно для путешественников. В каждой хорошей библиотеке непременно подобраны книги о тех местах, по которым проходит ваше путешествие. Пусть вы не успеете их прочесть, а только полистаете. Вы будете знать, какие книги рассказывают о том крае, где вам довелось побывать. Вы вооружитесь их списком, и он поможет вам, когда вы вернетесь, еще раз совершить свое путешествие — мысленно и по книгам.

Но, может быть, там, где вы живете, в библиотеке вовсе нет этих книг? Тут вам на помощь придет прекрасный обычай, существующий в наших библиотеках: они связаны между собой так называемым межбиблиотечным абонементом — МБА. «МБА» — слово, которое знает каждый, кому приходится много и серьезно работать с книгами. МБА дает возможность вашей библиотеке, будь она районная или городская, выписать для вас, своего читателя, книгу, которой в ней нет, из другой библиотеки, даже из другого города.

Конечно, по МБА вам не станут заказывать книгу, которую просто хочется прочитать для развлечения. По МБА выписывают книги, которые нужны для работы. Если вам нужна книга для серьезного дела и вы объясните это в своей библиотеке, вам помогут получить ее через МБА. Читать ее придется в читальном зале. На дом, как правило, таких

книг не выдают. Но ведь в читальном зале можно прекрасно работать — была бы необходимая книга.

Иногда мне случается слышать такие слова:

«Не люблю работать в библиотеке! Привык заниматься дома!»

Любить библиотеку и работу в ней не заставишь. В любви человек не волен. Если он читает только для собственного удовольствия и получает его только, когда читает дома, что тут скажешь? Пусть читает дома.

Но если речь идет о человеке, которому книги нужны для работы — литературной, научной, изобретательской, — пусть этот человек еще молод и работа его — скромный доклад на уроке или в кружке, тут без библиотеки обойтись трудно, а часто невозможно. Чем сложнее и разнообразнее то, чем занимаешься, чем многообразнее интересы, тем труднее собрать дома все необходимые книги. Поэтому так важно выработать в себе привычку к занятиям в библиотеке, и выработать ее как можно раньше.

Не так уж это сложно. Главнейшее умение — создать круг внимания. В нем книга, которую читаешь, и бумага, на которую делаешь выписки. Отключаешь мысленно зрение и слух от всего, что за пределами этого круга, и постепенно чувствуешь: между тобой и всем посторонним вырастает стена. Шелест страниц, шепот голосов, шаги идущих по проходу становятся вначале чуть слышными, потом исчезают совсем. Некоторым создать этот круг внимания удастся легко, некоторым — трудно. Но научиться может каждый.

Зато, когда привык работать в читальном зале, начинаешь ощущать огромные преимущества работы именно здесь. Где, кроме библиотеки, можно навести справку по энциклопедиям и словарям, получить печатные библиографические списки по самообразованию, узнать о книжных новинках?

Самый усидчивый и терпеливый читатель через два-три часа чувствует потребность передохнуть. Тихо, очень тихо, чтобы никому не мешать, вставайте и выходите из зала. В вестибюле каждой хорошей библиотеки — большой и малой — всегда есть что посмотреть: книжные выставки, афиши лекций и концертов. Мало где сосредоточено столько увлекательной информации, сколько в библиотечных вестибюлях.

Настоящего книголюбя всегда терзает опасение, что его минует интересная новинка. В Большой библиотеке непременно есть зал, а в маленькой — витрина новых поступлений. Я хорошо помню время, когда в Ленинской библиотеке новые поступления выставлялись на двух витринах. Теперь они занимают десятки витрин и специальный большой зал. В небольших библиотеках тоже бывают выставки новинок или, по крайней мере, вывешиваются списки новых книг.

И наконец, в библиотеке всегда что-то происходит: лекции, доклады, встречи с писателями. Постоянному читателю библиотека предоставляет не только свои книжные богатства, но щедро одаривает его многим дру-

гим. Стоит воспользоваться этой щедростью. А уж если вы будете работать в Большой библиотеке, вы рано или поздно увидите объявление: «Экскурсия по библиотеке». Непременно примите участие в этой экскурсии. Надо ведь представлять себе, как работает все, что скрыто обычно от глаз читателя за кулисами Большой библиотеки.

Перечитываю эту главу и вижу, что она становится объяснением в любви Большой библиотеке. Как же иначе...

Какую часть жизни провел я в Большой библиотеке, сколько и каких книг здесь прочитал! Сколько справок навел и запутаннейших вопросов распутал! Как много читал здесь, чаще для работы, а порой для удовольствия. Всего, чем я обязан библиотеке, не скажешь. Низко ей кланяюсь! Низко кланяюсь всем, кто работает в библиотеке, — тем, кто описывает только что поступившие книги, тем, кто составляет каталоги, картотеки, тем, кто расставляет книги по полкам, тем, кто дает библиографические справки, тем, кто подбирает книги по заказам. Всем библиотекарям — главным и рядовым, старым и юным — низкий поклон, глубокая благодарность.

КУЗНЕЦ БИ ШЭН

В истории сохранилось имя китайского кузнеца Би Шэна. В середине XI века он научился составлять из отдельных литер с изображением одного знака на каждой целую печатную форму. Би Шэн вырезал письменные знаки на глине. Делал для

каждого знака отдельную литеру, обжигал литеры на огне, так что они становились твердыми. Покрывал густой массой железную дощечку. На дощечку накладывал рамку. В рамку вкладывал литеры: они образовывали текст. Постепенно рамка заполнялась, превращаясь в единую печатную форму. Он накладывал на дощечку с набором другую доску и сильно нажимал на нее. Литеры вдавливались в массу, которая была под ними, на одинаковую глубину. Поверхность печатной формы становилась ровной. Потом он печатал с этой формы...

Как именно? На этом свидетельство современника, рассказавшего о кузнеце Би Шэне, к сожалению, обрывается. Очевидно, он покрывал ее краской и прижимал либо форму к бумаге, либо бумагу к форме.

Зато современник говорит о другом: «Если хотели отпечатать только два или три оттиска, то эта процедура не являлась ни быстрой, ни удобной, но когда печатали десятки, сотни или тысячи экземпляров, дело шло с быстротой духов».

Значит, уже в XI веке была потребность в таких тиражах! Изобретатель пошел навстречу этой потребности. Дальше современник свидетельствует, что Би Шэн для каждого знака имел несколько одинаковых литер, а для знаков, особенно часто встречающихся, запасал десятки.

Он придумал способ, как использовать набор многократно. Закончив печатание, подносил печатную форму к огню: масса, в которую были вдавлены литеры, размягчалась, их можно было легко вынуть из формы и разложить по ящикам.

Би Шэн решил много задач, вставших перед печатниками и позже. Он понял: для набора нужно иметь в запасе много литер одного и того же знака, важно не только собрать литеры в единую форму, но потом легко и быстро разобрать форму на отдельные литеры. К сожалению, ни одного листа, отпечатанного по способу Би Шэна, — важнейшего подтверждения, что такое открытие действительно было сделано, не сохранилось.

В XIV веке в Корее печатали с наборных форм, составленных из отдельных металлических литер. До нашего времени дошли отдельные документы, напечатанные таким способом, и даже целая книга. Однако способ этот за пределы Кореи не вышел. Европейцы о нем не узнали, так же как они не узнали о способе китайского мастера Би Шэна.

Но европейцам самим был уже известен способ печатания отдельными литерами. В самом начале XII века в Германии была сделана надпись на глине, выдавленная при помощи отдельных литер. С такими литерами работали ювелиры, которым нужно было получить надпись на металле, переплетчики, которые литерами выдавливали надпись на переплете. Словом, для изобретения наборного печатания все созрело.

Кроме разных простых и сложных изобретений, к наборному печатанию подводили известные с давних времен детские кубики. Кубики — больше, чем забава. Они издавна служили для того, чтобы учить

детей письму. Если на каждом кубике написать букву, то, меняя кубики местами, из них можно составлять слова. Сложили из кубиков слово, прочитали его, теперь кубики можно перемешать, ссыпать в мешок, а когда понадобится — сложить из них другое слово. Это не открытие способа печати, но это открытие принципа набора и разбора уже набранного текста, принцип использования кубиков-букв в разных словах. А едва ли не самое главное в наборном печатании — возможность много раз в разных сочетаниях употреблять одни и те же литеры.

Сходство детских кубиков с наборными литерами привело к утверждениям, что наборное печатание было известно уже древним римлянам. Основание этому дали несколько строк Цицерона, в которых он упоминал «знаки, сделанные из золота или другого металла и представляющие двадцать одну букву алфавита». Тем, кто читал это место, показалось, что речь идет о печатных литерах. Если их случайно бросить на землю, говорит Цицерон, из них не получится текста. Текст получится только, если их сложить по смыслу. Выходит, думали некоторые, техника набора литерами, из которых собирают слова, была известна древним римлянам. Они ее держали в тайне, а потом уничтожили. Но это заблуждение. Цицерон имел в виду не знаки для печати, а металлические кубики с написанными на них буквами. Однако, когда один знаменитый французский печатник сказал: «Этой фразой Цицерон почти коснулся пальцем изобретения Гутенберга», то есть изобретения книгопечатания, он был прав. Знаки из металла, обозначающие все буквы алфавита, — предшественники печатных литер для наборного печатания.

ПРЕКРАСНЫЕ ЧИТАТЕЛИ

Люди перестают мыслить, когда перестают читать.

Дени Дидро

Сейчас нередко приходится слышать: «Мне читать некогда!» Почему? Да потому, мол, что темп жизни невероятно ускорился, а чтение книг требует много времени. Времени жаль. Особенно жаль тратить его на те книги, что не имеют прямого отношения к профессии или специальности.

А вот рассуждение читателя, который вообще-то читать не прочь, но только не классиков: «Книги Тургенева, Толстого, Чехова написаны много лет назад. С тех пор все изменилось. Зачем читать о том, что было и быльем поросло?!»

Еще один голос: «А современные книги написаны о том, что происходит сейчас. Это я и сам все прекрасно знаю!» Говорится это с вызовом. Мол, вот какой я! Не боюсь признаться в том, чего другие ни за что не скажут, хотя точно так думают.

Еще одно рассуждение: «Многие книги писались тогда, когда еще не было кино и телевидения. Зачем теперь читать „Войну и мир“, „Анну Каренину“, „Сагу о Форсайтах“, „Мадам Бовари“, если все это можно увидеть в кино или по телевидению?»

А вот совсем другой голос. Отчаянное письмо от школьницы. «Помогите! Родители запрещают мне читать. Им кажется, я из-за книг буду хуже учиться».

Тут собраны вместе высказывания, на которые мне в разное время приходилось отвечать: по радио, в журналах, в письмах, на встречах с читателями. Правда, в последнем случае такие суждения высказываются не очень прямо. Не утверждением: «Читать не стоит...», а вопросом: «Стоит ли читать?»

Для ответа, авторитетного ответа, обратимся к мнению знаменитых ученых, писателей, художников, политических деятелей, изобретателей. Какое место книга занимала в их знании? Число великих людей, которые были неутомимыми читателями, огромно. Даже не знаю, на каких примерах остановиться! Книга нередко определяла их путь и профессию, подсказывала гениальные открытия или изобретения, вдохновляла на

создание важнейших сочинений. (Чтобы сразу можно было представить, в какую эпоху жили знаменитые люди, о которых пойдет речь, здесь как и в главе «Книги имеют свою судьбу», рядом с их именами указываются даты их жизни.)

Начнем с древности. Если бы была написана всемирная история знаменитых читателей, одно из самых почетных мест занял бы в ней римлянин *Плиний Старший*. Он жил в I веке нашей эры. Его биография опровергает распространенную точку зрения, что люди, которые любят читать, сидят над книгой сиднем и малодеятельны. Плиний Старший был офицером, потом чиновником, нес сложные обязанности, много путешествовал. И где бы ни был, непрерывно читал. За обедом, в путешествиях, даже в банях, где римляне проводили много времени. (Бани Древнего Рима служили не только для омовения тела, но были местом, где встречались и беседовали знакомые, где произносились речи, обсуждались последние события и новости.)

Из всего прочитанного Плиний непременно делал выписки. Он написал множество сочинений. Самое главное — «Естественная история». Чтобы написать ее, Плиний, по собственным словам, прочитал две тысячи работ других авторов. «Естественная история» дошла до нашего времени. В ней идет речь об астрономии, физике, географии, зоологии, ботанике, сельском хозяйстве, медицине, минералогии и о многом другом.

Быть специалистом во всех этих областях, разумеется, невозможно. Плиний Старший во многом полагался на книги, написанные до него. Его огромное сочинение — он сам называл его «Энциклопедией» — написано неровно, в нем немало ошибок, но оно позволяет нам представить, что знали и думали во времена Плиния.

Мысленно перенесемся через много веков в Италию

В семье деревенского сапожника рос мальчик, будущий революционер и философ *Томмазо Кампанелла* (1568—1639). Посещать школу он не мог: семья была слишком бедна. Слушал уроки, стоя у раскрытого окна школы. Скоро Кампанелла опередил всех учеников. Позже он стал монахом (тогда это было едва ли не главным путем к образованности). Спустя несколько лет его познания вышли далеко за пределы того, что полагалось знать монаху. Образование, которое поражало современников, он приобрел неутомимым чтением. Его обвиняли в ереси. Когда инквизиторы допрашивали его, они сказали, что столько знаний без помощи черта не приобретешь. Кампанелла гордо отвечал им: «Чтобы обладать моими познаниями, мне пришлось в течение бессонных ночей сжечь в светильнике больше масла, чем вы за всю вашу жизнь выпили вина».

За участие в революционном заговоре и по обвинению в ереси Кампанелла был приговорен к пожизненному тюремному заключению и провел в тюрьме почти тридцать лет. Вышел он из нее под старость.

Все годы заключения, как только выдавалась возможность, Кампанелла работал: читал, если ему давали книги, писал, если давали бумагу. Если не давали ни книг, ни бумаги, вспоминал прочитанное и размышлял о нем.

В самые трудные дни следствия, когда Кампанеллу жестоко пытали, и в мрачные дни бесконечно долгого заключения он писал стихи.

Начальные строки одного из стихотворений Кампанеллы «Дух бессмертный» с восторгом повторит каждый книголюб:

Я в горстке мозга весь, — а пожираю
Так много книг, что мир их не вместит.
Мне не насытить алчный аппетит —
Я с голоду все время умираю.

Перевод С. В. Шервинского

А другое стихотворение Кампанеллы начинается словами: «Мир — книга...»

Через всю долгую трагическую жизнь Кампанеллы прошло глубочайшее уважение к книге. Он и сам оставил множество сочинений. Самое знаменитое из них — «Город Солнца», пророчество о государстве будущего, разумном и справедливом. Все его сочинения, в том числе и «Город Солнца», опираются на прочитанные книги.

Тринадцатилетним мальчиком убежал в Париж из родной деревни сын бедной вдовы, будущий знаменитый ученый *Пьер де ла Раме*, или Петр Рамус (1515—1572). Хотел поступить в настоящую школу. Ему шел тринадцатый год, когда он был внесен в список одного из коллежей Парижского университета. Такой коллеж был чем-то вроде школы-интерната, а его ученики были наполовину школьниками, наполовину студентами. Пьер был взят в коллеж как слуга богатого школяра. Днем прислуживал господину и сопровождал его на лекции. По ночам сидел над книгами. Чтобы просыпаться среди ночи, Рамус подвешивал над медным тазом камень на веревке, а к веревке привязывал фитиль и, когда ложился спать, поджигал его. Медленно тлея, фитиль добирался до веревки, веревка перегорала, камень с грохотом обрушивался в таз, Пьер вскакивал с жесткого ложа и садился за книги. К двадцати годам Рамус стал одним из самых начитанных и образованных молодых ученых в Парижском университете. В двадцать один год он защитил диссертацию, которая навлекла на него ярость тех, кто боялся новшеств в науке, и вызвала отклик во многих университетах Европы.

Знаменитый французский философ *Рене Декарт* (1596—1650), оглядываясь на свой жизненный путь, пишет так: «Я с детства был вскормлен на книжном знании... Больше всего желая приобрести его, я пробегал все книги, которые попадали мне под руку».

Другой французский философ и писатель *Жан Жак Руссо* (1712—1778) вспоминал: «Я читал всюду, куда меня посылали, в конюшне, в уборной, забываясь там на много часов; голова у меня шла кругом от чтения, а я

только им и занимался. Мой хозяин выслеживал меня, застигая на месте преступления, бил, отбирал книгу». Отвратить Руссо от чтения не удалось.

Во всех биографиях этих страстных читателей есть нечто общее. Чтобы удовлетворить тягу к книге, им приходилось преодолевать немалые трудности, а часто даже и опасности. Как позавидовали бы они тем, кто может читать без помех! Как удивились бы, что не все пользуются этой возможностью! Неутомимое чтение не только не притупило творческой, созидательной силы этих великих читателей, а развило ее. Каждый из них прибавил к горам прочитанных чужих книг и свои, каждый запечатлел свое имя в истории.

Влечение к книгам часто толкает книголюбцев на, казалось бы, неожиданные поступки.

Английский физик *Майкл Фарадей* (1791—1867) смолоду не сумел получить систематического образования. Покупать книги ему было не по средствам. А читать хотелось больше всего на свете. Чтобы получить доступ к книгам, он поступил в мастерскую переплетчика. Снимая со старых томов обветшавшие переплеты, разглаживая помятые и подклеивая порванные страницы, он ловил каждую минуту, чтобы заглянуть в книгу, которая была у него в работе.

Особенно приковали его внимание статьи об электричестве в Британской энциклопедии, статьи, в которых еще не было ни слова ни о динамо-машине, ни об электромоторах, их еще предстояло изобрести. Это были статьи, где главным образом речь шла об опытах Вольты и Гальвани, об электрофорной машине, о лейденской банке, но для юного Фарадея не было чтения увлекательнее.

Обратите внимание на одну важную особенность чтения Фарадея. Когда он встречал описание опыта, он не просто прочитывал его, он старался его проделать, проверяя и то, что написано в книге, и самого себя.

А у знаменитого американского изобретателя *Томаса Алвы Эдисона* (1847—1931) была мечта прочитать труды Фарадея. Эдисон работал тогда кондуктором на железной дороге и часто ездил в ночную смену. В день, когда он наконец купил книги Фарадея, Эдисон пришел домой со смены только в четыре часа утра, решил вообще не ложиться спать и погрузился в чтение.

Эдисон был гениальным изобретателем, но не теоретиком. Ему было свойственно в высшей степени практическое мышление. Это проявлялось, между прочим, в задачах, которые он задавал молодым людям, желавшим работать с ним, когда он уже стал знаменитым. Может показаться, что чтение его должно было быть направлено только на практические цели. Ничего подобного.

Великий изобретатель увлекался книгами по истории. Он много раз перечитал роман Гюго «Отверженные» и знал из него на память целые страницы. Он проштудировал библиотеку книг по естественным наукам,

причем часто это были книги, очень далекие от тех областей, в которых он трудился.

Странность? Чуждачество? Нет, прекрасная традиция. Ее можно проследить, если обратиться к примеру нескольких других знаменитых людей.

Великий физик и астроном *Галилео Галилей* (1564—1642) в юности изучал не только литературу по математике и механике, но и древних поэтов — Вергилия, Овидия, Горация. Он внимательно читал Данте и даже выступил с лекцией о поэме Данте «Божественная комедия». Занятый физикой и астрономией, он написал критические заметки о поэме знаменитого итальянского поэта Торкватто Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Проходят века, и другой великий ученый, создатель теории относительности *Альберт Эйнштейн* (1879—1955) говорит: «...Если вы спросите, кто вызывает сейчас во мне наибольший интерес, то я отвечу — Достоевский... Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель».

Эти слова часто цитируют. Это понятно. Они поражают воображение. Романист дал человеку точных наук, по его собственному признанию, больше, чем ученые, работавшие в его области.

Когда встречается выдающаяся книга или выдающийся человек, рассуждения о том, что эта книга не по его специальности, теряют смысл. Такой человек привык мыслить и в русле своей специальности, и далеко за ее пределами. Все, что углубляет и расширяет человеческое мышление, все, что шире открывает картину мира, — для него по специальности.

Еще один пример человека, который принадлежал своими главными интересами точным наукам, но глубоко связан с художественной литературой, — *Софья Васильевна Ковалевская* (1850—1891), выдающийся русский математик прошлого века, первая в мире женщина-профессор, член-корреспондент Петербургской академии наук. В списке ее работ — сочинения по дифференциальным уравнениям и механике, об устойчивости колец Сатурна, а рядом с ними — воспоминания и повести. Они свидетельствуют и о литературном даровании Ковалевской, и о том, что она была смелоду и осталась на всю жизнь любознательнейшим и внимательнейшим читателем художественной литературы.

Знаменитый советский математик *Андрей Николаевич Колмогоров* (род. в 1903 г.) много сил и времени отдаст исследованию поэзии, прилагая к ее анализу методы своей науки. Целая новая область исследований, вероятно, не существовала бы, если бы математик не увлекся чтением стихов.

А теперь немного о писателях-читателях.

Всю жизнь собирал книги *Франческо Петрарка* (1304—1374). После него осталась одна из самых больших частных библиотек в Европе.

Мы мало что знаем о биографии *Вильяма Шекспира* (1564—1616). Но, читая его пьесы, понимаем, что он был неутомимым читателем. Он опирается то на старинную историческую хронику, то на рассказ итальян-

ского писателя, то на полузабытую поэму. Если указать все книги, отзвуки которых ощутимы в пьесах Шекспира, получится огромный список. Гениальный драматург был одним из самых начитанных людей своего времени.

Целую библиотеку можно составить из книг, упоминаемых в романе «Дон Кихот» испанского писателя *Мигеля Сервантеса де Сааведра* (1547—1616). Одни он цитирует, другие пересказывает, некоторые хвалит всерьез, другие — весьма иронически.

Обращаясь к великим людям России, которые были великими читателями, мы прежде всего думаем о *Михаиле Васильевиче Ломоносове* (1711—1765). Он был подростком и жил в далеком северном селе, когда в его руки попали учебник арифметики — первый из изданных в России, грамматика и книга стихов — тоже первая в России. С той поры он не расставался с ними. Страсть к чтению прошла через всю его жизнь. Ломоносов, которым двигала жажда знаний, добрался до Москвы и поступил в московскую Славяно-греко-латинскую академию. Ему было нелегко. Он оказался здесь одним из самых взрослых учеников, говорил на северный лад, сильно «окая», над ним подсмеивались.

Но он забывал об этих огорчениях, думая о том, как ему повезло: он учится, академия расположена недалеко от книжного торго, где можно купить печатную или рукописную книгу. Книги стали главным расходом Ломоносова. Переведенный в Петербург, он, едва получив стипендию, купил книгу В. К. Тредиаковского по теории стихосложения. С этой книгой Ломоносов не разлучался, взял ее с собой за границу, внимательно читал и сохранил в своей библиотеке навсегда. Это одна из немногих книг из библиотеки Ломоносова, которые сохранились до нашего времени*.

За границей Ломоносов упорно собирал книги, тратя на них большую часть денег, которые были даны ему на поездку и учение. Это были книги на латинском, немецком, итальянском, английском, польском и других языках. Многие великие читатели изучали иностранные языки, чтобы читать на них. Так поступил и Ломоносов. Библиотека, собранная им, отличалась широтой и разнообразием. В ней соседствовали биология и физика, химия и математика, медицина и философия, история литературы, поэтика и риторика. Позже Ломоносов стал собирать книги о далеких странах, о географических и археологических открытиях.

Страстным собирателем и читателем книг был *Александр Сергеевич Пушкин* (1799—1837). Смертельно раненный, он, умирая, обратил последние слова к книгам своей библиотеки: «Прощайте, друзья». Это место в воспоминаниях о нем всегда наполняет душу волнением. Представля-

* Когда «Книга о книге» была дописана, в печати появились интереснейшие сообщения, что ленинградским ученым удалось в фондах Академической библиотеки обнаружить еще ряд книг, принадлежавших Ломоносову, и прочитать его пометки на полях этих книг.

ешь себе кабинет, в котором он умирал в доме на Мойке. Письменный стол, полки, тесно заставленные книгами. И вспоминаешь, что еще лицей-стом Пушкин посвятил прекрасные, радостные и веселые стихи любимым книгам.

...Укрывшись в кабинет,	Над полкою простою
Один я не скучаю	Под тонкою тафтою
И часто целый свет	Со мной они живут,
С восторгом забываю.	Певцы красноречивы,
Друзья мне — мертвецы,	Прозаики шутливы
Парнасские жрецы;	В порядке стали тут.

Это отрывок из стихотворения «Городок», в котором Пушкин перечисляет далее свои любимые книги.

Читая письма Пушкина, мы видим, что он то и дело просит прислать ему книги, напоминает о книгах, рассказывает о прочитанных, советует их прочитать. Едва оторвавшись от книги, записывает свои мысли о ней, иногда для печати, чаще — для себя: восхищается, изумляется, подробно разбирает, коротко оценивает, порой высмеивает, порой бранит. Если хорошая книга забыта потомками, это не дает ему покоя.

Какие же книги собирал Пушкин? Прежде всего все, что связано с историей русской литературы и историей. Сборники сказок и пословиц, летописи, «Слово о полку Игореве», сочинения почти всех русских писателей XVIII и начала XIX века, старинные журналы и газеты, книги о петровском времени, книги иностранцев о России, справочники и энциклопедии, русские и иностранные словари, учебники, самоучители и грамматики разных языков. Пушкин в совершенстве владел французским, читал по-английски и по-итальянски. Взрослым человеком он самостоятельно выучился читать по-испански. В библиотеке Пушкина было много произведений восточных литератур — арабской, индийской, китайской в переводах на французский язык. Сбирал Пушкин и произведения античных писателей в переводах и оригиналах. Много в его библиотеке было легенд, сказок и песен западноевропейских народов и сочинения всех выдающихся писателей Италии, Франции, Англии, Германии, Испании. По подсчетам ученых, в библиотеке Пушкина было не менее 10 тысяч томов (сохранилась она, к сожалению, далеко не полностью). И эти книги не стояли на полках без дела. Пушкин постоянно обращался к ним: перечитывал любимых авторов, выбирал произведения для перевода, наводил справки по энциклопедиям и словарям, проверял себя. Например, когда читал Шекспира по-английски, полагая, что знает этот язык недостаточно, контролировал себя по французскому переводу.

Тем, кому кажется, что книги могут помешать учиться, стоит вспомнить слова Пушкина: «Чтение — вот лучшее учение». Их цитируют нередко. Гораздо реже говорят о том, что сказаны они были не кому-нибудь, а младшему брату Льву. Пушкин горячо любил его, хотел, чтобы брат стал образованным человеком и как главное к тому средство посоветовал чтение.

Пушкин любил чтение-работу. Такое, когда перед глазами книга, а в руках карандаш для отметок (в своей книге отметки карандашом делать можно!), перо для выписок, бумага. Места, которые привлекали его внимание, он подчеркивал в тексте или отчеркивал на полях, иногда ставил рядом с ними знаки, выражающие сомнение, удивление. Была у Пушкина и другая привычка — вкладывать в книги маленькие листки бумаги со своими замечаниями.

В замечательном издании «Словарь языка Пушкина», где собраны все слова, которые употреблял великий поэт, и указано, в каких произведениях он их употреблял, немало места занимают: «книга», «книгопечатание», «книжища», «книжка». Листая этот словарь, я нашел изречение Пушкина, которое раньше мне читать не приходилось: «Никакое богатство не может перекупить влияние того, чем овладевает книга, никакая власть, никакое правление не может устоять против типографского снаряда».

Тут могут сказать: это все о знаменитых людях, об ученых и писателях. Подражать им может не каждый.

Расскажу о *Василии Кубаневе* (1921—1942). Как видите, он прожил совсем короткую жизнь, и все, что он успел сделать, прочитать, обдумать, написать, а успел он очень много, он сделал за годы детства, отрочества и юности. Его жизнь интересна, поучительна и вдохновляюща еще и потому, что по ней видно, как много можно успеть узнать и совершить не только за короткий срок, но и в нелегких условиях. Василий Кубанев родился в деревне. Семья его жила трудно, не только потому, что была бедна, но и потому, что в ней не было настоящего душевного согласия между родителями. Василий учился в сельской школе в годы, когда учебников, тетрадей, книг для школьников не хватало. Семья Василия Кубанева переехала в маленький город Воронежской области Острогожск. Кончил школу и шестнадцати лет начал работать журналистом в районной газете, потом недолго учительствовал в сельской школе. Когда началась Великая Отечественная война, добровольцем ушел в армию, но тяжело заболел и двадцати одного года умер. Его короткая жизнь была нелегкой. Отец оставил семью, мать зарабатывала мало.

Все, кому посчастливилось знать Василия Кубанева, сохранили о нем воспоминания на всю жизнь. Их рассказы о нем пронизаны светом его личности. Всех поражала его энергия, жажда знаний и впечатлений, душевная открытость, готовность поделиться своим духовным достоянием с другими, постоянное стремление к совершенствованию, готовность все отдать людям, пламенная любовь к книгам и необыкновенная начитанность.

Василий Кубанев писал стихи. Многие из них сохранились: искренние, горячие, неровные, порой подражательные, словом такие, какими бывают первые стихи одаренного человека. Кубанев обдумывал замысел нескольких романов, которые должны были сливаться в цикл «Целое»

и охватывать огромный период истории России. Замысел огромный. Но когда, как не в молодости, строить грандиозные планы! Трудно сказать, каким поэтом и прозаиком стал бы Кубанев, будь ему суждена долгая жизнь. Литературные способности его несомненны. Об этом больше, чем его стихи и статьи для газет, говорят письма друзьям, записи в дневнике, заметки в записной книжке.

По ним видно, что, кем бы ни стал в будущем Василий Кубанев, он был бы человеком незаурядной образованности и широты интересов. Этими своими качествами он во многом обязан книгам.

«Во мне сидит какой-то книжный дьявол. Я не могу быть равнодушен при виде книг, и, сколько бы ни было у меня в этот момент денег в кармане, — все трачу на книги» — писал он. А жил он трудно, и, когда тратил деньги на книги, это значило, что он отказывал себе в самом необходимом.

Один раз он побывал в Ленинграде у друзей. Ленинградские книжные магазины совершенно опьянили его.

«Весь день промотался по магазинам. Книг накупил! Не знаю, как только повезу их!

Купил себе два новых больших мешка для книг. Но когда я выложил сегодняшние покупки и окинул взглядом все, то меня взяло сомнение: уложатся ли все мои книги в два мешка... Завтра с утра отправляюсь в последний рейс по магазинам: за французскими книгами. (Французский язык Кубанев изучал самостоятельно. — С.Л.) Кроме того, надо обязательно купить что-нибудь о театре».

Читать Василий старался по плану, который сам для себя составил. Иногда отступал от этого плана ради какой-нибудь книги, которая привлекла его неожиданно. Его влекло многое. «Набрал в библиотеках кипу книг. Читаю до изнеможения. Так хорошо, так хорошо! И о растениях СССР, и о происхождении Вселенной, и о путешествиях Нансена, и о землетрясениях — обо всем, обо всем хочется знать».

Эта страсть к чтению была удивительной, если представить себе его семью. Мать была неграмотной, отец, хоть и был грамотным, но читать не любил и, куда жила в семье, не мог приохотить сына к чтению. (Именно это я имел в виду, когда в главе «Так не научишь» писал, что отношение детей к книгам определяется не только тем, как к ним относятся родители. Не обязательно ждать, чтобы кто-то пробудил в нас любовь к книге. Это зависит и от нас самих.)

Как многих книголюбцев, Василия нередко охватывал страх, что он не прочтает всего того, что надо прочитать. Вот характерные строки: «В мире тысячи книг, которые я должен знать, не говоря уже о сотнях тысяч, которые нужно бы знать. Если в день прочитывать по одной (научной) книге — в год прочитаешь всего 365. Разве ты не чувствуешь, как это убийственно мало?.. Ни о каких даже шести часах сна не может быть речи».

Можно усмехнуться наивности этих строк, можно восхититься ими. И он немалого достиг, этот ненасытный читатель. Язык его дневников и писем пленяет свободой, живостью, богатством, их содержание — обширностью знаний. Недаром его друзья вспоминают, как радостно было с ним переписываться и беседовать. Ему всегда было о чем рассказать, и обо всем он говорил и писал по-своему. В восемнадцать лет он был незаурядно образован. Свидетельство тому — список книг, составленный Кубаневым. Он называет его «Списком книг о Человеке». Пишет о нем другу: «Перепиши этот список. Будем читать по списку. Вместе». Тут раскрывается важная черта многих настоящих книголюбов — им мало самим прочитать хорошую книгу. Им непременно нужно вовлечь в круг своего чтения друзей, побудить их к размышлению над теми же книгами, к обмену мыслями о них, включить в сферу сопереживания тех чувств, которые эти книги вызывают у них самих.

Я тоже переписал список Кубанева. Переписывал и не переставал изумляться. Я учился не в периферийной, а в столичной школе. Участвовал в литературных кружках и студиях, которыми руководили известные писатели и поэты. В возрасте Кубанева стал студентом филологического факультета. Мог пользоваться большими московскими библиотеками. Но такого списка, какой составил юный житель маленького города Острогжска, я в его возрасте составить бы не смог.

Список Кубанева поражает своим богатством и широтой. Кубанев включил в него важнейшие произведения разных эпох и разных народов, лучшие образцы фольклора, эпической и лирической поэзии, прозы и драматургии, создания русской и мировой классики; всего около девяноста книг, из которых складывается поистине Золотая библиотека.

Конечно, список Кубанева можно дополнить и усовершенствовать. Это неудивительно. Куда удивительнее другое: достоинства этого серьезного и обширного списка.

Стремясь к широте и полноте, Василий Кубанев вовсе не был бесстрастно всеядным читателем. В одном из писем он выделяет любимых писателей и говорит о них так: «Пять гениев — как боги: Шекспир, Бальзак, Достоевский, Горький, Роллан. Как непохожи они друг на друга внешне! А ведь это куски одной породы, но разных пластов ее, разных отложений».

Разве можно скучать, когда живут они. Я говорю живут, хотя их считают умершими. Но умерли только их оболочки. Они сами, их дух жив — в книгах, в людях, в делах... Навеки... Какая глубина, какая страсть, какой размах, какая проникновенность, какая всеобщность в каждом из них. Когда тебе трудно, читай книги этих пяти».

Программа чтения, которую составил для себя молодой человек из Острогжска, была частью программы неустанного самовоспитания, его программы жизни. Непрерывное, неумное, ненасытное чтение было частью его самого. Он не только читал, он увлеченно и самоотверженно

работал, привлекая окружающих яркостью своей личности, широтой знаний и интересов, он жил щедро, самозабвенно, вдохновляя своим примером окружающих. Среди того, что успел написать Василий Кубанев, на мой взгляд, самое интересное не стихи, а письма и дневниковые записи. Но и в стихах, в которых многое говорит о том, что они написаны еще совсем начинающим поэтом, есть ощущение искренности, внутренней энергии, убежденности. Вместе с дневниками и письмами они образуют живое единство.

Главу о читателях я хочу закончить страницами о том, кому посвящена эта книга, — о *Борисе Ивановиче Богданкове* (1931—1975).

Одно из самых удивительных мест на земле — Пушкинский заповедник на Псковщине — Михайловское, где Пушкин жил, Тригорское, где Пушкин бывал у друзей, Святогорский монастырь, где он похоронен, озера Маленец, Кучане и Большое, по берегам которых он бродил, река Сороть, на которую он глядел из окон своего дома. Однажды мы приехали сюда, временно расположились в гостинице и пошли через густой старый лес в деревню Косохново, где жил наш ленинградский знакомый, думая, что, может быть, мы поселимся на лето в той же деревне. Из этого плана ничего не вышло, но зато наш друг познакомил нас со своим знакомым.

— Борис Иванович Богданков! — сказал он и пояснил: — Тоже ленинградец. Работает на Кировском заводе.

Мы пожали руку человеку лет за тридцать. У него было серьезное и приветливое лицо, несколько бледное, густые волнистые волосы. Как трудно описать человека, которого столько раз видел, которого так ясно себе представляешь! Мы едва перемолвились несколькими словами, как наш новый знакомый принял деятельное участие в поисках жилья для нас. И пока мы ходили из деревни в поселок и из поселка снова в деревню, решая, где нам жить, все время говорили о книгах.

Борис Иванович привлек, даже пленил меня тем, как много он читал, с каким пониманием говорит о прочитанном. Помня, что он работает на заводе, я решил, что он инженер, по-видимому, человек с высшим образованием, который увлечен литературой.

Когда мы познакомились ближе, я узнал, что Борис Иванович не только не имеет высшего образования, а среднюю школу закончил сравнительно недавно. Учился в ней, работая. И работа у него была нелегкая — подручный сталевара в мартеновском цехе. И кончать школу пришлось поздно, после большого перерыва. И раньше, и позже — всю жизнь, с самого детства он был неутомимым читателем.

Мы скоро расположились друг к другу, и Борис Иванович рассказал, что сквозь всю его жизнь проходят две профессии — рабочий-сталевар и рабочий в геологической партии на дальнем Севере. Проработав несколько лет в горячем цеху, он на год-два уезжает в край льда, снегов и морозов, часто остается там зимовать. И в эти бесконечно долгие месяцы полярной ночи особенно много читает. Так было и на этот раз. После

нашей встречи в Пушкинских горах Борис Иванович отправился в геологическую экспедицию, а потом остался там на зимовку. Мы стали переписываться. Его письма поразили меня тем, с какой точностью и силой описывает он северный пейзаж, как увлекательно рассказывает о зимовке, как много и как интересно говорит в этих письмах о книгах. Тысячи километров отделяют нас, а мы говорим об одних и тех же новинках! Он выписывал себе на зимовку много журналов. Вспоминал мой знакомый в письмах и о своем детстве, резко разломанном на две части войной.

Мне было жаль, что такие письма читаю только я. Выбрал я самые интересные страницы из них — о детстве, о природе, о книгах — и показал в издательстве «Детская литература». Редакторы заинтересовались и предложили Борису Ивановичу попробовать написать книгу. Он вначале очень удивился, посомневался, сможет ли, потом согласился. Существуют книги в литературной записи. Бывальщый человек рассказывает о своей жизни, а литератор записывает его рассказ и придает ему такую форму, в которой его можно напечатать. Книга Богданкова писалась не так. Он всю ее — от первой до последней строчки — написал сам, и раза три, а некоторые главы — четыре переписал.

Работа над этой книгой шла на огромном расстоянии, разделявшем нас. Из маленького поселка в Якутии, с Севера, столь далекого, что я с трудом представлял его себе, приходили авиабандероли с очередными главами книги. Я читал их, задавал на полях вопросы, если что-нибудь было неясно, делал замечания, иногда высказывал предложения. Рукопись возвращалась через тысячи километров к автору, а я тем временем получал продолжение. Два раза за время работы над книгой мы съезжались — один раз в Пушкинских горах, один раз в Крыму, чтобы решить то, что трудно было сделать заочно.

Словом, книга была дописана, несколько раз переписана, сдана в издательство, вышла в свет, вызвала одобрительные отзывы, даже премию на конкурсе получила. Называется она «Лед и пламя», вышла первым изданием в 1972 году, а до второго ее издания — оно вышло в 1980 году — автор, мой друг Борис Иванович Богданков, к великому горю всех, кто его знал и любил, не дожил.

Я надеюсь, что после моего рассказа вы прочитаете эту книгу, а пока что хочу привести из нее то, что он пишет о книгах.

Вот отрывки из главы «Любимые книги».

«Число прочитанных мной книг за четыре предвоенных года огромно! Я глотал их без разбору и, словно предчувствуя, что скоро исчезнет эта возможность, постоянно ощущал чувство книжного голода. Брал книгу в библиотеке, а вскоре шел ее обменивать. Библиотекарша не верила, что книга прочитана, и приходилось рассказывать, о чем она написана. Это было скучно. А еще скучнее было, когда она предлагала книги для младшего возраста, отвечать: „Читал, читал, читал“, и опять рассказывать, о чем они. А потом упрашивать, чтобы дали книгу из тех,

которые дают старшим школьникам. Все это заставляло искать книги помимо библиотеки — у друзей, знакомых.

Сейчас, когда я решил рассказать о любимых книгах, я составил список книг, прочитанных мною до десяти лет. Когда список был готов, оказалось, большинство любимых книг были предназначены для среднего или старшего возраста.

Одними из первых оказались книги, которые были у соседей. Среди них книга Л. Пантелеева „Часы” — о судьбе беспризорника Петьки. Книга переносила в недавнее прошлое, в первые годы Советской страны. Я читал ее и словно сам был беспризорником, чью душу ожесточили сиротские годы скитаний, ворованные куски хлеба, побои. Но постепенно дружеская обстановка в детском доме, куда попал Петька, не только заглушила его тягу к бродяжничеству, но и пробудила в нем стремление делать людям добро. И когда он отдал наконец, чужие часы, освободился от них, словно от бремени, легко стало и на моей душе. Видимо, от возникшего чувства легкости в память мою врезались ничего не значащие слова, которые следуют за этим событием и завершают книгу: „...и побежал в Губжир за зеленой краской”.

Вспоминая любимые книги, я думаю: „Мне здорово повезло, что я начал рано читать! Что в девять-десять лет уже был знаком с немецким пионером Карлом Бруннером, с Оливером Твистом, Томом Сойером и его другом Гекльберри Финном. С мужественным путешественником Миклухо-Маклаем и бесстрашным, справедливым Жаном Вальжаном и его преследователем Жавером. Я ненавидел Жавера всем сердцем, но, когда он, человек долга, поняв, что закон которому он служит, противоречит совести, покончил с собой, я стал его уважать”.

Книга „Отверженные” — для старшего возраста. Но что в том плохого, если я, прочитав ее раньше положенного, заплакал от жалости к сильному духом, но одинокому Жану Вальжану? И что плохого, если книгу А. Гайдара „Школа” я тоже прочитал очень рано?

Особое место в чтении занимали сказки. Мне кажется, я тогда перечитал их великое множество. Арабских сказок в библиотеке не было, и, чтобы их прочитать, вечером, когда приготовлены уроки, я шел в читальню. Приходил, брал книгу в темно-синем переплете, садился в кресло и обо всем забывал.

Но вот читальня закрывается, я неохотно расстаюсь с книгой: надо идти домой. На улице темно, и во всех углах чудятся страшные джины...

А назавтра опять бежишь в читальню и уносишься в добрый, но порой и страшный мир сказок. Они влекли происходящими в них чудесами, в них сталкивались добро и зло, и добро всегда побеждало.

Бедный, но добрый оказывался сильнее, чем богатый, но злой. Звери, птицы, даже деревья, если человек выручил их, помогали ему потом в беде. Тот, кого называли Иванушкой-дурачком, был на самом деле самым смелым и умным. Сказки учили, что смелость, верность и

доброта всегда вознаграждаются. „Сказка — ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок”.

Ничто не сможет заменить чтение книг: ни телевизор, ни кино, ни театр. Они могут его только дополнить».

Это так точно написано, такие хорошие мысли тут высказаны, что мне хотелось привести эту главу почти целиком. Любовь к книгам проходила через всю жизнь моего друга. Когда я побывал у него дома, я увидел не очень большую, но прекрасно подобранную библиотеку.

Не был мой друг ни знаменитым ученым, ни известным писателем. Но он был прекрасным — добрым, умным, отзывчивым человеком и неутомимым и благодарным читателем. Он умел не просто читать, а брать из книг все самое лучшее, доброе, светлое и следовать этому в жизни.

Повторю: настоящим читателям мало, что они прочитали хорошую книгу сами, им нужно эту радость разделить с другими людьми. Тому много примеров. Один из самых замечательных — *Антон Павлович Чехов* (1860—1904). Покинув Таганрог — город, в котором он родился, Чехов не забывал его. С болью в душе думал Чехов, как недостает этому городу образованных людей и культуры. Став писателем, Чехов начал посылать в Таганрогскую библиотеку книги. Свои собственные и других авторов. Он покупал их в Москве, в Петербурге, за границей. В его письмах то и дело встречаются такие строки, посвященные библиотеке: «Посылаю два ящика книг...»; «Посылаю кусочек справочного отдела»; «... Чтобы положить начало иностранному отделу библиотеки, я купил всех французских классических писателей»; «Посылаю Вам большой скоростью ящик с книгами. Там, т. е. в ящике, все, что вышло в последнее время о Белинском...»

Прекрасный писатель — поэт, критик, литературовед, автор многих детских книг — *Корней Иванович Чуковский* (1882—1969) в одной из книг с восхищением рассказал, сколько труда, сил, заботы и средств вложил Чехов в Таганрогскую библиотеку. Но Чуковский не только восхищался Чеховым. Он решил последовать его примеру. В подмосковном дачном поселке Переделкине, где Корней Иванович долгие годы жил и работал, он по соседству со своим домом построил детскую библиотеку, сам собрал для нее много книг, привлек к этому многих других писателей и художников. Это была чудесная библиотека, и больше чем библиотека! На ее стенах висели подаренные художниками иллюстрации к детским книгам и детские рисунки. Ребята со всей округи приходили сюда за книгами, а многие делали тут уроки. Часто к ребятам приходил Корней Иванович — читал свои и чужие стихи, рассказывал о книгах, отвечал на вопросы. Бывали здесь и другие писатели, художники, артисты.

Библиотека была невелика, очень уютна, приветлива. В нее было радостно приходить. Но почему я пишу все это в прошедшем времени? С детской библиотекой Чуковского стряслась беда. По чьей-то небрежности в ней ночью начался пожар, и библиотека сильно пострадала от

огня. Но память о ней жива. И я очень надеюсь, что она будет обязательно возрождена.

И наконец, самый свежий пример.

Несколько лет назад началось сотрудничество журнала «Дружба народов» со строителями Нурекской ГЭС. Редакция решила помочь библиотеке строительства собрать библиотеку современной литературы. Да не простую, а необыкновенную. Редакция обратилась с просьбой ко многим писателям, журналистам, общественным деятелям прислать свои книги для отправки их на строительство. С тех пор библиотека Нурекской ГЭС все время пополняется новинками с автографами их авторов — сердечными пожеланиями строителям. В журнале часто появляются сообщения о новых дарах, полученных библиотекой. Так постепенно складывается уникальное собрание книг — уникальное, потому что книга с дарственной надписью автора имеет для всякого книголюбца особую ценность. А журнал постоянно сообщает о том, как растет эта библиотека.

Вот несколько выписок из информационных заметок на эту тему.

«...Летом 1975 года, узнав о призыве редакции „Дружбы народов“ помочь жителям Нурека в создании библиотеки книг с дарственными надписями авторов и книголюбов, — пишет журналист Л. Терентьев, — члены действующего в Евпатории городского клуба любителей поэзии отправили небольшую посылку с книгами. Так завязалась переписка...

И вот я знакомлюсь с нурекской библиотекой. В ее фондах 60 тысяч книг. У нее 3600 читателей (с тех пор как это было написано, число книг и читателей увеличилось). Я узнал о встречах, которые проходили здесь с работниками журнала „Дружба народов“, с прозаиками и поэтами Мариэттой Шагинян, Евгением Евтушенко, Мирзо Турсун-заде, Саввой Дангуловым, Кайсыном Кулиевым, Юрием Рытхзу и многими другими.

Узнал подробнее и о том, что учреждена специальная литературная премия, которую присуждают строители Нурека за лучшие произведения, опубликованные в журнале. Такими лауреатами уже стали Константин Симонов, Савва Дангулов, Витаутас Жалакявичюс».

Другая информация сообщает: «В аннотации к книге Робера-Жана Лонге «Карл Маркс — мой прадед» (Париж, издательство «Сток», 1977) говорится:

„Робер-Жан Лонге — сын лидера социалистов Жана Лонге, адвоката, журналиста, парламентария, основателя ежедневной газеты «Ле Полюер», автора многочисленных работ по международному социализму, внук Женни Маркс и коммунара Шарля Лонге... Робер-Жан Лонге, старший из потомков основателя научного социализма, верный семейной традиции, своей научной, общественной и политической деятельностью может лучше, чем кто-либо другой, нарисовать живой образ своего прадеда и его семьи”».

Робер-Жан Лонге дарит свою книгу «Карл Маркс — мой прадед» нурекчанам с таким автографом: «Для интернациональной библиотеки

журнала "Дружба народов" на строительстве Нурекской ГЭС с самой братской дружбой».

Буклет «Добро пожаловать в Австрию!» посылают строителям Нурекской ГЭС активисты австро-советского и советско-австрийского обществ дружбы. На нем надпись: «Славным строителям Нурека от активистов австро-советского и советско-австрийского обществ» — и 27 автографов.

Книгу «Прага», выпущенную издательством «Олимпия» на русском языке, вручают нурекчанам сотрудники издательств «Лидове накладательства» и «Альбатрос», журналов «Литерарни месичник» и «Златы май». На ней надпись: «Библиотеке братского журнала „Дружба народов” в героическом Нуреке от пражан».

Кроме того, директор издательства «Лидове накладательства» Ян Новак посылает книгу «Прага в фотографиях», а главный редактор журнала «Златы май» Иржи Лопачек альбом «Пражские ведуты. Виды Праги XIX века».

Чешские писатели Дагмар Лхотова и Карел Зденек Слабы, а также художница Вера Фалтова передают в Нурек свою книгу для детей «Кот Вавжинец на воде и в воздухе».

И еще информация.

«В 1963 году Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР выпустило книгу первого нашего космонавта, Героя Советского Союза Юрия Гагарина „Дорога в космос”. Это, теперь уже редкое, издание дарят нурекчанам летчики-космонавты СССР. На книге надпись: „Библиотеке журнала „Дружба народов” на строительстве Нурекской ГЭС в память о дорогом нам Ю. А. Гагарине...” И автографы Бориса Волынова, Виктора Горбатко, Льва Демина, Павла Поповича, Алексея Леонова, Юрия Артюхина, Анатолия Филиппченко.

Дважды Герой Советского Союза Георгий Береговой посылает нурекчанам свою книгу «Небо начинается на земле» (М., Молодая гвардия, 1976) с автографом: «Славным строителям Нурека — друзьям журнала „Дружба народов” от автора с самыми горячими и добрыми пожеланиями...»

«Героическим труженикам Нурека — читателям уникальной библиотеки журнала „Дружба народов” ...» — такую надпись на своей книге «Самые первые» (М., Молодая гвардия, 1976) сделал Герой Советского Союза Георгий Шонин.

Каждая такая заметка кончается длинными списками книг, которые получила библиотека.

Так писатели, журналисты, общественные деятели, продолжая и развивая прекрасную традицию, помогают создавать библиотеки, расширять круг любителей книги, устанавливать новые связи между автором, книгой и читателем.

ГУТЕНБЕРГ

Открытие типографии в современном смысле слова принадлежит Иоганну Гутенбергу. Слово «типография» имеет два значения. Одно, более известное, с ударением на букве «а» — «типогра́фия», значит предприятие, где печатаются разные издания. Второе, менее известное, старинное и специальное, с ударением на втором «и» — «типогра́фия», значит способ печатания при помощи получения оттисков. Именно в этом смысле оно употреблено в словах Карамзина, которые стоят эпиграфом к первой главе этой книги. На это значение слова «типогра́фия» указывается в работе ленинградского историка книги Н. Варбанец «Пятьсот лет после Гутенберга». Вот этот способ печатать оттисками — типогра́фию, сохранившуюся во многих главнейших особенностях до нашего времени, и изобрел в XV веке Гутенберг. Его великое изобретение не принесло ему ни богатства, ни славы. Богатый компаньон, с которым он вступил в долю, чтобы достать деньги для работы над своим открытием, сумел выжить его из созданной им типографии, преследовал его судебными процессами, причинил ему много горя. Посмертная слава тоже не была справедлива к Гутен-

бергу. Его открытие долгое время приписывали другим людям. Понадобились упорные розыски историков, чтобы окончательно вернуть Гутенбергу честь изобретения книгопечатания.

Всякое сложное техническое новшество состоит из суммы изобретений. Для электрической лампочки накаливания нужно было подобрать нить, которая светилась бы, когда по ней проходит ток, но не перегорала при этом, придумать стеклянный баллон, из которого можно выкачать воздух, изобрести цоколь и патрон. А паровая машина с ее поршнем, золотниковым устройством, предохранителем для выпуска излишнего пара, шатуном, кривошипом и маховым колесом для преобразования поступательного движения во вращательное...

Недаром над многими техническими открытиями трудились многие поколения изобретателей.

Тем удивительнее открытие Гутенберга. Оно состоит из нескольких изобретений, и все принадлежат ему. Он был образованным в науках и сведущим во многих ремеслах: умел обращаться с металлами, был знаком с основами химии. Ему пришлось и ювелиром поработать, и гравером, и зеркалащиком. Свое великое открытие он обдумывал и осуществлял в течение десяти лет, не посвящая в него никого, кроме ближайших компаньонов.

Гутенберг придумал, как изготовлять металлические литеры — буквы для печатания, чтобы их было много и чтобы они были одинаковыми. Тут ему помогли навыки в граверном и ювелирном деле. Букву (в зеркально-перевернутом виде) он вырезал на конце стальной палочки так, что ее линии были выпуклыми. Такие палочки называются пунсонами. Пунсонами в те времена уже пользовались граверы по металлу и ювелиры. У них Гутенберг и позаимствовал это приспособление. Стальной пунсон с силой вдавливали в пластинку мягкого металла. Получался вдавленный рисунок буквы уже не в перевернутом, а в прямом виде. Такая пластинка называлась, да и называется сейчас, матрицей. Матрицу укрепляли на дне инструмента для отливки литер и наливали в него расплавленный металл. Когда металл остывал, из инструмента вынимали литеру с изображением буквы. Она выходила после от-

ливки снова выпуклой, в зеркально-перевернутом виде. Теперь ее достаточно, намазав краской, прижать к бумаге, чтобы на бумаге получился отпечаток буквы в прямом виде. Ясно? Наверное, не очень. Во всяком случае, с ходу не повторить. Можно представить себе, как трудно было вообразить себе все это, когда изобретение только забрезжило в воображении Гутенберга.

Но почему нельзя сразу вырезать буквы на стальных палочках в выпуклом и зеркально-перевернутом виде и печатать ими? Потому что для набора большого текста нужен большой запас литер. А сталь — материал неподатливый. Изготовить из нее много одинаковых литер трудно. Отливка литер в ручном словолитном инструменте и есть, как считают ученые, главное в открытии Гутенберга.

Но отдельными литерами ничего не напечатает. Гутенберг придумал, как составлять из них и скреплять строку набора, т. е. изобрел инструмент, который до сих пор, в основе своей не изменившись, применяется в тех типографиях, где сохранился ручной набор, — верстатку. Она похожа на длинную коробочку, открытый сверху пенал.

Гутенберг придумал, как соединять набранные строки в страницу, чтобы она не рассыпалась, когда ее переносят на печатный станок, усовершенствовал пресс, применявшийся для печати гравюр, и приспособил его для нужд типографии, придумал новый состав типографской краски. Она хорошо ложилась на печатную форму, давала черный оттиск, не смазывалась, быстро сохла, была стойкой. Шрифт книг, напечатанный краской, изготовленной по

рецепту Гутенберга, до сих пор удивляет сочностью и силой.

Чтобы все это придумать и осуществить, ушли годы. Вначале Гутенберг попробовал печатать издания несложные — календари и брошюры на злобу дня. Когда накопился опыт, Гутенберг решил напечатать Библию.

Знаменитая Библия Гутенберга дошла до нас в нескольких экземплярах. Она очень красива. У гутенберговской Библии одна важная особенность. Печатная, она стремится походить на рукописную. (Так первые автомобили подражали формам карет и колясок.) Печатным способом в ней изготовлялся только текст. Заголовки и узоры рисовались от руки красной и золотой краской. Тут заключено противоречие: печатание имеет задачей создание многих совершенно одинаковых изданий, но выполненные от руки украшения совершенно одинаковыми быть не могут. Действительно, все дошедшие до нас экземпляры первой Библии Гутенберга немного отличаются друг от друга. Задумано было его изобретение, чтобы сделать книгу более дешевой, чем рукописная. А издание всякой книги тем дешевле, чем больше ее тираж: первоначальные расходы раскладываются на большее число экземпляров.

Печатная Библия Гутенберга была еще очень дорогой. На нее требовалось очень много пергамента. Дорого стоила работа художников, которые рисовали украшения от руки. Гутенберг напечатал несколько десятков книг на пергаменте и понял, что, если будет продолжать это печатание, он разорится. Дальше он стал печатать на бумаге... Дороговизна пергамента задержала бы развитие печатания, но к этому времени была уже известна бумага.

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ

Книги... — духовные инструменты, а не предметы роскоши.

Поль Лафарг

 В прошлом веке в Англии и Германии получила большое распространение занимательная игра. Впрочем, пожалуй, это было нечто более серьезное, чем простая игра. Членам семьи и друзьям предлагались своеобразные анкеты. Ответы на вопросы можно было давать и серьезные и шуточные, но непременно краткие. Когда все анкеты оказывались заполненными, ответы читали вслух и обсуждали. При этом часто возникали оживленные споры. Занятие полезное и интересное. Им в прошлом веке увлекались, как позже кроссвордами и викторинами. Такая анкета попала и в семью Карла Маркса, и все члены семьи охотно и откровенно ответили на нее. Анкеты, заполненные Марксом и членами его семьи, сохранились. Обычно, когда пишут о Марксе, его анкету называют «Исповедью». На вопрос: «Ваше любимое занятие» Маркс ответил: «Рыться в книгах». (Любопытно, что, отвечая на тот же самый вопрос, жена Карла Маркса — Женни Маркс ответила: «Чтение».)

Воспоминания о Марксе, написанные его родными и друзьями, подтверждают эти слова. Через всю жизнь Маркса проходит горячее увлечение книгами. Оно было присуще и Фридриху Энгельсу, его соратнику и другу. Маркс и Энгельс читали бесконечно много. Прежде всего книги, которые были нужны им для их революционной и научной деятельности. Если вы раскроете указатели к томам собрания сочинений Маркса и Энгельса, вы увидите, сколько названий книг из самых разных областей знания, книг, написанных на разных языках, упоминают они в своих трудах.

Несмотря на поистине титанический труд, который и Марксу и Энгельсу приходилось совершать, чтобы создавать свои философские и политические сочинения, они оба постоянно и много читали художественную литературу. В письмах, которые они посылали друг другу, товарищам и друзьям, произведения художественной литературы не только часто упоминаются, но глубоко и подробно разбираются. В некоторых оценках звучит восхищение, в некоторых — гнев, в некоторых — весе-

лая насмешка, многие содержат серьезнейший анализ. Письма Маркса и Энгельса, посвященные литературе, например те, где они высказывают свое мнение о трагедии Ф. Лассаля «Франц фон Зиккинген», стали одной из важных разделов теории литературы.

Высказывания Маркса и Энгельса о художественной литературе собраны в книге: Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве, в 2-х т. (М., Искусство, 1976). К суждениям Маркса и Энгельса, включенным в эти сборники, постоянно обращаются все, кто изучает историю и теорию литературы и искусства, эстетику, историю культуры: научные работники, преподаватели, студенты, литераторы, да и вообще все те серьезные читатели, кто хочет узнать мысли основоположников научного социализма о творчестве поэтов, прозаиков, драматургов, художников, о проблемах искусства.

Школьникам эти книги целиком будут, пожалуй, трудноваты. Но некоторые высказывания — отрывки из трудов и писем Маркса и Энгельса, а также воспоминания близких и друзей, в которых много рассказывается о роли книги в их жизни, вы вполне можете прочитать уже сейчас.

Вот несколько примеров.

Немецкая писательница-романистка Минна Каутская прислала Энгельсу свой роман «Старые и новые». Она пыталась в нем выразить свои демократические убеждения. С большим сочувствием изобразила она трудную жизнь рабочих, с симпатией обрисовала главного героя Арнольда, который мечтает о преобразовании жизни. Однако, несмотря на благородные побуждения, роман получился слабым. В нем многое провозглашалось, а не показывалось, характеры героев были неубедительными. Роман Каутской был бы, наверное, давно забыт, если бы не письмо Энгельса. Он внимательно прочитал книгу и в частном письме высказал такие глубокие мысли по этому поводу, что сейчас письмо Энгельса Минне Каутской неизменно упоминается и цитируется, когда речь идет о теории прогрессивного, реалистического искусства. Вот важнейшее место из этого письма: «... и тут надо сказать об Арнольде. В самом деле, он слишком безупречен, а если он, в конце концов, и погибает при горном обвале, то примирить это с поэтической справедливостью можно, разве лишь сказав: он был слишком хорош для этого мира. Но автору никогда не следует восторгаться своим собственным героем...» Очень важная мысль! Такую ошибку допускают многие литераторы, особенно молодые и начинающие. Они начинают «подыгрывать» любимому герою, а его противников принижать. Читатель воспринимает это как фальшь. Вера в произведение ослабевает. Дальше Энгельс пишет о том, что этот недостаток романа Минны Каутской связан с более глубокой ошибкой: она не столько заставляет ощутить свои взгляды на основании того, как изображает жизнь, сколько провозглашает эти взгляды. Ее идеи не обретают художественной формы. Кроме того, автор под-

гоняет время: противоречия, которые может решить только будущее, он изображает уже разрешенными.

Вот что пишет об этом Энгельс:

«Причины этого недостатка заметны, впрочем, в самом романе. Очевидно, Вы испытывали потребность публично заявить в этой книге о своих убеждениях, засвидетельствовать их перед всем миром. Это уже сделано, уже осталось позади, и в такой форме Вам незачем повторять этого. Я ни в коем случае не противник тенденциозной поэзии как таковой. Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами, точно так же и Данте, и Сервантес, а главное достоинство „Коварства и любви“ Шиллера состоит в том, что это — первая немецкая политически тенденциозная драма. Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все тенденциозны. Но я думаю, что тенденция должна сама по себе вытекать из обстановки и действия, ее не следует особо подчеркивать, и писатель не обязан преподносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов».

В этом письме все интересно. Энгельсу мало просто прочитать книгу, а прочитав, ограничиться короткой фразой: «понравилась», «не понравилась». Он по частному, не очень значительному поводу пишет письмо, полное глубоких мыслей о природе реалистического искусства. И еще одно: роман Минны Каутской Энгельсу не понравился. Но он, выражая свое несогласие с ним, высказывается с уважением к автору, отмечает в начале письма сильные стороны книги, открывает перед автором перспективу, направление, по которому ему стоит идти в дальнейшей работе.

Думается, что особенно интересно вам будет прочитать высказывания Маркса и Энгельса о русской литературе. Вот замечательные слова Энгельса о первооснове литературы — языке: «Знание русского языка, — языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы, — теперь уж не такая редкость, по крайней мере среди немецких социал-демократов».

Чтобы так оценить русский язык, надо было быть внимательным читателем русских книг.

Маркс и Энгельс в своих сочинениях и письмах ссылаются на «Слово о полку Игореве», на Державина, на Пушкина, с любовью пишут о Чернышевском и Добролюбове.

Маркс и Энгельс заботились о чтении младшего поколения семьи Марксов. Энгельс, который был дружен со всеми ее членами, особенно с дочкой Маркса Элеонорой, подробно пишет Марксу, какие книги он посоветовал девочке. В этих письмах он упоминает древнегерманский эпос «Младшую Эдду», пьесу Гёте «Гёц фон Берлихинген», стихи персидского поэта Фирдоуси в переложении на немецкий язык. И «Младшая Эдда», и «Гёц фон Берлихинген», и стихи Фирдоуси — вещи заме-

чательные, но нелегкие. Видно, Энгельс считал: серьезное чтение надо начинать смолоду. Маркс, который узнавал из этих писем, какие книги его друг советует дочери, благодарил за эти рекомендации, не считая их преждевременными.

О том, какое место в жизни Маркса занимали книги, писал его младший друг и последователь Поль Лафарг. Он сказал о Марксе так: «Книги для него были духовными инструментами, а не предметами роскоши».

Лафарг рассказывает о некоторых поучительных особенностях чтения Маркса. Маркс знал несколько языков и постоянно стремился расширить свои познания в этой области. Маркс учил наизусть стихи на языках, которые хотел выучить. Этот пример стоит взять на заметку! Стихотворный текст запоминается легче, чем прозаический. Закрепившись в памяти, он позволяет запомнить не отдельные слова чужого языка, а группу слов, целые конструкции. Следуя примеру Маркса, стоит сделать книги со стихами на изучаемом языке своим постоянным пособием.

Вот что однажды написал Маркс: «В свободные часы я занимаюсь теперь испанским языком. Начал с Кальдерона... Теперь всю читаю „Дон-Кихота”». Так и чувствуешь по этому и другим упоминаниям о том, как изучал Маркс языки, что он делал это с удовольствием. Брал прекрасные книги, совсем нелегкие, и через них шел к овладению языком.

Заучивание стихов для Маркса было не только средством изучения иностранного языка. Оно доставляло ему непосредственное удовольствие.

Отвечая на вопрос анкеты о любимом поэте, Маркс назвал древнегреческого драматурга Эсхила, Шекспира и Гёте. Произведения Эсхила он перечитывал каждый год. Это тоже характерная черта настоящего книгочеловека: читать множество разнообразных книг, но постоянно перечитывать любимые. Можно предположить, что особенно близка Марксу была трагедия Эсхила о Прометее. Свою докторскую диссертацию Маркс закончил такими словами: «Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре». Маркс и его близкие высоко чтили Шекспира и Гёте.

Маркс очень любил двух поэтов, отделенных друг от друга долгими веками, — Данте и Бёрнса. Любил Маркс читать романы, которые дают широкую картину жизни общества. Выше всех других романистов он ставил Сервантеса и Бальзака.

В семье Маркса существовал прекрасный обычай чтения вслух. Его дочь Элеонора Маркс-Эвелинг вспоминает: «Мавр (домашнее прозвище Маркса. — С.Л.) имел также обыкновение читать своим детям вслух». Но в семье Маркса читали вслух не только детям. Взрослые тоже читали друг другу вслух из тех книг, которые особенно интересовали семью и круг ее друзей. Франциска Кугельман, хорошо знавшая Маркса, писала: «Не только в области науки и изобразительного искусства, но и в

области поэзии у Маркса был тончайший вкус, его начитанность и память были одинаково поразительны).

С особенным интересом узнаем мы из этих и других воспоминаний, что Маркс высоко ценил Тургенева и Лермонтова.

Энгельс хорошо знал «Евгения Онегина», а некоторые строфы из этого романа Пушкина цитировал на память. Здесь приведена лишь малая часть того, что можно сказать о Марксе и Энгельсе как о читателях. Если вы захотите узнать об этом подробнее, обратитесь к интереснейшей книге «Воспоминания о Марксе и Энгельсе».

Скажу об одной особенности их научного и литературного творчества. На них, несомненно, оказало большое влияние то, что оба были неутомимыми и внимательными читателями художественной литературы. Стиль сочинений Маркса и Энгельса соединяет научную точность и яркую образность. Это особенно ясно, когда читаешь написанный ими «Манифест Коммунистической партии». Он, как вы помните, начинается символической метафорой, которая стала крылатым выражением: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Перевод передает не только смысл этих слов, но и их ритм. Могучий ритм, который сродни поэзии и высокой ораторской речи, проходит через весь «Манифест...». У публицистической прозы Маркса и Энгельса — поэтическое дыхание. Она красочна. На ее примере можно изучать самые различные стилистические приемы. В прозе «Манифеста...» много точных эпитетов, метких сравнений, запоминающихся метафор. В ней широко применяются приемы художественной организации прозы — так называемые фигуры — эмоциональные восклицания и риторические вопросы, анафоры, то есть одинаковые начала фраз, нарастающие паузы. И все эти фигуры — не внешние украшения мысли, а средства для всестороннего выражения ее сути.

Вот один пример. В главе «Социалистическая и коммунистическая литературы» Маркс и Энгельс хотели сказать, что феодальной аристократии, которая боролась против буржуазии с позиций реакционных, удавалось на время убедить пролетариат, что она сочувствует его лишениям, и даже увлечь его за собой. Но пролетариат понимал, что аристократия преследует свои собственные цели, и отворачивался от нее.

Все сказанное понятно. Но в такой форме вряд ли произведет сильное впечатление, вряд ли запомнится. А вот как эту мысль выразили авторы «Манифеста Коммунистической партии»: «Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собой народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее задку старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом».

Как коротко и как выразительно! Найден убийственный для «аристократического социализма» — образ, забыть который невозможно! Сатирическая метафора — средство языка художественного — работает здесь,

как меткое и могучее орудие мысли. Недаром Маркс и Энгельс были внимательными читателями великих сатириков — Аристофана, Вольтера, Гейне, Свифта.

Художественный образ как средство точного и яркого выражения мысли присутствует в самых серьезных научных работах Маркса и Энгельса — в «Диалектике природы», в «Анти-Дюринге», в «Капитале».

Неслучайно известный немецкий марксист — публицист и литературный критик — Франц Меринг написал специальную работу «Литературный образ у Карла Маркса». Он писал в ней: «У Маркса образность никогда не служит украшением, чистым орнаментом речи. Образность, которой владеет Маркс, есть действительная мать мысли, вдохнувшая в свое детище живой дух».

Стиль Маркса и Энгельса показывает, сколь внимательными читателями они были, как изучили, усвоили и творчески переработали приемы классической художественной литературы и публицистики. А содержание их книг — свидетельство чтения творческого, критического, сопровождающегося постоянной оценкой, осмыслением прочитанного.

* * *

Владимир Ильич Ленин, последователь и продолжатель дела Маркса и Энгельса, был, подобно им, неутомимым книголюбом. Любовь к книге проходит через всю его жизнь.

Надежда Константиновна Крупская в своих замечательных воспоминаниях о Владимире Ильиче рассказывает с его слов, что в старших классах гимназии молодой Ленин массу времени употребил на чтение Тургенева, что он хорошо знал Пушкина, Гоголя, Некрасова, Л. Толстого и Салтыкова-Щедрина, постоянно читал Белинского, Добролюбова, Герцена, Чернышевского. Он глубоко воспринимал судьбы героев, созданные этими писателями, размышлял над их мыслями, учился у великих писателей языку.

Совсем молодым человеком — Ленину было тогда всего семнадцать лет — он был выслан из Казани в деревню Кокушкино. Время это Ленин вспоминал впоследствии как время увлеченного и напряженного чтения. «Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра и до позднего часа».

Несколько раз перечитал он роман Чернышевского «Что делать?», который прошел сквозь всю его жизнь как одна из любимейших книг. Недаром одну из своих важнейших работ Ленин назвал так же, как Чернышевский свой роман: «Что делать?».

Есть читатели, которые в молодости читают много, а потом отстают от этого занятия: работа, заботы, семья. Владимир Ильич сохранил верность книге во всех условиях и при любых обстоятельствах.

Когда Владимира Ильича сослали в Шушенское, он по дороге туда провел некоторое время в Красноярске. Здесь была замечательная по тем временам библиотека, собранная купцом Г. В. Юдиным. В ней насчитывалось свыше 100 000 томов. Владимир Ильич с увлечением работал в этой библиотеке. Во время ссылки он перечитал русских классиков. В альбоме, где были собраны фотографии дорогих ему лиц, рядом с фотографиями Маркса и Энгельса были помещены фотографии Чернышевского, Писарева, Герцена, Золя. Золя привлек его не только как писатель, но и как мужественный общественный деятель, смело выступивший против французских реакционеров.

Рассказывая о привычках Ленина, как читателя, Надежда Константиновна говорила, что он по вечерам читал книги по философии, а когда очень устал, — художественную литературу.

Откуда бы ни писал Ленин письма родным и близким — из ссылки или из эмиграции, — в них очень часто идет речь о том, как велик соблазн потратить свои скромные деньги на книги. Он постоянно делится своими впечатлениями о прочитанном. Тема книг и чтения — одна из самых постоянных в его переписке.

В мае 1897 года Владимир Ильич пишет из ссылки своей старшей сестре, Анне Ильиничне: «...Из новых книг посылай мне прямо особенно интересное, чтобы мне получать скорее и не очень отставать».

Можно нанести на карту маршрут поездок В. И. Ленина по России и Европе и, глядя на него, с достаточной степенью уверенности сказать, в каких библиотеках Владимир Ильич бывал и работал. Исследователь Ю. Шарапов, автор содержательной книги «Ленин, как читатель», пишет: «В. И. Ленину довелось жить более чем в 200 городах и населенных пунктах России и за рубежом, и всюду он находил время и возможность работать в библиотеках».

Исследователь приглашает читателя побывать в части этих библиотек — в библиотеке Симбирска (ныне Ульяновска), Казанского университета, в Петербургской академической, в библиотеке Румянцевского музея, в Национальной библиотеке Англии, в библиотеке Британского музея, в библиотеках швейцарских городов Цюриха, Лозанны, Женевы, в Национальной библиотеке Франции — в Париже. Во всех этих и многих-многих других библиотеках работал Ленин. И все это в условиях ссылки или эмиграции, во время напряженной революционной деятельности. Ю. Шарапов, изучив богатейший материал, написал своего рода путеводитель по библиотекам, где работал Ленин. Он вдвойне интересен. И потому, что характеризует эти библиотеки, и главным образом потому, что помогает нам представить, какие именно книги брал в них Ленин, как работал с ними.

Зимой 1904 года Ленин посоветовал организаторам библиотеки и архива ЦК РСДРП создать отдел художественной литературы и сам составил список авторов, чьи книги должны непременно войти в него.

Это Белинский, Герцен, Гоголь, Горький, Грибоедов, Короленко, Лермонтов, Некрасов, Огарев, Писарев, Пушкин, Толстой, Успенский, Салтыков-Щедрин и др.

Ленин не разлучался с книгами даже в самое трудное, самое напряженное время. Незадолго до Октябрьского вооруженного восстания Владимир Ильич скрывался на квартире у М. В. Фофановой. И в эти дни он много читал. О том, что именно читал Владимир Ильич, когда жил у Маргариты Васильевны — это были в основном книги по сельскому хозяйству, — она написала в своих воспоминаниях. Они напечатаны в книге: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания 1900—1922 гг. М., Политиздат, 1963. (Воспоминания М. В. Фофановой публиковались и в других изданиях.)

После победы Великой Октябрьской социалистической революции и переезда Советского правительства в Москву в кабинете Ленина в Кремле постепенно собирается большая библиотека. Она насчитывала 10 000 книг, брошюр, журналов и других печатных изданий. Среди них было много книг на иностранных языках, на которых Ленин свободно читал.

Его библиотека состояла из трудов Маркса и Энгельса, работ революционных и политических деятелей разных стран и времен, книг по философии, истории, политической экономии и экономике России, технике, естествознанию, по вопросам искусства. Широко была представлена в ней и художественная литература.

В кремлевской библиотеке Ленина все было самым целесообразным образом приспособлено для работы с книгами и другими печатными изданиями. То, что бывает нужно часто, — справочники, словари, атласы — находилось в рабочем кабинете Ленина. Рядом с его письменным столом стояли удобные полки-вертушки для книг, которые нужны каждую минуту. На вертушках можно разместить много книг, и любая тут же оказывается под рукой — достаточно повернуть вращающуюся полку. На подставке лежали комплекты газет.

Другие книги стояли в шкафах специальной комнаты — библиотеки. Книг много. В книгах — закладки, листочки с выписками, пометки в тексте и на полях. Все это показывает, что книги были всегда в работе, что Ленин читал активно, а подбор книг в его библиотеке свидетельствует об энциклопедической широте интересов. Тот, кто хочет представить себе, хотя бы в общих чертах, библиотеку Ленина, может обратиться к прекрасному изданию: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., Политиздат, 1961.

Вот неполный список произведений русской художественной литературы в библиотеке Ленина. Здесь Пушкин (в нескольких разных изданиях), Лермонтов, Гоголь, Грибоедов, Гончаров, Тургенев, Лев Толстой, Щедрин, Чехов, Горький, Блок, Брюсов, Маяковский, Тихонов, Эренбург, Демьян Бедный.

Владимир Ильич был не только сам неутомимым читателем, он постоянно заботился о том, чтобы приобщить к чтению и обеспечить книгами как можно больше граждан молодой Страны Советов. Недаром спустя короткое время после Октябрьской революции по указанию Ленина создается Государственное издательство. «Поскорей надо сделать книгу доступной массам!» — говорит В. И. Ленин. Многие документы того времени показывают, как он среди своих многосложных обязанностей находил время, чтобы позаботиться о библиотеках.

После революции на посту Председателя Совета Народных Комиссаров Ленин был так загружен, что работать в библиотеках уже не мог. Сохранился интересный документ, который показывает, как велико было уважение Владимира Ильича к порядку Большой библиотеки и нуждам ее читателей. Однажды ему понадобились для работы разные словари и книги по философии. Он обратился в библиотеку Румянцевского музея (ныне Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина) с просьбой, чтобы ему были на время предоставлены необходимые книги. Записка заканчивалась так: «Если, по правилам, справочные издания не выдаются на дом, то нельзя ли получить на вечер, на ночь, когда библиотека закрыта. **В е р н у к у т р у**».

Вы непременно со временем будете изучать одну из главных работ В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». В основе этого сочинения лежит огромный труд! Сохранились конспекты, в которых запечатлена подготовка В. И. Ленина к написанию этой книги. Они известны под названием «Тетради по империализму». В «Тетрадах...» — выписки из множества книг (в том числе на немецком, французском, английском), огромного числа статей из различных журналов и газет на разных языках. В перечне использованной литературы все интересно: широта изучаемого материала и его разнообразие, чтение на разных языках, тщательность выписок, умение выбрать из источников главное. Все это — свидетельства упорнейшей работы с книгой.

Один из сподвижников Ленина — В. Д. Бонч-Бруевич рассказывает в своих воспоминаниях, что Владимир Ильич обладал громадными познаниями в области художественной литературы. Вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, со слов Ленина, о том, что ему хотелось написать подробный разбор некоторых рассказов Тургенева. Разбора этого из-за своей занятости Ленин не написал, но ссылался он на произведения Тургенева очень часто. Любил Владимир Ильич цитировать Салтыкова-Щедрина и Некрасова, а строки из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» поставил эпиграфом к одной из своих статей.

Читать книги можно по-разному. Сестра Ленина — Мария Ильинична Ульянова вспоминала: «Он умел не только читать книги, он умел изучать их».

Ленин высоко чтит творчество Л. Н. Толстого, внимательно читал его произведения, изучал его взгляды. Он посвятил анализу художест-

венного творчества и мировоззрения Толстого несколько специальных работ, показав в них, как книги Толстого связаны с эпохой приближающейся революции, в чем их величие и сила, какое значение имеют они для русской и мировой литературы, для рабочего движения, для пролетариата. И вместе с тем он показал, как глубоки были противоречия во взглядах Толстого, сколь серьезны его заблуждения и чем вызваны эти противоречия и заблуждения.

Сохранились ленинские суждения о Толстом и в его письмах, и в воспоминаниях современников, например у Горького. Горький в очерке «В. И. Ленин» вспоминал:

«Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том „Войны и мира“».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было».

Если собрать все, что написано Лениным о Толстом, получится большая по объему книга, «томов премногих тяжелей». Она написана просто, сильно, убедительно, страстно.

Изучая творчество Толстого, вы познакомитесь с ленинскими работами о нем и почувствуете одну из важнейших особенностей отношения Ленина-читателя к книге. В прочитанном он всегда стремится дойти до самой сути, рассмотреть эту суть с позиций истории, жизни, революционной борьбы и истолковать эту суть широкому читателю. Его чтение — это всегда обдумывание, осмысление, оценка...

Надежда Константиновна Крупская вспоминала, что Владимир Ильич «читал чрезвычайно быстро». Это понятно — сочинения Ленина содержат постоянные ссылки на такое множество прочитанных книг, что ему необходим был навык быстрого чтения. О том, в какой степени он владел этим навыком, рассказывает Бонч-Бруевич: «Читал Владимир Ильич совершенно по-особому. Когда я видел читающего Ленина, мне казалось, что он не прочитывает строку за строкой, а смотрит страницу за страницей и быстро усваивает все поразительно глубоко и точно; через некоторое время он цитировал на память отдельные фразы и периоды, как будто он долго и специально изучал только что прочитанное».

Темы «Ленин и книга», «Ленин-читатель» неисчерпаемы.

Книги, где вы, заинтересовавшись этими вопросами, можете узнать о них больше, указаны в списке литературы.

ПОЯВЛЕНИЕ БУМАГИ

Бумага — изобретение китайское. Появилась она здесь, по-видимому, во II веке. Делали ее из обрывков шелка, тряпок, отслуживших рыболовных сетей, древесной коры. Все это измельчали и перемешивали с водой, получалась однородная каша. Ее наливали тонким слоем на тонкую сеть из бамбука, вода утекала, на сите образовывался тонкий слой бумажной массы — будущий бумажный лист. Его сушили и проклеивали. Вот основа производства бумаги, сохранившаяся до сих пор. То, что делалось когда-то вручную, делают теперь огромные сложные машины, да сырьем для обычной бумаги служит не тряпье (оно идет теперь только на самые хорошие сорта), а древесина.

Из Китая бумага начала двигаться в Корею и Японию, потом в арабские страны и, наконец, в Европу, завоевывая страну за страной. Ученые подсчитали скорость этого мирного «завоевательного» похода — примерно тысяча километров за сто лет! В VIII веке бумажные фабрики открылись в городах, находившихся под властью арабов, — Багдаде и Дамаске. Арабы изготовляли бумагу из старых пеньковых канатов. Из Дамаска ее привозили купцы на европейские рынки. В IX веке бумага добралась до Египта, и папирус не выдержал конкуренции с ней. Ввозили в Европу бумагу и из средне-азиатского города Самарканда, но привозная бумага стоила дорого. Предприимчивые люди с немалым риском для себя проникали на бумажные фабрики стран Востока и выведывали секреты ее изготовления. В XII веке бумагу начали делать в Испании, а затем и в других странах Европы.

Особенно развилось бумажное производство в Италии. А в середине XIII века город Фабриано стал его центром. Здесь построили мастерскую для изготовления бумаги, машины, которые приводились в действие водяным колесом, применили металлическую сетку для отливки листов и стали проклеивать бумагу, чтобы чернила на ней не расплывались.

Первое время к ней относились с недоверием: короли приказывали, например, не писать важных документов на бумаге, а исключительно на пергаменте. Действительно, рукописи и книги, написанные на старинной тряпичной бумаге, сохранились прекрасно. Но постепенно бумага доказала свою надежность.

К XV веку, когда Гутенберг изобрел свой способ печатания, бумага уже прочно утвердилась в Европе. Это сыграло решающую роль в распространении его открытия.

УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ЧИТАТЬ?

Есть книги, которые надо только отведасть,
есть такие, которые лучше всего проглотить,
и лишь немногие стоит разжевать и переварить.

Фрэнсис Бэкон

Умеете ли вы читать? — спрашиваю я. И мысленно слышу удивленный ответ:

— Да как вам могло прийти в голову спросить такое? Вопрос не так неуместен, как кажется. Сейчас попробую

объяснить почему.

Однажды в редакции, где я работал, появился новый заведующий. Слухи о нем ходили разные. Мой товарищ был вызван к нему первым. Вернулся он расстроенный.

— Плохо дело, — сказал он. — Когда читает, шевелит губами.

Мы ужаснулись.

«Когда читает, шевелит губами!» Значит, он за всю жизнь не приобрел навыков беглого чтения про себя. Значит, все, что читает, беззвучно проговаривает. Значит, читает про себя с той же скоростью, как вслух: тридцать страниц на машинке в час, не больше. Для работы в редакции, где каждая минута на счету, такой темп немыслим! Выходит, он всегда читал медленно и за свою жизнь успел прочитать немного. Такой способ чтения позволял судить не только о темпах работы, но и о багаже знаний. Багаж, действительно, оказался невелик.

— Разве он виноват, что читает так? — сердобольно сказал кто-то.

После недолгого спора мы пришли к выводу — виноват! Так же, как любой специалист, который пишет с ошибками.

В 20-е годы образование смогли получить люди, поздно научившиеся грамоте. Они приходили в техникумы и институты с фронтов гражданской войны. Аудитории рабфаков заполняли взрослые ученики, которым нужно было начинать с азов. Тогда можно было понять, что некоторые из них не сразу овладели навыками быстрого чтения. Привычка шевелить губами при чтении про себя сохранялась надолго и, даже преодоленная, иногда снова проскакивала, напоминая о трудном пути к образованию, пройденном таким человеком.

Но наш новый коллега имел все возможности, чтобы научиться правильно читать про себя. Хирург бесконечно учится завязывать узлы,

музыкант бесконечно играет упражнения, актер бесконечно занимается техникой движения и речи. Человек любой профессии, если он относится к ней серьезно, отрабатывает необходимые навыки до полного автоматизма.

Когда читает журналист в профессиональном темпе, кажется, что он скользит глазами по статье. Но это не мешает ему заметить ошибку, поставить знак вопроса против неудачного слова, зачеркнуть лишнюю запятую. Он может читать и медленно, если это надо, и совсем медленно, и довольно быстро, и очень быстро. Скорость чтения он выбирает, как мастер выбирает инструмент.

Умение выбирать и менять скорость чтения — один из важных навыков умственного труда и необходимое условие работы с книгой. Поговорим о разных сторонах этого умения.

Лет в тринадцать я решил сосчитать, сколько книг успею прочитать за всю свою жизнь, если буду прочитывать каждый день по книге. Книга в день — это очень много. Приняв такое условие задачи, я помножил 365 дней в году на число лет, которое я, как мне казалось в тринадцать лет, проживу непременно.

Прибавил по одной книге на каждый високосный год. Подсчет был скоро закончен. Я ужаснулся не краткости человеческой жизни, выраженной в днях, а незначительному, как мне казалось, числу книг, которые я успею прочитать, если проживу лет до семидесяти.

Вы можете сами сделать такой подсчет и убедитесь: итоговое число невелико. А ведь есть такие книги, что их нужно считать не за одну, а за две, а то и за три; есть книги, которые читаешь по нескольку раз.

Словом, увидев результат, я огорчился. Но тут мне попала в руки биография английского ученого-историка Бокля. В ней меня больше всего поразила одна фраза. «Бокль читал книги с такой скоростью, с какой другие люди их просматривают, а просматривал — с какой другие их перелистывают».

Но как? Секрет в краткой биографии не раскрывался. Я стал спрашивать взрослых, они понятия об этом не имели. Стал искать ответа в других книгах — не нашел. Стал спрашивать у библиотекарей: можно ли научиться читать, как Бокль?

Не помню, открыл мне кто-то этот секрет или я сам нашел разгадку скорого чтения. Я рассуждал так: если можно научиться читать слово не по буквам и не по слогам, а все слово целиком и сразу, то можно научиться читать и строки не по словам, а целиком.

Ведь когда я смотрю на письменный стол, за которым работаю, я вижу не отдельно чернильницу, стаканчик с карандашами, календарь, глобус, а все предметы сразу. Если глаза видят сразу несколько предметов, почему бы им не увидеть целую строку? Например: «На столе лежит книга, стоит чернильница, стаканчик с карандашами и глобус». Тренироваться можно где угодно. Едешь в трамвае, автобусе или троллейбусе —

открывая и закрывая глаза, стараясь взглядом охватить за секунду все, что написано на афише, мимо которой проезжаешь, все вывески, которые висят на домах.

Я так и тренировался до тех пор, пока кто-нибудь не говорил: «Ты чего гримасничаешь?»

А я продолжал тренироваться дома. Для этого я вырезал в картоне щелочку, которая открывала одну строку целиком и быстро продвигал этот кусок картона по странице, сверху вниз, на миг открывая строку за строкой, стараясь охватить и запомнить целые строки. Потом я сделал щелку для двух, потом для трех строк. Более трех строк сразу мне никогда схватить не удавалось. Не удастся и сейчас.

Через некоторое время я научился читать с такой скоростью, что мог показывать фокус, — я и теперь его иногда показываю — на секунду раскрыв книгу, захлопываю ее и повторяю две, три строки, которые сразу «сфотографировал» глаз, а я запомнил.

Позже мне кто-то объяснил, что это немного напоминает чтение нот дирижером, перед которым лежит партитура. Он не может читать отдельно партию духовых, отдельно партию смычковых, отдельно партию ударных, а должен видеть всю страницу партитуры — сверху донизу. И хотя я понимал, что это не то же самое, я стал называть свой способ чтения «партитурным».

Дома ворчали: «Партитурный, партитурный... А что ты вычитал и что запомнил в книге, если тебе дали ее три часа назад, а ты ее уже прочитал?» И я с наслаждением подвергался проверке:

Правда, один раз получился конфуз там, где я меньше всего хотел оконфузиться. Я был в гостях у Константина Георгиевича Паустовского.

— Про тебя рассказывают, что ты книги моментально читаешь? — недоверчиво сказал он.

— Не моментально, но быстро, — ответил я. И вызвался:

— Могу показать. Дайте мне, пожалуйста, какую-нибудь книгу, которую я не читал.

Паустовский протянул мне книгу. Я на мгновение раскрыл ее и выпалил две строки.

На лице Константина Георгиевича появилось не удивление, которого я ожидал, а такое выражение лица, какого я у него не видывал.

— Продолжай! — сказал он. Я не уловил, что приглашение его звучит довольно мрачно, и показал второй номер программы...

Я стал быстро перелистывать книгу, задерживаясь на каждой странице на несколько секунд — этого недостаточно, чтобы самым ускоренным способом прочесть всю страницу, но вполне достаточно, чтобы в общих чертах уловить, где происходит действие, кто в нем участвует. Не прошло и десяти минут, как я захлопнул книгу и сказал:

— Готово!

— Что именно готово? — осведомился Константин Георгиевич.

— Могу рассказать про эту книгу.

Как же неудачно получилось! Повесть, которую я так стремительно перелистал, была новая повесть Паустовского. Я почувствовал в ее стиле черты сходства с его другими произведениями, но в спешке не обратил внимания. Константин Георгиевич потратил на повесть немало труда. А я изложил ее суть, стремительно перелистав книгу. Что было особенно скверно: некоторые друзья Константина Георгиевича, чьим мнением он дорожил, считали эту повесть слабой. В моем упрощенном пересказе недостатки повести выявились особенно.

— Ужасно! — сказал Паустовский.

Я не понял, к чему это относилось, но догадался, что задавать вопросов Константину Георгиевичу не следует, и с тех пор я никогда не демонстрирую фокусов скорочтения авторам на их книгах.

Однако метод скорочтения нужен не для фокусов, а для дел серьезных. В жизни мне очень пригодился навык быстрого чтения и мгновенного запоминания. В студенческие годы, когда следовало прочесть горы книг. В годы войны, когда я учился на военного переводчика, учил других и сам работал переводчиком на фронте.

Обычно, когда я рассказываю о скорочтении читателям, мне задают вопросы, которые я знаю наперед.

«С какой скоростью вы читаете, когда читаете быстро?» Единого ответа на этот вопрос нет. Он зависит от времени дня. От освещения, от характера текста, от формата книги, от набора и шрифта. Двухколонный набор для скорочтения менее удобен, чем одноколонный. Во всяком случае для меня. Совершенно не могу применять способ скорочтения к журналам, где текст напечатан не черным по белому, а белым по черному.

Второй неперемный вопрос: «Получаете ли вы удовольствие от быстрого чтения?»

Я отвечаю так: профессионально работая с книгой, читаешь не только для удовольствия. Медленное чтение, когда читаешь прекрасно написанную книгу, — радость. Медленное чтение, когда читаешь очень трудную книгу или книгу, относящуюся к незнакомой области знания, — необходимость. (Но и тут «медленность» может быть относительной.) Лишним мне кажется медленное чтение, когда речь идет о горах книг, которые нужно прочитать, чтобы установить, что в них заслуживает и заслуживает ли вообще медленного чтения, или когда нужно лишь освежить в памяти уже читанное. Словом, быстрое чтение необходимо для вспомогательных, информационных целей. Удовольствие оно доставляет, как всякая работа, если она ладится.

Третий традиционный вопрос: «Как научиться скорочтению?»

Раньше, когда мне задавали этот вопрос, я попадал в затруднительное положение. Существовало много способов ускорить записывание — от печатания на машинке и стенографирования до работы с диктофоном. Было легко посоветовать, где и как научиться им. Но быстрому чтению

тогда еще не учили нигде. С тех пор положение это изменилось. Скорочтением заинтересовались многие. Появились первые работы, в которых излагается и теория, и практика скорочтения, или динамического чтения, как его иначе называют. В этих статьях, например в статье В. Истомина «Вслух или с выражением...» (журнал «В мире книг»), рассказывается о знаменитых людях, читавших очень быстро: о Пушкине, Чернышевском, Руссо, Балзаке, Горьком. Знаменитый русский просветитель и пропагандист книги Н. А. Рубакин прочитал за свою жизнь более 200 000 книг, на многие из них написал рецензии, составил аннотации и рефераты, так что без скорочтения обойтись не мог. Но ни он, ни Руссо, ни Бокль, ни Наполеон, ни другие «скорочтецы» не объяснили, как они это делают. Научное исследование этих способов началось сравнительно недавно. И как часто бывает, началось с удивления. Дело было в Америке. Некая учительница хотела получить отзыв на свою научную работу известного ученого. Тот едва пробежал по рукописи глазами и отложил ее в сторону. Сердце посетительницы упало — профессор явно не проявляет к ее сочинению никакого интереса! Но, закончив стремительное перелистывание, профессор подробно и убедительно объяснил взволнованному автору, в чем достоинства и недостатки ее работы. Она могла бы обидеться, но она поступила иначе: вначале удивилась, потом решила изучить то, что вызвало ее удивление. Она проанализировала способ чтения профессора, который так поразил ее, а потом разузнала, как читают пятьдесят других человек, которые делают это во много раз быстрее, чем другие читатели. Учительница оказалась не только наблюдательной и дотошной, но и очень деловой. Вскоре она открыла учебное заведение, в котором за плату стала обучать скорочтению. Были созданы курсы по скорочтению и в нескольких университетах.

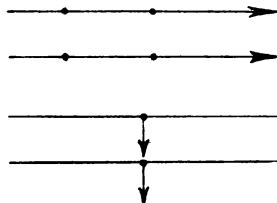
В Советском Союзе проблемами скорочтения начали заниматься лет пятнадцать назад. Сейчас появились кружки, где обучают скорочтению. В них применяют разные способы. Некоторым ученикам просто объясняли, чем скорочтение отличается от чтения обычного. Одного объяснения, как этого добиться, части учеников было достаточно для успеха. Другие учили при помощи системы упражнений и даже применяя специальные аппараты, первоначально изобретенные для опытов по изучению психологии чтения.

Эти аппараты, насколько мне известно, при обучении скорочтению теперь употребляются редко. Они меняют привычную обстановку и условия чтения. Их с собой носить не станешь. А главное в тренировке скорочтения — тренироваться везде и постоянно.

То, что вы прочитаете далее, отнюдь не пособие для самостоятельного обучения скорочтению, а лишь несколько основных сведений. Главное в тренировках — расширение угла зрения. Нужно попытаться увидеть строку всю сразу. От первого слова до последнего. Постепенно вы добьетесь того, что глаза не будут сходиться на одном слове, а потом

передвигаться с него на другое, а будут охватывать строку от начала и до конца.

Ученые установили, что наши глаза, когда мы читаем, движутся не непрерывно, а скачками, останавливаясь на короткие мгновения. Глаза воспринимают текст во время этих остановок: взгляд неопытного читателя видит несколько букв, взгляд более квалифицированного воспринимает сразу одно-два слова. Человек натренировавшийся должен за эту мгновенную остановку увидеть всю строку. Его взгляд движется по странице тоже скачками, но не так:

а так:

На рисунке стрелками обозначено направление движения глаз, точками — остановки для схватывания текста.

Дальнейшая тренировка должна расширить угол зрения не только по горизонтали, но и по вертикали. Тогда движение глаз тоже пойдет не вдоль страницы, а сверху вниз, но при мгновенных остановках глаз будет схватывать не строку, а две-три. Больше трех строк, по-моему, охватить и мгновенно понять трудно, но есть «скорочтецы», перешагнувшие этот рубеж.

В начале тренировки возможна типичная для начинающих ошибка: взгляд будет скользить сверху вниз и схватывать несколько слов, но лишь в середине строки. Начало и концы строк будут пропадать, как на фотокадре с засвеченными краями. Только что прочитанный вами абзац будет выглядеть примерно так:

... возможна типичная для...

... сверху вниз и схватывать...

... начало и концы строк...

Точками здесь обозначены те слова в началах и концах строк, которых вы не схватили.

Иной раз вы этого не заметите — не полностью воспринятую строку допишет догадка. Но догадка может быть верной, а может быть ошибочной. Непрочитанным и неправильно угаданным может оказаться слово, меняющее смысл всей фразы. Значит, нужно обязательно добиваться того, чтобы угол зрения захватывал всю строку. На первых порах можно даже не слишком спешить, но непременно добиваться, чтобы концы и начала строк воспринимались так же четко, как середина.

Больше всего мешает скорочтению привычка, которая осталась от чтения вслух, — так называемая фонетизация чтения. Многие люди,

читая глазами, мысленно произносят текст, слышат его внутренним слухом, читая про себя, они шевелят губами и даже пришептывают. Так быстро читать не сможешь.

Существуют различные способы подавления этой привычки, на первый взгляд неожиданные и даже смешные. Рекомендуется при чтении тихо постукивать по столу, подавляя этим звуком желание мысленно произносить текст; при чтении прикусывать язык зубами, чтобы он не мог шевелиться; читая, жевать резинку. Или даже читать с открытым ртом. Прекрасное зрелище! Применять эти способы мне не приходилось. Навыками скорочтения я овладел в детстве. Это оказалось возможным на основе твердой привычки читать про себя. А ее вырабатывает только одно упражнение — чтение! Можно сказать так: для скорочтения нужно многочтение.

Чтобы разбудить в вас желание научиться скорочтению, приведу историю, которую рассказал профессор Г. Васильченко в статье «Когда и где нужно динамическое чтение», опубликованной в журнале «Наука и жизнь».

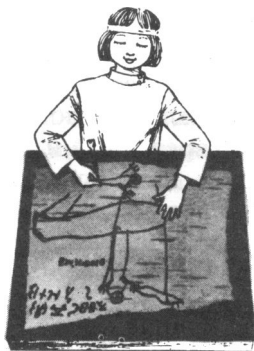
«Однажды, еще до войны, в начале 1940 года писатель Алексей Силыч Новиков-Прибой, выступая в аудитории писателей и журналистов Ростова-на-Дону, поделился со слушателями своими воспоминаниями о встречах с Алексеем Максимовичем Горьким. Одна из первых встреч Новикова-Прибоя с Горьким состоялась на Капри. Отправляясь в путь, Новиков-Прибой по совету людей, хорошо знавших Горького, нагрузился только что вышедшими литературно-художественными журналами, чем действительно доставил Горькому великую радость. Как только выдалась удобная минута, Горький расположился за столом в саду, с видимым наслаждением вооружившись ножом для разрезания бумаги. Новиков-Прибой, устроившись в сторонке, наблюдал следующую картину. Взяв первый журнал, Алексей Максимович разрезал его и начал не то читать, не то просматривать: Горький не читал, а, казалось, просто скользил по страницам взглядом сверху вниз, по вертикали. И Новиков-Прибой решил, что Горький читает в два приема, и перед ним первая стадия предварительного просматривания журнала. Покончив с первым журналом, Горький принялся за второй, и все повторилось: он открывал страницу, сверху вниз, как по ступенькам, спускался по ней взглядом... Так снова и снова, пока не добрался до последней страницы. Откладывал журнал и принимался за очередной.

Взяв тогда один из журналов, Новиков-Прибой выбрал в нем рассказ, небольшую повесть, цикл стихотворений, литературно-критическую статью и внимательно их прочитал (на что, кстати, у него ушло несколько часов), а на следующий день устроил Горькому небольшую проверку — высказал свои впечатления о прочитанном. Как он и предполагал, Горький вскоре начал с ним спорить. Но вот чего никак не ожидал Новиков-Прибой, так это насыщенности горьковских возражений фактами:

Алексей Максимович не только помнил фабулу повести, ход мысли автора критической статьи, но и с поразительной легкостью приводил по памяти метафоры, эпитеты, сравнения и образы, которые встречались в ткани обсуждавшихся произведений.

Этот свой рассказ Новиков-Прибой закончил так: „И здесь я усомнился, умею ли я читать?“»

Вопрос, который однажды с такой тревогой задал себе писатель Новиков-Прибой: «Умею ли я читать?», я решил поставить в начале этой главы, немного его перефразировав: «Умеете ли вы читать?» Пожалуй, мне следовало бы его сузить: «Умеете ли вы читать быстро?», потому что речь у нас шла именно об этом. Если вам придется ответить на него отрицательно, не огорчайтесь. Скорочтению можно научиться. Было бы желание! Научиться тем легче и тем раньше, чем раньше вы делаете эту попытку. Но при этом надобно помнить: умение читать гораздо сложнее, чем читать быстро. О том, что еще входит в умение читать, я расскажу дальше.

РУКОПИСНЫЕ КНИГИ НА РУСИ

Пока нет письменности, нет и книг. Значит, отвечая на вопрос, когда на Руси появились первые книги, нужно заглянуть в далекие-далекие времена, когда еще книг не было, а письменность уже возникла. Когда-то в науке считалось, что письменность и книги появились на Руси после принятия христианства и пришли из Ви-

зантии. На самом деле это не так. Письменность у славян существовала уже в языческие времена. О ней есть упоминания в исторических документах. В X веке некий ученый — болгарский монах, которого звали Черноризец Храбр, написал «Сказание о письменах». В нем говорится, что прежде славяне книг не имели. Это значит, что в его времена они их уже имели. А что было прежде? «Прежде славяне, — сообщает Черноризец Храбр, — чертами и резами считали и гадали...»

Основываясь на этом свидетельстве и некоторых других, историки считают, что до принятия христианства у славян уже существовала письменность. Ее знаками были черты и резы, то есть черточки и зарубки. Это очень похоже на правду, потому что зарубки, скажем, на дереве как знаки для общения употребляли в давние времена многие народы. Памятников этой славянской письменности не сохранилось. Древнее это письмо так условно и называют — «черты и резы». Предполагается, что оно было идеографическим.

Черточки и зарубки древнеславянского письма обозначали числа, были знаками имен и рода и т. д. Тут приходит на ум, что такие обиходные выражения, как «зарубка на память» или «заруби себе на носу», возникли и сохранились в языке как воспоминание об этой древней системе знаков.

Ученые, сопоставив множество разных данных, пришли к выводу, что самая древняя славянская письменность возникла веков пятнадцать назад. Но, увы, никаких книг, созданных при помощи этой письменности, не сохранилось.

Самые древние надписи и рукописи на славянском языке, которые дошли до нашего времени, написаны при помощи двух алфавитов — кириллицы и глаголицы. Что обозначают эти слова?

Чтобы объяснить их, нужно назвать двух братьев, ученых греческих монахов — Кирилла и Мефодия. Они жили в IX веке. Оба смолоду хорошо знали, кроме родного греческого языка, еще и славянский язык, потому что родились и жили в городе Солуни (современное название — Салоники), который населяли и греки, и славяне. Братья были людьми широко образованными, владели, кроме греческого и славянского, многими другими языками, горячо любили и ценили книгу. Младший — Кирилл одно время даже служил библиотекарем.

Византийский император послал братьев проповедниками в Моравию. В Моравии они убедились, что книг, по которым они могли бы учить моравов, нет. Тогда они решили перевести на моравский язык главнейшие книги — в представлении людей того времени это были, конечно, книги богослужебные. У моравов какая-то система знаков, которой они пользовались в обиходе, очевидно, была, но такой письменности, чтобы ею можно было передать все сложное содержание этих книг, не существовало. Кирилл и Мефодий сами придумали алфавит. Они взяли буквы греческого алфавита, несколько их изменили и придумали новые буквы для передачи тех звуков славянского языка, которых не было в греческом. Оказалось, что такой алфавит прекрасно приспособлен для славянского языка. Это великое изобретение или открытие навсегда прославило имена Кирилла и Мефодия в памяти благодарных потомков.

Тут возникает некоторая сложность. Дело в том, что два славянских алфавита — кириллица и глаголица — похожи друг на друга, но имеют отличия. Сказать точно, какой из двух этих алфавитов изобрели Кирилл и Мефодий, пока что невозможно.

Многие ученые твердо считают, что ту азбуку, которая называется кириллицей, изобрели Кирилл и Мефодий, что она по справедливости носит название, образованное от имени одного из братьев.

Глаголица (от славянского слова «глагол» — «слово») — по-видимому, алфавит, созданный в подражание кириллице. Так или иначе, по мере того как развивалась письменность, кириллица, более старая, чем глаголица, однако с более ясной и простой формой букв, возобладала над глаголицей и закрепилась как основа алфавитов многих языков. На ее основе в давние времена построены алфавиты русского, болгарского, сербского и македонского языков, а во времена более поздние — алфавиты языков многих народов Советского Союза.

Чтобы появились книги, нужен читатель, который бы интересовался ими. Такой читатель на Древней Руси был. Читать умели не только высокопоставленные и богатые люди, не только священники и монахи, но и многие простые люди, особенно мастеровые.

При археологических раскопках найдены предметы утвари и инструменты для работы, которые принадлежали русским людям в XI—XII веках, с надписями на них. Когда женщины тех далеких времен пряли на ручных прялках, они пользовались пряслицами — грузиками, которые натягивали пряжу. На многих пряслицах сохранились имена, написанные теми, кому принадлежали прялки. Сохранилась и глиняная ваза в форме амфоры. Гончар, вылепивший ее, написал на ней похвалу своей удавшейся работе.

Множество самых разных по содержанию надписей на бересте найдено при раскопках Древнего Новгорода. Это письма с просьбами и напоминаниями, записи для памяти, упражнения в письме. Но все это еще не книги. Однако одна запись на бересте гласит: «Пришли мне чтения доброго». Это просьба. Это значит, что в обиходе уже были книги, которые знакомые давали друг другу, книги «добрые», то есть поучительные и интересные.

Возможно, в Новгороде существовали не только надписи на бересте, но и книги, на бересте написанные. Писатель более позднего времени, живший в XV веке,

Иосиф Волоцкий упоминает некую обитель, где книги писали на бересте.

Ученые приходят к выводу, что уже в конце IX — начале X века на Руси существовали книги. К сожалению, пока книг этих не нашли, но, может быть, когда-нибудь они и отыщутся.

Самые старые книги, появившиеся на земле нашей Родины, дошедшие до нас, относятся к XI веку. Это «Остромирово евангелие», «Изборник» (сборник) великого князя Святослава Ярославича, «Архангельское евангелие» и некоторые другие.

Старинные эти книги писались, как и в Западной Европе, на пергаменте. Называли этот материал для письма «кожей» или «телятиной», потому что чаще всего его делали из кожи телят. Позже стали употреблять слово «хартия». Помните у Пушкина в «Борисе Годунове»:

...И, пыль веков от хартий отряхнув,

Правдивое сказанье перепишет...

Книги писались при помощи гусиных, реже лебединых, иногда — для особой торжественности — даже павлиньих перьев. Писались и переписывались книги в монастырях. Терпеливо и осторожно чуть заметными линиями линовал монах-переписчик лист пергамента, а потом начинал писать, тщательно выводя, как бы вырисовывая, букву за буквой. Самый старый рисунок рукописных книг назывался устав, более поздний, несколько упрощенный, — полуустав. Когда переписчик кончал свою долгую работу, он радовался, что прошел этот трудный путь, не испортив ни одного листа. Иногда в конце рукописи появлялись слова, в которых он выражал свои чувства. Вот одна из таких записей: «Как радуется жених невесте, так радуется писец, видя последний лист». Этими словами закончил свой долгий труд некий переписчик Евангелия в 1164 году.

Бережно написанный текст украшался узорчатыми заглавными буквами, заставками, орнаментом. Рисовались они с большим прилежанием и любовью. Сохранилась трогательная надпись, сделанная в одной из старинных рукописных книг мастером, который украсил ее. Он сам залюбовался ее красотой и написал: «А любя заставица».

Когда все листы будущей книги были переписаны и украшены, их соединяли и помещали в переплет.

Переплетом служили две доски, обтянутые кожей, а иногда бархатом или даже парчой. К переплету прикрепляли выпуклые бляхи из металла, иногда драгоценного. Когда книгу клали на стол, ее тяжесть (а старинные книги по большей части были большими и тяжелыми) принимал не переплет, а эти бляхи. Их часто украшали узором. Некоторые книги помещали в оклад — своего рода футляр из серебра или даже золота. Иногда его украшали драгоценными камнями. Понятно, что книги с такими украшениями принадлежали самым богатым князьям, церквям и монастырям.

Как и в других странах, на Руси первые рукописные книги были большей частью религиозными. В монастырях прежде всего переписывали Библию и жития святых. Сочинялись в монастырях и переписывались проповеди и поучения.

Рукописными были и книги, содержавшие летописи. Летописи — важнейший источник для изучения истории. Первая русская летопись — «Повесть временных лет». Прекрасный образ мудрого летописца — неутомимого свидетеля событий своего времени создал Пушкин в трагедии «Борис Годунов». Его Пимен соединил в себе лучшие черты многих русских летописцев.

На страницах летописей отражены исторические события: походы, войны, сражения, испытания и беды, выпавшие на долю русской земли, воспето мужество тех, кто отстаивал ее в борьбе против иноземных нашествий, страшные пожары, бунты и заговоры, отчасти и повседневная жизнь.

Среди художественных произведений, существовавших в рукописном виде, особое значение имеет великий памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

К несчастью, первоначальный список этого гениального произведения погиб, сгорев при пожаре Москвы в 1812 году. Мы знаем его по копии, которая была сделана до пожара.

Когда Русь начала превращаться в единое государство, рукописных книг понадобилось больше, чем их создавалось

прежде. Тогда и стали появляться большие мастерские письма. Рукописные книги этих мастерских — произведения высокого искусства. Начертание букв, изукрашенные заглавные буквы, затейливые заставки, материал и украшения переплета — все показывает, как много заботы вкладывали старинные мастера книги в свои создания. Особенно замечателен так называемый «Лицевой летописный свод» — собрание многих летописей, соединенных в единое повествование с многотысячным числом иллюстраций.

Древнерусские рукописные книги — бесценный источник для изучения истории нашей страны, истории языка и истории книги. Бережно сохраняются старинные рукописные книги в специальных отделах крупнейших библиотек в Москве, Ленин-

граде, Киеве. Собрания древнерусских рукописей есть и в некоторых других городах: Пскове, Ярославле, Владимире, Костроме, Новосибирске. На поиски уцелевших рукописных книг отправляются специальные экспедиции историков, языковедов и литературоведов. Им иногда удается находить рукописные книги, прежде неизвестные.

Однако случается, что такие книги попадают и неспециалистам. Если вы найдете книгу, написанную от руки непривычными вам буквами, даже если в ней не будет части листов или будет оторван переплет, даже если это будет всего несколько листов из нее, непременно передайте ее в Большую библиотеку или в краеведческий музей. Возможно, что сделанная вами находка имеет большую ценность.

ЧИТАТЬ И ВИДЕТЬ

Эти люди не подозревают, сколько времени приходится потратить, чтобы научиться читать. Я потратил на это восемьдесят лет и до сих пор не могу утверждать, что научился.

Гёте

Психологи провели интереснейшие опыты. Они отобрали людей примерно одного возраста и образования, читающих примерно с одинаковой, то есть обычной, скоростью. Были приготовлены отрывки из книг с прекрасными описаниями природы, с выразительными портретами, с характерными приметами обстановки, с живыми диалогами, словом, такие, что читать одно удовольствие. Отрывки взяли из произведений не слишком известных. Испытуемым предложили прочесть эти отрывки про себя. Не быстро и не медленно. Так, как они читают всегда.

Читали испытуемые одно и то же, а восприняли прочитанное по-разному. У некоторых слова складывались в строки, строки — в страницу, но в живые представления не превратились, текст не ожил. Пересказывая его, они произносили слова, но того, что описано, не видели.

У других, пока они читали, возникали в уме краски леса, шум листьев, голоса птиц, вырисовывались на внутреннем экране воображения портреты действующих лиц.

Тут описаны два крайних случая — прочитанное слово, оставшееся словом, и прочитанное слово, превратившееся в образ. Между двумя крайними случаями расположилось много промежуточных.

Мы можем проделать маленький опыт, чтобы яснее понять, о чем идет речь. Читайте то, что будет написано дальше очень внимательно! Старайтесь все, что написано, представить себе!

«Вообразите, что вы берете в руки лимон... Вы берете в руки лимон... Лимон еще не совсем спелый. Лимон зеленовато-желтый... Ножом вы разрезаете лимон на две половинки. На кончике ножа повисает большая капля мутного лимонного сока... Лимонного сока. Вы берете половинку лимона и откусываете от нее большой кусок. Начинаете жевать лимон. Начинаете жевать лимон вместе с горькой лимонной коркой».

У некоторых читателей ощущение кислоты во рту, набегающей слюны, оскомины возникнет при первых словах о лимоне. У других чуть позже. У некоторых, быть может, не возникнет совсем.

Можете проверить это на товарищах. Прочитайте им описание лимона вслух, и вы по лицам увидите: у одного — ощущение оскотины, другому — чуть кисло, а третий не чувствует почти ничего.

Люди по-разному воспринимают слово. У одних оно вызывает живое представление вкуса, цвета, запаха, приятного или неприятного ощущения, у других слово в образ превращается не с такой силой и остротой, у третьих становится образом с трудом. Эти особенности связаны со всем складом человека. Есть люди более впечатлительные и менее впечатлительные, более внушаемые и менее внушаемые, с более или менее сильным воображением.

Но читать хочется каждому, и каждому хочется получить от чтения как можно больше. Между тем некоторые участники опытов, проведенных психологами, даже не подозревали, что они не видят при чтении тех картин и образов, которые видят другие, не чувствуют того, что чувствуют другие. И главное, они даже не догадывались, сколько теряют. Может быть, и вы несете при чтении такие потери?

Раскройте повесть А. П. Чехова «Степь».

«Егорушка тоже разделся, но не спускался вниз по бережку, а разбежался и полетел с полуторасаженной вышины. Описав в воздухе дугу, он упал в воду, глубоко погрузился, но дна не достал; какая-то сила, холодная и приятная на ощупь, подхватила его и понесла обратно вверх. Он вынырнул и, фыркая, пуская пузыри, открыл глаза; но на реке, как раз возле его лица, отражалось солнце. Сначала ослепительные искры, потом радуги и темные пятна заходили в его глазах; он поспешил опять нырнуть, открыл в воде глаза и увидел что-то мутно-зеленое, похожее на небо в лунную ночь. Опять та же сила, не давая ему коснуться дна и побыть в прохладе, понесла его вверх, он вынырнул и вдохнул так глубоко, что стало просторно и свежо не только в груди, но даже в животе. Потом, чтобы взять от воды все, что только можно взять, он позволял себе всякую роскошь: лежал на спине и нежился, брызгался, кувыркался, плавал и на животе, и боком, и на спине, и встоячую — как хотел, пока не утомился. Другой берег густо порос камышом, золотился на солнце, и камышовые цветы красивыми кистями наклонились к воде».

Представили вы себе крутой обрывистый берег? Почувствовали вместе с мальчиком холодную воду, в которую он нырнул? Видели игру солнечного света на воде? Видели то, что писатель изобразил словом, или только буквы, слова, строки, бумагу? Если при чтении такого описания вы видели только бумагу и слова, напечатанные на ней, значит, вы получаете от книг куда меньше, чем могли бы.

Не огорчайтесь!

Читать так, чтобы слова превращались в картины, а голоса действующих лиц звучали и каждая страница оживала, можно научиться. Было бы желание. Поначалу придется делать сознательное усилие. В книге

говорится, например, о пылающем костре. Попробуйте усилием воли вызвать в воображении вид костра, вспомнить, как трещит хворост, как взлетают в небо искры, как дрожит нагретый воздух над языками пламени. Говорится о яблоке, постарайтесь вообразить, как скрипит в руке его гладкая кожа, как хрустит оно на зубах. Говорится о том, как разгулялся мороз за стенами дома, вообразите себе ледяные узоры на стеклах, пронзительный свет солнечного морозного дня... Некоторым, когда речь пойдет, скажем, о яблоке, будет легче всего представить себе его на ощупь, почувствовать, как оно кругло, гладко, твердо лежит в ладони. Другие прежде всего ощутят его вкус — кисло-сладкий, освежающий, третьи сразу вспомнят, как яблоки пахнут. Счастливые почувствуют сразу все — и прикосновение руки к яблоку, и его вкус, и его запах.

Конечно, такие образы станут возникать в воображении не сразу, а иногда, едва возникнув, будут ускользать. Пока вырабатываешь в себе привычку видеть в словах картину, быстро читать не можешь и первое время сильно устаешь. Но усилия вознаграждаются. Страницы книг оживут, расцветут красками, наполнятся звуками и запахами.

Что для этого нужно? Читать хорошие книги, и хорошо их читать!

Есть люди, от которых сама профессия требует внимательнейшего вчитывания в текст. Вам случалось видеть в театре хорошего актера? Вот он вспоминает на сцене прошлое, глаза его словно всматриваются в далекие годы и видят все, о чем он говорит. Его монолог захватывает слушателей. Мы вместе с ним не просто слышим слова, мы начинаем видеть то, о чем эти слова говорят.

Объяснить, как актер добивается, чтобы его слово вызывало у нас в сознании живые образы, очень сложно. Но самое главное об этом можно сказать. Готовя роль, заучивая текст, хороший актер не позволяет ни одному слову прозвучать пусто, формально. Вот он произносит, например, слова о холоде или о жаре. Он добивается, чтобы у него во внутренней памяти воскресло ощущение жары и холода. Говоря о страхе, он заставляет себя вспомнить некогда пережитый страх. Говоря о радости, почувствовать, как от радости становится тесно в груди. И произнесенное им, пережитое, прочувствованное слово заставляет нас сопереживать ему. Но разве только актерам надо, читая, вызывать в уме и сердце живые представления? Каждому, кто читает, хорошо бы читать так. Для того, чтобы самому ощутить все, что может дать книга.

Такое чтение тому, кто прежде, читая, видел лишь черные буквы на белой бумаге, откроет новый мир. Книга станет доставлять наслаждение. Правда, читать станет сложнее, чтение потребует больше душевных сил, страницы книги будут вызывать неизмеримо больше волнения, от них будет труднее оторваться, но зато их будет труднее забыть. Чтение превратится в сопереживание. Люди, о которых говорится в книге, отделятся от бумаги, оживут. Там, где прежде вы видели только слова, возникнет

цельный мир. Разве такая награда не стоит усилий! Чтобы научиться читать так, нужно на время вернуться к чтению вслух.

Но зачем читать вслух? А в самом деле — зачем? Этот самый медленный способ чтения (вслух можно прочитать двадцать пять, от силы тридцать страниц в час) в наше время больших скоростей кажется безнадежно устаревшим. Однако вопрос «Зачем читать вслух?» похож на другой: «Зачем ходить пешком?» Вы собираетесь в путь. Если вас ждут неотложные дела, вы купите билет на самолет или на скорый поезд. Но если вы хотите прочувствовать дорогу, вы, может быть, поедете с пересадками на не слишком быстрых районных автобусах, поплывете медлительным пароходом. Или даже пойдете пешком.

Возьмите хорошую книгу и почитайте ее вслух. Не торопясь. Каждое слово обретет особый вес. При чтении вслух работает и зрительная и слуховая память. Вместе они творят чудеса. Особенно ощутимыми становятся ритм и дыхание фразы, напряжение пауз, резкий толчок от неожиданной точки, изменение интонации от спокойной до радостной, бурной, тревожной или задумчивой и печальной.

В воспоминаниях многих писателей, да и не только писателей, часто упоминается, какое место занимал в их жизни старинный, ныне почти забытый обычай домашнего чтения вслух. В свободный час обыкновенно вечером за столом собиралась вся семья и читали вслух. Замечательный человек и поэт Александр Трифонович Твардовский, отвечая однажды на вопрос, как он относится к Некрасову, написал так: «Отец мой был человек не только грамотный, но начитанный (по-деревенски). Году в 20-м он купил на базаре первый том Некрасова (не знаю какого издания) — с портретом в шубе и шапке-боярке. Эта книга у нас в семье была вроде Библии. По вечерам отец раскрывал книгу и начинал читать с „выражением“, а мы все, ребята, мать, а то и кто-нибудь из соседей, слушали».

Мне рассказывала дочь Твардовского — Валентина Александровна, что этот обычай сохранился в его семье, когда он сам стал взрослым человеком. Он любил читать своим детям вслух произведения русской классической литературы.

Обычай чтения вслух был в недавнем прошлом широко распространен и горячо любим многими. Я рассказал однажды по радио о радости, которой такое чтение одаривает его участников, и пользе, которую оно приносит. В редакцию стали приходить отклики. Пожилые люди вспоминали давние глухие вечера в крошечном городке или дальней деревушке, свет керосиновой лампы, в иных письмах — коптилки или лучины, мать, отца, бабушку, читающих детям вслух. Писали и более молодые люди. Вспоминали, как когда-то читала им вслух учительница, медсестра в госпитале или о том, как они сами кому-то — родным, друзьям, младшим или старшим — читали вслух. И все, кто прислал эти письма, вспоминали часы совместного чтения вслух с нежностью, говорили, что они принадлежат к самым дорогим часам жизни.

«Какая старина! Ну зачем это сейчас, когда в каждом доме радио, а то и телевизор!» Однако слово, прозвучавшее из уст даже самого лучшего актера, и слово, прозвучавшее в безыскусном домашнем чтении, звучат по-разному. Домашнее чтение вслух очень сближает. Когда вся семья несколько вечеров подряд читает одну книгу, это невольно побуждает к обмену мыслями. А если это книга большая и ее читают долго, она превращается в друга семьи, ее герои оживают и входят в наш дом. Спросят: как выбрать время, чтобы несколько членов семьи могли сразу собраться за столом? Не выбрать времени? Находится же оно для того, чтобы вместе смотреть телевизор! Разве мы не просиживаем перед ним иногда часами, даже когда ничего особенного не показывают? Страница книги — экран, который и не снился самому лучшему телевизору.

Советую вам, прошу вас, уговариваю — попробуйте! Попробуйте читать дома вместе и вслух! Было же что-то важное в совместном домашнем чтении, если о нем с волнением и благодарностью вспоминают люди разных поколений.

ИНКУНАБУЛЫ

Секрет печатания ушел из рук Гутенберга, точнее, его вырвали у изобретателя. Для него это было большой бедой. Для распространения книгопечатания — благом. В течение нескольких десятилетий наборное печатание книг по способу Гутенберга распространяется вначале по всей Германии, а затем и по всей Европе.

Работа в типографиях того времени была тяжелой. Она начиналась летом в пять часов утра, а зимой в шесть и продолжалась четырнадцать часов. Порядок поддерживался суровый. За ошибки владелец типографии штрафовал рабочих, а то и сажал при типографии под арест. В других ремеслах было не иначе.

Печатники старинных времен понимали, что от качества краски зависит качество печатной страницы. День, когда варилась краска, они превращали в праздник. Котел, в котором кипело льняное масло, устанавливали на улице перед типографией, печатники надевали праздничные костюмы. Вся другая работа в типографии прекращалась. Пока масло кипело в котле, пили вино и пиво. Закусывали хлебом, обмакивая его в пену кипящего масла. Считалось, что эта пена помогает от болезней, которыми всегда болели печатники, особенно от грудных, вызванных тем, что они постоянно имели дело с ядовитым свинцом. Когда масло прокипало и пена с него была снята, в него осторожно добавляли древесный уголь, измельченный в порошок. Ученики, которые толкли этот уголь, становились похожи на негров. Угольный порошок тщательно перемешивали в горячем масле, иногда добавляли еще некоторые вещества, по

рецептам, которые хранили в секрете, — вот типографская краска и готова!

Замечательные типографии и печатники появляются вслед за Германией в Италии, особенно в Венеции. Книжки, напечатанные здесь в типографии Альда Мануция, по его имени называются альдинами. Они отличаются особенно четким и красивым шрифтом, изящным строгим обликом. Типография Филиппа Пюшюше и Антуана Ферара во Франции славилась прекрасными иллюстрациями. Типография Плантена в Нидерландах особенно известна печатанием научных книг. Первая в Англии типография Вильяма Кекстона чуть ли не в самом начале своей деятельности печатает учебник игры в шахматы. Прекрасные книжки издают в швейцарском городе Цюрихе. В оформлении некоторых из них принимает участие молодой Дюрер, который впоследствии станет великим немецким художником.

У каждой из первых типографий есть свои особенности. Знатоки старинной книги по шрифтам, бумаге, иллюстрациям определяют, какая типография напечатала книгу. Вместе с тем у печатных книг первого века книгопечатания есть много общего. Все они, словно стыдясь своей новой сущности, стараются походить на рукописные. В них печатается только текст. Начальные буквы глав, так называемые инициалы, рисуются и раскрашиваются от руки, как в рукописных книгах. Но это требует много времени и стоит дорого. Рисованные и раскрашенные инициалы делаются не во всех экземплярах издания. Многие экземпляры дошли до нас в странном виде. На месте инициала — квадратик, в котором

только намечена буква, а узорчатый и многоцветный инициал не врисован. Так выходила большая часть тиража.

Напрасно искать на книгах XV века титульный лист с именем автора и названием книги. Титульных листов нет, как не бывало их в рукописных книгах. Иногда сведения о том, что это за книга, кто и когда ее напечатал, можно найти в конце последнего листа, как это было в рукописных книгах. Такая приписка называется «колофон».

В книгах первого века книгопечатания не было абзацев в тексте. Текст, как в рукописных, делился на куски красными черточками.

В XVI веке печатная книга начала отходить от своего прообраза — рукописной, появились титульные листы, исчезли украшения, сделанные от руки, книга заявила о своей самостоятельности своим внешним видом.

Европейские печатные книги XV века принято называть *инкунабулами*. Слово это происходит от латинского *incipubula* — колыбель. Таково поэтическое название книг, которые относятся к младенческому возрасту книгопечатания.

Инкунабулы, сохранившиеся до нашего времени, известны наперечет. Их сберегают в музеях и крупнейших библиотеках. В нашей стране собрания инкунабул есть в Ленинской библиотеке, в Ленинградской библиотеке имени Салтыкова-Щедрина и некоторых других. Рассматривать их наслаждение! Инкунабулы красивы, их шрифты изящны и четки, текст на страницах размещен со вкусом. На их примере особенно ясно видно: книга — это произведение искусства.

ЗВУЧАЩАЯ АНТОЛОГИЯ

Нельзя держать книги запертыми точно в тюрьме, они должны непременно переходить из библиотеки в память.

Петрарка

Есть произведения, созданные для того, чтобы читать их вслух. Это стихи. Рифмы, ритм, музыка, весь строй стиха требуют чтения вслух. Недаром еще Пушкин говорил: «Мы пишем не для глаза, а для слуха!»

Пробегите одним только зрением такие строки Пушкина:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

А теперь медленно прочитайте их вслух. Зазвучит музыка, задумчивая и печальная. Станет слышно, что из строки в строку протяжно тянется звук «у»: «брожу»... «улиц»... «шумных»... «вхожу», «многолюдный» (буква «ю» тоже ведь означает звук «у» со смягчением в начале), «сижу»... «юношей»... «безумных»... «предаюсь»... Этот звук, подобный низкой виолончельной ноте, проходит через все строчки четверостишия. Другой звук, окрашивающий строфу, — полугласный «л»: «брожу ли»... «вдоль»... «улиц»... «вхожу ль»... «многолюдный»... «сижу ль»... Этот звук воспринимается слухом как мягкий, плавный, нежный.

Чтение вслух выявит рифму — в начале двух соседних строк — «вхожу ль» — «сижу ль», которую можно не заметить, читая глазами. Оно заставит в полную силу зазвучать перекрестные рифмы, заканчивающие строчки: «шумных» — «храм», «безумных» — «мечтам».

При чтении вслух явственным станет ритм. Даже не зная о том, что стихотворение написано четырехстопным ямбом, мы, читая вслух, передадим особенности этого размера.

Четырехстопный ямб! Самый гибкий, самый послушный воле поэта размер. Излюбленный размер Пушкина. Он написал им больше половины своих стихов.

Чтобы объяснить некоторые особенности звучания этих четырех строк, проникнутых глубокой сосредоточенностью и задумчивостью,

понадобилась страница текста и несколько терминов. Чтобы почувствовать всю силу и прелесть этих строк, их достаточно прочитать вслух.

Итак, читайте стихи вслух! Но это еще не все. Всего сильнее стихи воспринимаете, читая их наизусть. Для этого их надо выучить. Не для ответа на уроке, не для отметки. Для себя. Для друзей. Для собственной и общей с друзьями радости. Усилие, затраченное на заучивание стихов, приносит наслаждение долгие годы.

Есть счастливые люди, запоминающие стихи без труда. Им достаточно три-четыре раза прочитать стихотворение, и они могут повторить его, не заглядывая в книгу. Я завидую таким счастливым, так как сам к ним не принадлежу. Но и мы, те, у кого память обыкновенная, можем выучивать стихи куда легче, чем это делается обычно.

Когда в школе на уроке будут вызывать ваших товарищей, чтобы проверить, как они выучили стихотворение, прислушайтесь. И вы заметите, что тот, кому нужна подсказка товарищей или помощь учителя, запинаясь обычно в конце строф, а если стихотворение на строфы не делится, то на переходах от одного осязаемого кусочка стихотворения к другому.

В чем тут дело? Многие, пожалуй большинство, учат стихи неправильно. Скажем, нужно запомнить наизусть строки:

Сквозь волнистые туманы	Колокольчик однозвучный
Пробирается луна,	Утомительно гремит.
На печальные поляны	
Льет печально свет она.	Что-то слышится родное
	В долгих песнях ямщика:
По дороге зимней, скучной	То разгулье удалое,
Тройка борзая бежит,	То сердечная тоска...

Обычно тот, кто их заучивает, повторяет много раз подряд первое четверостишие, потом, когда ему кажется, что он запомнил его, переходит ко второму. Выучил второе, присоединяет его к первому и повторяет теперь наизусть первые два четверостишия. Потом выучивает следующее четверостишие, присоединяет его мысленно к первым двум и повторяет все три четверостишия и так далее. При этом стихотворение разрушается, распадается на четверостишия. Естественная связь между ними утрачивается. Последняя строка четверостишия прочно связывается в памяти с первой строкой того же четверостишия, потому что много раз повторялось в таком порядке. Перескочить через порог между первым и вторым четверостишиями оказывается трудно. Начало стихотворения запоминается гораздо лучше, чем середина, а конец вообще почти не отпечатывается в памяти.

Как же заучивать стихи? Стихотворение, даже большое, легче запоминать не по частям, а целиком. Да-да, целиком! Но как?

Прочитайте стихотворение вслух. Все подряд от начала до конца. Два-три раза. При этом старайтесь, чтобы не только звучали слова, но

перед глазами вставали картины того, о чем говорит поэт: волнистый туман, луна, поляны. Теперь начинайте читать снова. Тут вы почувствуете, что некоторые строки уже звучат в вашем внутреннем слухе. Иногда — начальные, иногда — из середины, иногда — концовка стихотворения. Запомнившиеся строки произнесите, оторвав глаза от книги, но так, чтобы тут же посмотреть в нее, едва кончатся запомнившиеся слова. Не напрягайтесь, чтобы вспомнить, а тут же смотрите в книгу, чтобы без запинок прочитать все стихотворение, в котором несколько слов или строк вы уже запомнили наизусть.

При следующем чтении таких островков запомнившегося текста станет больше и каждый из них увеличится. Теперь можно попробовать прочитать все стихотворение по памяти. Тут вы увидите, что вы можете прочитать наизусть большую часть стихотворения, незапомнившихся строк или даже слов осталось немного, но все-таки такие есть. Не беда!

Натолкнувшись на провал, не нужно силиться вспомнить, какие тут должны быть слова. Всякое усилие, всякое напряжение не помогает, а мешает заучивать стихи. Не старайтесь вспомнить, а сразу поглядите в текст. Обычно бывает достаточно увидеть слово или даже полслова из забытой строки, чтобы она тут же вспомнилась целиком. Эти забытые и мгновенно вспомнившиеся слова произносите тем же голосом, так же громко или так же тихо, подхватив то выражение, с каким вы читали слова предшествующие и собираетесь читать слова следующие, словом, так, чтобы они не выглядели, как заплатка, а естественно по смыслу вливались в текст. «Стык» того, что уже твердо выучено, и того, что вы еще помните недостаточно хорошо, должен быть как можно менее ощутимым.

Перечитывая по памяти стихотворение еще раз, вы и не заметите, как естественно произнесете и ту строку, которая только что выпала из памяти. Может показаться, что этот способ труден и долог. На самом деле, попробовав, вы убедитесь: так стихи заучиваются куда быстрее, запоминаются легче и помнятся дольше, чем если учить их, бесконечно задалбливая отдельные четверостишия и прилепляя одно к другому.

Читая и повторяя стихотворение, все время старайтесь вызывать в своем воображении картины того, о чем в нем говорится. Мне кажется, что все, что вы хотите выучить наизусть (не только стихи), лучше всего учить вечером, перед сном. Сон закрепляет в памяти заученное. В этом убеждаешься утром, проверяя себя на свежую голову. Некоторые предпочитают учить наизусть утром. Это зависит от особенностей памяти каждого.

Тому, у кого особенно сильна зрительная память, стихотворение, которое он хочет заучить, стоит вначале переписать, переписывая, одновременно читать его вслух. Тогда стихотворение запомнится особенно прочно.

Предвижу вопрос: «А зачем вообще заучивать стихи? Зачем держать в памяти то, что можно прочитать в книге?»

В пользу заучивания стихов наизусть есть множество доводов.

Заучивая стихи, лучше узнаешь язык, обогащаешь свою речь. Порой возникает сомнение: можно ли так сказать, так написать или нельзя? В памяти возникает строка стихотворения, которая отвечает на этот вопрос. Приведу пример. Недавно у нас зашел спор в связи с переводом немецкого рассказа. В рассказе на уставшего пловца, который, выбиваясь из сил, плыл к берегу, напала самка лебедя, испугавшаяся за своих птенцов.

По-немецки для обозначения самки лебедя легко образовать слово женского рода (*Schwänin*). В русском языке слова «лебединя» нет. Можно сказать: «лебедушка», но это звучит народно-сказочной речью и не годится в тексте современного рассказа. «Лебедушка била его крыльями» — звучит смешно. «Самка лебедя» тоже плохо. Может быть, употребить слово «лебедка»? Оно действительно употребляется для обозначения самки лебедя, как биологический термин, но так прочно связывается в уме с народно-песенным складом речи (подобно слову «лебедушка»), что внесет в перевод оттенок, не заданный текстом оригинала. Как быть?

Очень просто. Можно и нужно употребить слово «лебедь» в женском роде. В этом нас убеждает Пушкин:

...По глади синих вод
Лебедь белая плывет.

Значит, можно сказать: «Лебедь била его крыльями».

Многим поэтам свойственно неожиданное или редкое словоупотребление. Вы читаете у Фета:

На пажитях немых люблю в мороз трескучий
При свете солнечном я снега блеск колючий.

Наше внимание сразу привлекают слова: «блеск колючий». Как точно сказано! Недаром зажмуриваешь глаза, когда глядишь на освещенный солнцем снег. А что такое «пажити»? Слово это знают не все. «Пажить» — «пастбище». «На пажитях немых» — значит, на немых пастбищах, то есть безмолвных, опустелых, безлюдных.

Две строки стихотворения Фета, выученные наизусть, подарили вам обычное с виду, но необычно примененное слово: «блеск» в сочетании со словом «колючий» — и воскресили слово «пажить», которое почти ушло из языка.

Запоминая стихи наизусть, расширяешь представление о родном языке. Не только о его школьных правилах, но и о смелых поэтических отступлениях от этих правил. А они с особенной силой дают почувствовать беспредельность языка. Тот, у кого в памяти много стихов, легче, свободнее, смелее выражает свою мысль и когда говорит, и когда пишет. Он может подкрепить свою мысль стихотворной цитатой: прекрасный

обычай старинных авторов и ораторов. Конечно, если стихотворная цитата не стерта слишком частым употреблением.

Когда-то В. В. Маяковский написал строки, ставшие знаменитыми: «Больше поэтов хороших и разных». С тех пор их столько раз цитировали, дословно или слегка перефразируя, что, когда встречаешь газетный заголовок или слышишь в докладе: «больше спектаклей хороших и разных», «больше песен хороших и разных», «больше маршрутов хороших и разных», это уже никакого впечатления не производит.

Чем больше в памяти хороших стихов, тем легче процитировать к месту не стертые от частого употребления строки.

Но это все практическая польза. Главное не в ней. Стихи, выученные наизусть, — источник постоянной радости.

В плавании по Десне, о котором я уже рассказывал, мы дежурили по ночам, охраняя лодки, палатки, покой спящих. Так как мы старались следовать флотским порядкам, дежурства назывались вахтами и продолжались по четыре часа. Двое вахтенных сидели около лагерного костра, поддерживали в нем огонь, прислушивались к шорохам леса, плеску реки, с трудом одолевали дремоту.

Тяжелее всего было заступать на вахту. После целого дня гребли в палатке, на лесном берегу, сон наваливался мгновенно и был непобедим. Казалось, ты только что заснул, а тебя уже расталкивает вахтенный, которого надо сменять. Отмахиваешься от него, поворачиваешься на другой бок, зажимаешь глаза, ничего не помогает — тебя будят. Приходится вылезать из тепла палатки в ночную темь. Познабливает. Ежишься, потягиваешься, зеваешь. Предстоящие часы вахты кажутся бесконечными. Они и тянутся бесконечно. Точнее, тянулись, пока я не попал на вахту с Женей Разиковым. Мы были прежде мало знакомы, он занимался в литературном кружке журнала «Пионер», я — в литературном кружке Дома пионеров. Плыли мы на разных лодках и спали в разных палатках.

У костра, когда мы выпили по кружке крепкого чая — в ночной темноте он казался черным, Женя предложил читать стихи, чтобы быстрее прошло время. Я согласился.

Однако моего запаса хватило ненадолго. Я прочитал несколько стихотворений Багрицкого, несколько — раннего Маяковского (мне тогда особенно нравилось «Послушайте, ведь если звезды зажигают»), «Рабфаковку» Светлова. Вот, кажется, и все. Толстая коряга, которую я подбросил в костер, прежде чем начать читать стихи, не успела еще и разгореться как следует, а мне уже нечего было больше читать, в памяти мелькали одни отрывки без начала и без конца.

— Теперь читай ты! — сказал я Жене. Он начал читать. И не переставал до самого конца нашей долгой вахты. Небо над лесом почернело, а потом начало светлеть. В лесной чаще принимался кричать и замолк филин. Прозрачные облака то заволакивали, то снова открывали луну,

а Женя все читал стихи. И его чтение сливалось со скрипом высоких сосен, с бульканьем воды под обрывом, с ночными шорохами, с потрескиванием костра.

Женя читал спокойно, тихо, чтобы не потревожить тех, кто спал в палатках, и, как казалось мне, таинственно. Читал так, словно не знал наперед, какие строки, слова и рифмы будут дальше, словно стихотворение рождалось здесь, в ночном лесу, у костра на речном берегу.

Я любил стихи, считалось, что неплохо их знаю, но мне было знакомо далеко не все, что читал Женя. Он почувствовал это и деликатно, не подчеркивая своего превосходства, как бы между прочим, стал называть имена поэтов, которых я сам, увы, узнать по стихам не мог.

Он читал Гавриила Державина. Это было для меня полной неожиданностью. Не «Оду к Фелице», входившую в школьную программу, а стихотворение, начинающееся словами: «Что ты заводишь песню военную, флейте подобно, милый снегирь?» Он прочитал «Цыганскую венгерку» Аполлона Григорьева, гусарские стихи Дениса Давыдова, путевые стихи Петра Вяземского, друга Пушкина, баллады Николая Тихонова, «Синие гусары» Николая Асеева, ранние стихи Всеволода Рождественского, о котором я раньше и не слыхивал. И многих других поэтов... Обычно я ждал конца вахты с нетерпением. А тут было жаль, что эти часы уже кончились. Засыпая, я решил: вернусь в Москву, стану тоже учить стихи наизусть.

Постепенно у меня сложилась устная поэтическая антология. Ее открывали строки древнегреческого поэта Архилоха в переводе Вересаева, которые я уже вспоминал в этой книге. Был в этой антологии Державин, поэты пушкинской поры, сам Пушкин: «Цветок» («Цветок засохший, безуханный»), «Вакхическая песня», «Подъезжая под Ижору», «Пью за здоровье Мери» и много других его стихов. И так вплоть до современных поэтов.

Некоторые страницы этой устной антологии теперь уже поблекли в памяти, что-то, что нравилось в молодости, нравиться перестало, но большая часть ее страниц живет для меня до сих пор.

Такая устная антология всегда при нас. Ее можно в любой миг мысленно раскрыть на любой странице. Ее можно читать про себя на ходу. Она надежный друг в трудную минуту.

Быть может, этой невидимой книги, этой устной антологии у вас еще нет, но вы захотите ее составить.

Как к этому подступиться?

Можно, конечно, просто попросить в библиотеке, чтобы вам показали книги поэтов. Вам может повезти, и вы сразу получите хорошие книги, из которых легко будет выбрать те стихи, что стоят заучивания наизусть. Но может и не повезти, и вам предложат какие-нибудь малоинтересные сборники, предложат как бы стихи. Помните, мы с вами говорили о них?

А устную антологию хочется с самого начала создавать из самого лучшего, из стихов, что действительно заслуживают, чтобы их учили наизусть.

Прежде всего обратитесь к антологиям печатным. Мне хочется, чтобы вы обратили внимание на книгу «Три века русской поэзии» (2-е изд. М., Просвещение, 1979). Этот толстый том открывают стихи М. В. Ломоносова, а завершают стихи нашего старшего современника, недавно скончавшегося Л. Н. Мартынова. Здесь каждый любитель поэзии найдет стихи, которые он захочет перечитать, если он их читал, прочитать впервые, если раньше читать не случалось. Антология эта составлена так, что она побуждает прочитать не только собранные в ней стихи, но вызывает желание расширить знакомство с поэтами, чье творчество составило яркие страницы трех веков истории русской поэзии.

Вы решили продолжить знакомство с миром поэзии.

Посоветую вам начать с книг, входящих в «Поэтическую библиотеку школьника». Эту серию задумало и начало выпускать издательство «Детская литература» двадцать с лишним лет назад. С тех пор в ней вышло несколько десятков небольших, хорошо оформленных томов. По замыслу издателей в библиотечку входят сочинения великих русских поэтов прошлого — Державина, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева и тех поэтов, которые составляли окружение гениев: Баратынский, Веневитинов, Дельвиг, Языков и другие. Представлены в библиотечке и некоторые зарубежные поэты: Бёрнс, Гёте, Мицкевич, Неруда и другие. Включены в нее и несколько советских поэтов, которые пишут на разных языках нашей многонациональной Родины: узбекская поэтесса Зулфия, белорусский поэт Кулешов, калмыцкий поэт Кугультинов. Но самое большое место в этой библиотечке занимают современные советские поэты. Нет возможности, да и необходимости, перечислять все книги этой библиотеки, тем более что она все время пополняется. Назову часть из вошедших в нее книг. Они посвящены Алигер, Асееву, Ахматовой, Багрицкому, Бедному, Берггольц, Блоку, Брюсову, Винокурову, Дудину, Есенину, Заболоцкому, Инбер, Исаковскому, Корнилову, Луконину, Мартынову, Маршаку, Светлову, Симонову, Смелякову, Суркову, Тихонову, Твардовскому — тут перечислены не все, но и по этому списку виден характер библиотечки. Что составляет ее особенности? Составителем каждой книги выступает чаще всего тоже поэт или литературовед — большой знаток того поэта, которому посвящена книга. Часто он не только отбирает для этого томика стихи, но и пишет для него предисловие, то есть представляет юному читателю своего любимого поэта. Это чрезвычайно интересно! Так, с Михаилом Дудиным знакомит читателей ленинградский литературовед и писатель Вл. Орлов. Он пишет: «Поэт-лирик говорит от своего лица и о себе. Лирика рождается из непреодолимой потребности душевного самораскрытия, из жадного желания поэта познать самого себя в своих связях с обществом и целым миром.

Но это лишь половина дела, которому предан лирический поэт. Смысл и цену речь его приобретает в том только случае, когда ему удастся, говоря о своем личном, сказать об общем — о том, что тревожит его современников». Это сказано просто и точно. Особенно потому, что, раскрыв томик стихов Дудина, мы убеждаемся в справедливости этих слов. Вот он пишет в стихотворении «Памяти Александра Трифоновича Твардовского»: «Ты сердцем принял боль времен и сделал собственной болью». Ведь это о том же самом, о чем, определяя сущность лирики, сказал автор предисловия.

На двух-трех страничках авторы предисловия раскрывают самую суть представляемого ими поэта. Такова, например, краткая, точная характеристика лирики Заболоцкого, которая принадлежит перу Винокурова. Он справедливо отмечает непоказной, предельно скромный, внутренне сосредоточенный, глубокий характер этой поэзии.

Поэты находят проникновенные слова, чтобы сказать о творчестве своего собрата. С особенным чувством читаешь сейчас, когда Константина Симонова уже нет среди нас, слова о его поэзии, которые написала Римма Казакова: «Стихи Симонова стали моими товарищами и товарищами моих товарищей с тех пор, как мы узнали их. Годы показали, что на них можно положиться». Очень хорошее, справедливое определение лирики Симонова!

В некоторых случаях, когда в стихах встречаются малоизвестные слова, сложные названия и вообще то, что требует специальных пояснений, библиотечка включает в свои томики комментарий. С комментарием изданы, например, книги Ахматовой и Заболоцкого.

Все тома, входящие в библиотечку, оформлены любовно и искусно. Их приятно взять в руки. Но самое главное, конечно, превосходный подбор стихов, который выразительно представляет каждого поэта.

Предвижу вопрос: как купить эти книги? Это очень непросто! Когда-то тираж в 10 000 экземпляров для стихов казался очень большим. Библиотечка начинала свое существование с тиражей в 25 000 экземпляров. Теперь тома выходят тиражом в 50 000 и даже 100 000 экземпляров. И все равно этого мало. Однако в районных детских и некоторых школьных библиотеках томики этой серии есть. Очень советую вам познакомиться с ними.

Когда вы познакомитесь с «Поэтической библиотекой школьника», можно обратиться к «Малой библиотеке поэта». Она издается давно. В нее входят небольшие томики. Каждый посвящен творчеству одного поэта, включает самые характерные и самые лучшие его стихи, короткую вступительную статью о его творчестве, необходимые примечания.

Ну а тому из вас, кто интересуется или заинтересуется поэзией особенно серьезно, стоит познакомиться с «Большой библиотекой поэта». Это издание, задуманное, так же как и «Малая...», еще Горьким, состоит

из книг, полно представляющих творчество великих поэтов прошлого и выдающихся поэтов современности. В синих томах библиотеки помещены не только окончательные тексты стихов, но и первоначальные редакции, варианты. Сравнивая тексты, можно представить себе, как работал поэт. В «Большую библиотеку поэта» входят не только книги, посвященные одному автору, но и некоторым периодам или особенным направлениям в поэзии, например: сборники поэтических песенных текстов, сатирической поэзии, стихи поэтов «Искры» и так далее. В томах «Большой библиотеки поэта» печатаются большие вступительные статьи и обширные комментарии. Но повторяю: это издание для того, кто решил изучать поэзию глубоко и серьезно. С непривычки в таком томе можно утонуть и потеряться.

Вас интересует не только поэтическая классика прошлого и современности, но и поэзия сегодняшнего дня? Современные стихи советских поэтов печатаются во всех литературно-художественных журналах. Воспользуюсь случаем, чтобы привести список этих журналов (неполный). Для взрослых: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Наш современник», «Звезда», «Нева»; молодежные и юношеские: «Юность», «Молодая гвардия», «Аврора»; детские — «Пионер» и «Костер».

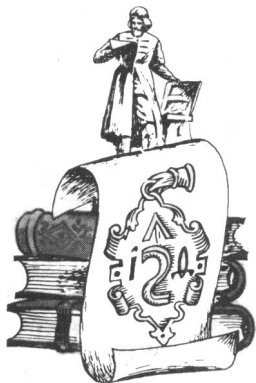
Разумеется, они интересны не только стихами, но все они печатают стихи. Стихи современных зарубежных поэтов, а иногда и стихи из наследия классиков публикует в переводах журнал «Иностранная литература».

Есть одно издание, особенно интересное для тех, кто следит за новейшей поэзией: ежегодный альманах «День поэзии». В его выпусках печатаются стихи поэтов всех поколений, главным образом написанные в последнее время, некоторые ранее не печатавшиеся стихи, стихи поэтов, которые погибли на войне, воспоминания о поэтах, их статьи и статьи об их творчестве, иногда поэтические пародии.

«Малая...» и «Большая библиотека поэта», альманах «День поэзии» знакомят с творчеством русских и советских поэтов. Если вас интересует поэзия зарубежных стран, то ее классические и современные произведения можно прочитать в некоторых томах «Библиотеки всемирной литературы».

Есть и множество изданий, посвященных отдельным зарубежным поэтам: Данте, Гёте, Шиллеру, Гейне, Байрону, Бёрнсу, Гюго, Мицкевичу, Уитмену. Называю лишь несколько имен.

Словом, источников, чтобы составить устную антологию поэзии, достаточно. Взявшись за это, вы скоро почувствуете, как это увлекательно!

РУССКИЕ ПЕРВОПЕЧАТНИКИ

Началом русского книгопечатания считают 1564 год. В 1964 году в нашей стране отмечалось четырехсотлетие этой даты, издавались книги, ей посвященные, проводились научные заседания, читались доклады и лекции.

Что означает в истории книгопечатания 1564 год? 1 марта этого года в Москве Иван Федоров, который вошел в историю под почетным именем Первопечатника, вместе со своим помощником Петром Мстиславцем выпустил печатную книгу «Апостол». Книга была напечатана очень красиво, в две краски — черной и красной, ради чего пришлось преодолеть немалые сложности при печати. Она была украшена искусными заставками. В ней была помещена большая гравюра.

Мы, к сожалению, мало знаем о жизни Ивана Федорова. Какая-то беда, может быть, чье-то преследование вынудили его, оставив свою типографию, покинуть Москву и переселиться в Литву, где он пытался продолжить печатание книг. Но и отсюда ему пришлось уехать, спасаясь от преследований. Он переселился во Львов. Снова основал здесь типографию, откуда вышло несколько замечательных книг.

Издавая во Львове вновь книгу «Апостол», Федоров в предисловии к ней упомянул, что ему пришлось подвергаться преследованиям. Это судьба многих первопечатников.

Предисловие начинается словами: «Сия бо повесть изъявляет откуда пошла есть и како совершилась друкарня сия» — «Это предисловие объясняет, где и как возникла эта типография».

Во Львове Иван Федоров выпустил и «Часовник» (1565) — книгу, содержащую молитвы на каждый день. По таким книгам не только молились, но и учились грамоте. «Часовник» был небольшого формата, его было удобно носить с собой, можно было положить в карман.

Именно потому, что это была такая удобная в обращении книга, которая не стояла на полке, а постоянно была в руках у тогдашних читателей, она быстро приходила в негодность. «Часовник» Ивана Федорова принадлежит к величайшим книжным редкостям. До нашего времени сохранился единственный экземпляр первого издания «Часовника». Он хранится в Бельгийской Королевской библиотеке (Брюссель).

В 1574 году во Львове Иван Федоров издал первую российскую печатную «Азбуку», тоже сохранившуюся в одном экземпляре. Книга эта сейчас хранится в США, в библиотеке Гарвардского университета. Других экземпляров пока не найдено. Единственный уцелевший экземпляр, увы, не полон. В нем не хватает заглавия и титульного листа. Но и в таком виде она — величайшая ценность. Воспроизведенные страницы этой книги увлекательно разглядывать! На первой странице помещены сорок пять строчных букв кирилловского алфавита (вот насколько больше букв было в кириллице, чем в современном русском алфавите!), затем «впяточслобие», как называли в старину алфавит, написанный или напечатанный в обратном порядке, потом алфавит вразбивку, упражнения и грамматические правила. Из-за того что в книге нет ни заглавия, ни титульного листа, мы не знаем, какое название дал своей книге Иван Федоров, обычно ее называют просто: «Азбука» Ивана Федорова.

У первопечатника Ивана Федорова были на славянских землях предшественники.

В конце XV века, то есть вскоре после того как Гутенберг изобрел свой способ печатания, в Кракове начал печатать славянские книги, пользуясь кириллицей, некий Фиоль Швайпольт. Его судьба сходна с судьбой Гутенберга. Фиоль тоже владел многими ремеслами и был изобретателем. Его первые печатные книги, так же как первая печатная книга Гутенберга, подражали книгам рукописным. Они украшались от руки, а некоторые буквы имели несколько разных начертаний. Это осложняло набор, требуя запаса литер одной и той же буквы разного рисунка. Набор в книгах Фиоля был неуклюжим. В его типографии не умели выравнивать концы строк — верный признак, что мастер только овладевает искусством печатания. На Фиоля Швайпольта обрушились гонения со стороны церкви, не желавшей распространения книг на славянском языке. Ему пришлось бежать из Кракова.

Несколько позже стал печатать книги, пользуясь кириллицей, белорусский ученый и просветитель Франциск Георгий Скорина. Он жил и работал в Праге, потом из-за недоброжелательного отношения к нему властей был вынужден покинуть этот город и переселиться в Вильно, где он и продолжил издание книг. Важная особенность книг, которые издавал Георгий Скорина, — их язык, представляющий собой соединение церковнославянского и белорусского языков. Библию Георгий Скорина печатал отдельными выпусками — этот способ издания больших, объемистых книг, который стал обычным в гораздо более поздние времена, он, пожалуй, применил первым. У его изданий очень красивый шрифт, изящные заставки и буквицы. Необычен для тех давних времен титульный лист, которым Георгий Скорина открывает одно из своих изданий. Текст титульного листа гласит: «Библия русска, выложена доктором Франциском Скориною из славнаго града Полоцка» («Русская Библия, набранная доктором Франциском Скориной из славного города Полоцка»).

Зантересовавшись истоками русского книгопечатания, вы можете прочитать в какой-нибудь большой работе об истории книги, что в Москве еще до Ивана Федо-

рова было напечатано несколько книг. На этих книгах не указано имя печатника и нет даты выхода в свет. Книги эти называют анонимными. Печать их несовершенна, поэтому и предполагается, что они появились раньше, чем книги Ивана Федорова, в которых печать искусна. Ученым не дает покоя невозможность точно определить время выхода этих изданий. Ученые попытались сделать это, изучив водяные знаки на бумаге этих книг.

Что такое водяной знак? Он получается при отливке листа на бумажной фабрике. На сетку, перед тем как налить на нее массу, кладут знак из тонкой проволоки. Когда масса покрывает сетку, в месте, где лежит проволока, образуется более тонкий слой, а на бумажном листе появляются контуры. На просвет этот знак виден. Он светлее и чуть прозрачнее всего листа. В начальные века книгопечатания у каждой фабрики был свой условный знак, и она делала его на каждом листе бумаги. Есть справочники, по которым можно определить, какие водяные знаки имела та или иная бумажная фабрика и в какое время она выпускала бумагу с ними.

Если книга напечатана на бумаге с такими знаками, можно приблизительно определить, когда она появилась в свет.

Этот способ и был применен к одной из безымянных книг — Евангелию, которое предположительно напечатано до Ивана Федорова. И что оказалось? Оно напечатано на бумаге нескольких фабрик: часть книги на бумаге со знаком кабана, средние страницы — на бумаге со знаком короны, последние — со знаком медведя в ошейнике с бубенчиками. Разглядывать эти изображения очень занятно, но ответа на вопрос, когда напечатана книга, они не дают, точнее, дают ответ приблизительный, указывая на крайние даты, когда такими знаками пользовались три бумажные фабрики. Срок получился большой. Все-таки, по-видимому, безымянные книги были напечатаны лет на десять — двенадцать раньше «Апостола» Ивана Федорова. Но пока это остается предположением, и, до тех пор пока не сделано новых открытий, 1 марта 1564 года считается в нашей стране днем рождения русского книгопечатания.

ЧТЕНИЕ С ПРЕДВКУШЕНИЕМ

Хороша та книга, которую открываешь, предвкусывая, а закрываешь, обогатившись.

Амос Олкотт

Не случалось ли вам слышать в библиотеке, где выдают книги на дом, такой разговор:

Библиотекарь. Что вам дать?

Читатель. Что-нибудь... Что-нибудь интересное.

Так отвечает тот, кто не знает твердо, за чем пришел. В таком случае библиотекарь обычно указывает на стол, где громоздятся стопы только что возвращенных книг. Среди них могут быть и очень хорошие, и не очень. Выбирая в такой стопе, вы обязательно натолкнетесь на книгу, которую часто спрашивают и много читают, окажетесь в курсе того, что заинтересовало других читателей. Ну что ж! Это неплохо. Но, постоянно выбирая только в стопе книг, сданных другими, вы остаетесь в кругу выбора, уже сделанного однажды. До вас и за вас. Хорошо ли это? Не всегда. Не всегда стоит идти по чужому следу.

Бывает, библиотекарь проявит больше заботы о вашем чтении:

— Что-нибудь почитать? А что именно? Воспоминания о войне, путешествия, жизнь замечательных людей, фантастику, книги о животных?

Иногда такого простого вопроса достаточно, чтобы читатель ответил, что именно его интересует. Ну, конечно, он шел в библиотеку, чтобы взять книгу из серии «Жизнь замечательных людей» или книгу о природе!

Библиотекарь показывает, где стоят книги, о которых идет речь. Дальше читатель может продолжить поиск на полках сам.

Так выбирать книги можно только в массовой библиотеке. В больших и специальных библиотеках книги выбирают с помощью каталогов, картотек, библиографических справочников. На бланке требования там точно пишут название, имя автора, шифр книги, под которым она хранится в данной библиотеке.

Иногда бывает трудно сказать, какого рода книги нас интересуют. Мы стесняемся вслух определить свои вкусы, а то и на самом деле не знаем, к чему нас больше тянет. Это не беда! Прийти в библиотеку, не зная твердо, за чем идешь, лучше, чем не приходить в нее вовсе. Не суметь

в первый раз точно выбрать книгу по вкусу и унести другую лучше, чем вообще уйти без книги. Но все-таки от книги, которую взял, потому что хотел прочитать именно ее, получишь больше, чем от книги, которую взял случайно. Почему? Расскажу занятный случай.

Великий американский писатель Марк Твен прекрасно исполнял сам свои смешные рассказы. Публика хохотала от души. Писатель увлекался философией и однажды решил выступить с лекцией по философскую тему. Собралась большая аудитория. Марк Твен появился на трибуне. Он сказал примерно так: «Добрый вечер, леди и джентльмены! Сегодня мы поговорим о каузальных зависимостях в свете новейших позитивистских представлений...»

Зал покотился со смеху. Лектор пытался продолжать, но каждая ученая фраза тонула в громком хохоте. Люди знали, что Марк Твен — юморист. Они приняли объявление и о лекции и ее мудреное название за пародию. Когда Марк Твен с серьезным видом начал произносить ученые слова, слушатели решили — он высмеивает заумный язык ученых — и захохотали. Они шли повеселиться и веселились...

Уж не помню, где я прочитал эту историю. Суть ее весьма поучительна. Недаром наука психология говорит — наше восприятие меняется от ожидания и предвкушения. Вот пример: вы идете в театр на современную пьесу. И вдруг у входа вас встречает объявление, что спектакль заменяется классической драмой. Этот спектакль, может быть, хорош. Но все равно вам потребуется усилие, чтобы настроиться на спектакль из другой эпохи. И оно не всегда удастся. Недаром актеры не любят играть в спектаклях-заменах. В таком спектакле им трудно установить живую связь с залом. Так и с чтением. Читатель лучше воспринимает книгу, если заранее знает, чего от нее ждет, что в ней ищет. Это облегчает восприятие книги.

Не стану объяснять, что такое рассказ, повесть, роман, поэма, то есть основные жанры, роды, виды художественной литературы. Об этом рассказывают в школе, об этом можно прочитать в книгах по теории литературы. Но есть такие отличия между разными литературными произведениями, которые не укладываются в представления о жанрах, родах, видах. А в них тоже следует разбираться.

«В начале 1840 года расстались мы с Владимиром, с бедной, узенькой Клязьмой. Я покидал наш венчальный городок с щемящим сердцем и страхом; я предвидел, что той простой, глубокой внутренней жизни не будет больше и что придется подвязать много парусов.

Не повторятся больше наши долгие одинокие прогулки за городом, где, потерянные между лугов, мы так ясно чувствовали и весну природы и нашу весну...»

«Я» — это Александр Иванович Герцен, рассказывающий свою жизнь. Прочитрованы строки из IV части его книги «Былое и думы».

«Былое и думы» относятся к очень важному и очень любимому читателям жанру литературы — мемуарам, или воспоминаниям.

Какая разница между мемуарами и воспоминаниями? Да никакой. Слово «мемуары» происходит от французского слова *memoires*, что и значит «воспоминания».

Мемуары причисляют к документальной литературе, в основе которой лежат подлинные события. Мемуары принадлежат и литературе, и истории. Историческая наука рассматривает мемуары как документ, помогающий нам представить минувшее время и действовавших в это время людей. Мемуары не могут заменить исторических трудов, но и исторические труды мемуаров не заменят. Мемуары передают такие подробности, такие краски, которых другие исторические источники обычно не сохраняют. Мемуары позволяют ощутить ушедшие события в живом восприятии их участников.

Некоторые авторы мемуаров, чтобы лучше вспомнить события, происходившие давно, опираются на свои дневники, которые вели в молодости, на переписку прошлых лет, перечитывают давние газеты и документы. Другие авторы пишут воспоминания, целиком полагаясь на память, — поступают так сознательно или потому, что у них не было возможности опереться на документы.

Бывает, что автор мемуаров старается ни в чем не допускать вымысла, строго придерживаться фактов. В. Г. Короленко в предисловии к своим мемуарам «История моего современника» (они принадлежат к самым интересным воспоминаниям в русской литературе) сказал так: «...Я стремился к возможно полной исторической правде, часто жертвуя ей красивыми и яркими чертами правды художественной. Здесь не будет ничего, что мне не встречалось в действительности, чего я не испытал, не чувствовал, не видел».

Но память несовершенна, а взгляд на прошлое неизбежно окрашен и особенностями памяти, и всей личностью автора. В самом отборе событий, о которых вспоминает автор, уже сказывается его характер, его взгляд на действительность. Недаром Короленко назвал свои мемуары не «Мои воспоминания», а «История моего современника». Этим он давал почувствовать, что рассказывает не просто свою историю, но историю, характерную для своего времени.

Воспоминания писали и пишут самые разнообразные люди: ученые, врачи, актеры, педагоги, военные, художники, летчики — люди разных профессий и судеб.

Читатель любит мемуары потому, что в них действуют реальные люди, в них описываются действительно происходившие события. Мемуары — живые страницы прошлого, продолжающего волновать нас и сегодня.

Мемуары — историческое свидетельство. Это так. Этим определяется ценность мемуаров. Но не исчерпывается. Между исторической дей-

ствительностью и тем, как она отразилась в мемуарах, часто бывают большие расхождения.

Русский композитор М. И. Глинка оставил «Записки». Из них мы узнаем много интересного. Прежде всего о том, как смолоду музыка все больше и больше подчиняла его себе. Глинка рассказывает об истории создания многих своих произведений, о своих путешествиях, о людях, с которыми был близок. Узнаем мы и о том, как композитор всю жизнь хворал и как странно его лечили. Все это рассказано живо и непосредственно. Перед нами живой Глинка, звучит его голос, мы видим выражение его лица, привычки, даже странности. Но напрасно стали бы мы искать в «Записках» Глинки сколько-нибудь широкую картину исторических событий, которых он был свидетелем. Он не принимал участия в движении декабристов, но со многими из них был знаком. Когда восстание было разгромлено, Глинка испугался. Само знакомство с декабристами могло навлечь на него беду. Он продолжал бояться много лет спустя, тогда, когда писал «Записки». Он не мог не слышать о том, что происходило на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Вся Россия и вся Европа говорила об этом. Но в «Записках» Глинки нет изображения этого дня, пусть неполного, пусть неточного, — никакого. И все-таки косвенное свидетельство о событиях они дают. Сами умолчания по-своему характеризуют и время и Глинку.

Внутри мемуаров существует много делений, связанных главным образом со степенью их документальной точности. Иногда авторы мемуаров — писатели подходят к мемуарам как к художественным произведениям. В интересах композиции они порой сливают несколько сцен в одну, некоторых людей высвечивают сильнее, других оставляют в тени, о третьих не пишут вовсе. Некоторые авторы воспоминаний этого не скрывают, даже подчеркивают. К самым знаменитым воспоминаниям принадлежит книга немецкого писателя Иоганна Вольфганга Гёте «Поэзия и правда». Он назвал ее так, подчеркнув, что в ней соединены документальная правда и поэтический вымысел. Многие обстоятельства своей жизни, хорошо известные биографам Гёте из других источников, он в этой книге изменил. И тем не менее ни один историк Германии и немецкой литературы, да и ни один читатель, которого интересует жизнь Германии и Гёте, не пройдет мимо «Поэзии и правды». Эта книга говорит не только о том, какими были события тех лет, но и о том, как воспринимались они Гёте, не только о том, каким Гёте был на самом деле, но и о том, каким он хотел представить себя современникам и потомкам. Художественный вымысел, фантазия в этих мемуарах не недостаток, а особенность.

Мемуары, в которых поэтическое начало, художественный вымысел играют особенно большую роль, обычно называют автобиографическими повестями. Прекрасный пример — «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» Аксакова, автобиографический цикл Паустовского «Повесть о жизни» («Далекie годы», «Беспокойная юность»,

«Начало неведомого века», «Время больших ожиданий», «Бросок на юг», «Книга скитаний»). Провести границу между мемуарами писателей и автобиографическими повестями трудно.

Огромная библиотека мемуаров включает книги с самой различной степенью документальной точности. Это надо помнить, читая воспоминания, и не удивляться, что порой одно и то же событие в разных мемуарах изображается по-разному. Сведения, которые содержатся в мемуарах, требуют проверки. Мемуарист, даже самый добросовестный, может забыть или спутать даты, названия, имена. Хорошо, когда издатели мемуаров составляют примечания, в которых указывают на подобные ошибки и исправляют их.

О степени точности в мемуарной и вообще документальной литературе идут горячие споры. Мне кажется в этих спорах убедительной и важной точкой зрения писателя, Героя Советского Союза М. Л. Галлая, в прошлом знаменитого летчика-испытателя, фронтовика. В одной горячей дискуссии о документальной литературе он сказал: «Писатель... имеет право работать в любом жанре — до сказок и легенд включительно. Но читатель имеет по крайней мере одно право: знать! Знать, с чем же он имеет дело!» Иначе говоря, автор воспоминаний, по мнению Галлая, должен предупредить читателя, до какой степени документальны его воспоминания, под подлинными или вымышленными именами выведены действующие в них люди, точна ли хронология, подлинны ли цитаты.

Галлай не только высказал теоретически эту точку зрения, но и написал на ее основе — основе уважения к читателю и его права знать, с чем он имеет дело, — несколько документально-художественных книг. Они проникнуты самым бережным отношением к фактам. Это: «Через невидимые барьеры» и «Испытано в небе» — воспоминания о том времени, когда автор был летчиком-испытателем; «Первый бой мы выиграли» — воспоминания о воздушной обороне Москвы в 1941 году; «С человеком на борту» — воспоминания о подготовке и проведении первых космических полетов человека. И Галлай, и ныне покойный автор воспоминаний о партизанской войне — Герой Советского Союза П. П. Вершигора оказались не только людьми смелыми, много повидавшими, но и настоящими писателями. Вершигора, возможно, догадывался о своих литературных способностях до того, как принялся за свою книгу «Люди с чистой совестью»: был он до войны кинорежиссером, то есть работал в области, к литературе близкой. Галлай смолоду к литературе имел единственное отношение — был читателем. Но жило в них обоих свойство, без которого нет писателя: все важное, сложное, трудное, опасное, что с ними происходило, они видели не только глазами минуты, но и глазами долгой памяти.

«Запомнить! Запомнить! Запомнить!!!» Зачем? Чтобы рассказать об этом людям. Наше представление о прошлом было бы неизмеримо

беднее, скуднее, суше, если б не люди, одержимые желанием сохранить и увековечить в слове быстротекущее время.

Выбирая на библиотечных полках книги воспоминаний о военном и трудовом прошлом, вы столкнетесь с тем, что на многих из них стоят две фамилии. Выглядит это так: Е. Федоров. «Подпольный обком действует». Литературная запись Евг. Босняцкого.

Это одна из лучших книг о войне, о борьбе советских людей в немецком тылу. С перерывом во много лет в журнале «Новый мир» появились новые главы этих записок. Им предпослано вступление, написанное Федоровым, которое объясняет, как создаются такие книги.

«...Мне многократно задавали вопрос самые разнообразные люди, что такое литературная запись? Мы с Евгением Григорьевичем Босняцким, имя которого стоит на первой странице каждого издания, работали над книгой совместно. Я рассказывал — он писал.

Не знаю, как работают другие, — мы с Босняцким обсуждали каждую главу, обсуждали каждую характеристику того или иного действующего лица. За все, что касается исторических фактов, за все, что я увидел и запомнил, ответственность лежит на мне. Никакой отсебятины Босняцкий не допустил. Это же касается и композиции книги, и отбора материала. Долгая совместная работа сблизила нас, мы сдружились, и, хотя я не стал писателем, а Босняцкий партизаном и только воображением воссоздал по моим устным рассказам и рассказам иных соратников картины жизни и борьбы, — наш опыт стал общим и определил стиль повествования». Так коротко, понятно и точно объяснил Федоров, что такое книга в литературной записи, какой она должна быть в лучшем варианте. Книги воспоминаний бывалых людей в литературной записи — распространенный и любимый читателями жанр.

К документальной литературе относятся дневники и письма. Многие начинают в юности вести дневники, но лишь у немногих хватает выдержки вести дневник долго.

Если человек ведет дневник постоянно и подробно, такие записи становятся со временем ценным, иногда ценнейшим документом. В них отражаются и эпоха и поколение. Такие дневники печатались и часто завоевывали интерес читателя. Жил когда-то драматург С. П. Жихарев. Пьесы его успеха не имели. А вот дневники Жихарева с подробными и красочными записями о жизни Москвы и Петербурга начала прошлого века, особенно обо всем, что происходило в театре, привлекли к себе большое внимание читателей и не забыты до сих пор.

Если дневник ведет очевидец и участник больших исторических событий, владеющий зорким зрением и наделенный даром слова, такой дневник особенно интересен читателям.

Один из самых ярких примеров — двухтомная книга К. Симонова «Разные дни войны. Дневник писателя». Эта книга привлекла к себе множество читателей.

Каждый, кто хочет представить себе суровую действительность военных лет, прочитает два этих тома с неослабевающим интересом. Большое уважение вызовет самодисциплина писателя, которая заставляла его даже в невероятно трудных и опасных обстоятельствах вести эти записки. Автор рассказывает в предисловии, какого рода материал содержит эта книга: записи, сделанные непосредственно на месте и во время событий; записи, сделанные чуть позже, когда удавалось расшифровать беглые заметки; наконец, уточнения и дополнения, внесенные много лет спустя. Все это включено в «Дневник писателя» так, что читателю ясно, с чем именно он имеет дело.

Важность дневников Симонов осознал очень давно и сказал об этом так:

«Что касается писателей, то, по моему мнению, сразу же как кончится война, им нужно будет привести в порядок свои дневники. Чтобы они ни писали во время войны и как бы их за это ни хвалили, все равно на первый же день после окончания войны самым существенным, что они сделали на войне и за войну, окажутся именно их дневники».

В словах этих, написанных еще во время войны, как потом признал сам автор, было некоторое преувеличение. Но суть мысли и важна, и справедлива: дневники, написанные писателем — очевидцем великих и грозных событий, становятся впоследствии очень нужными документами — нужными для самого писателя, как опора в будущей работе, нужными для историков, как бесценное свидетельство участника событий, нужными и читателю. Они интересны именно в том виде, в каком были когда-то написаны. Вот мнение Симонова, опубликовавшего свои дневники военных лет, о принципе, которому он при этом следовал:

«...Автор — хозяин своего дневника, он может его включать или не включать в воспоминания, может одни записи из него брать, а другие опускать. Может он, в конце концов, и приводить из своего дневника такие записи, с которыми он сейчас не согласен, но которые были характерны для него в то время, приводить их и комментировать с точки зрения своих сегодняшних взглядов на вещи. Можно поступать по-разному; не следует только делать одного: сохраняя в дневнике старые даты, вписывать в него новые мысли, свойственные автору теперь, но несвойственные ему тогда. Даже при всей своей правильности эти мысли, вставленные в дневник спустя 15—20 лет, будут выглядеть заплатками, будут казаться неестественными или недостаточно обоснованными для того времени. Такого насилия над собственными дневниками не надо производить никогда, ни в каких случаях».

Мне кажется, что это требование или, скажем мягче, это пожелание — справедливо. Однако ему следуют не всегда и не все авторы, публикующие дневники. Поэтому тут можно, перефразируя старую поговорку, сказать: «На автора надейся, а сам не плошай!», то есть учись сам, имея дело с литературой, которая выходит под рубрикой «Докумен-

тальная», — прежде всего с воспоминаниями и дневниками — отличать факт от вымысла. Это нелегко, но приходит со временем и с опытом.

Мы спешим, нам не хватает времени написать письмо. Мы предполагаем позвонить по телефону, дать телеграмму, торопливо черкнуть открытку. А было время, когда для родных и друзей письма были важнейшим средством общения. Люди, бесконечно много трудившиеся, писали длинные письма, рассказывали в них о своих планах, мыслях, делах, о прочитанных книгах, о спорах, в которых участвовали, — обо всем.

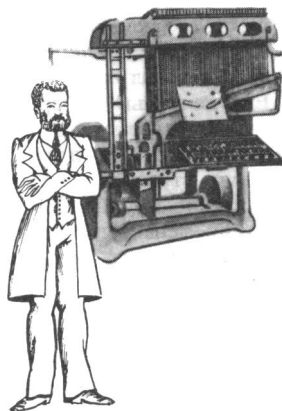
Переписка многих выдающихся людей длилась десятилетия и стала и памятью о прочной дружбе, и важнейшим документом истории. Недавно впервые были опубликованы письма двух замечательных поэтов, которые всю жизнь дружили, — письма М. В. Исаковского и А. Т. Твардовского. По ним видно, как они были друг другу нужны, какой подержкой и радостью было для них это общение.

Письма пишутся обычно под первым впечатлением события. В переписке друзья бывают очень откровенными, недруги — очень резкими. В этой свежести, непосредственности и искренности, иногда и в резкости — их особая ценность.

Когда Паустовский говорил нам о книгах, которые обязательно должны быть прочитаны, он назвал письма знаменитого художника Винсента Ван-Гога брату Тео. Мне показалось это странным: как так, читать письма? Скучно. И поначалу читать было действительно трудно: появлялось сразу много имен людей, хорошо известных обоим авторам писем, а мне ничего не говорящих, подробности жизни семьи, которую я себе представить не мог, названия картин и рисунков. Потом я вчитался и не мог оторваться.

Недавно вышла замечательная книга «Письма русских писателей XVIII века» (Л., Наука, 1980). В ней представлены письма и самых знаменитых писателей того времени — Тредиаковского, Сумарокова, Фонвизина, Державина, Новикова, и литераторов менее известных. Почти все письма публикуются впервые. Из них мы узнаем, как трудно добивались писатели общественного признания и уважения к своему труду. И о том, как они стремились к выразительности, ясности, энергичности слога, искали и создавали обороты для выражения и самых простых и самых сложных понятий, которых прежде язык не имел.

Публикации подлинной переписки не надо путать с произведениями эпистолярного жанра (от латинского слова *epistola* — послание, письмо), то есть с прозой или стихами, написанными в форме посланий, писем. В русской литературе много эпистолярных произведений, например: «Бедные люди» Достоевского, «Ванька Жуков» Чехова, «Письмо к матери» Есенина. Иногда в них, как основа, используются подлинные письма, которые попали в руки писателя, иногда ссылка на такие письма — художественный прием.

ЛИНОТИП И РОТАЦИЯ

Способ печатания, изобретенный Гутенбергом, совершенствуясь в частности, но в основе своей неизменный, просуществовал до XIX века.

В XIX веке ручной набор стал казаться слишком медленным, особенно для газет. Они состязались друг с другом в том, кто раньше сообщит читателю свежие новости. А самый лучший ручной наборщик может набрать в час не больше 2000 букв, и долго ему такого темпа не выдержать. 2000 букв — это одна заметка в газете. Небольшая. Книжный набор не требовал такой спешки, но и без спешки он утомителен. Наборщики уставали, много болели, рано старились.

Одни изобретатели мечтали ускорить набор, другие — облегчить труд наборщиков. Большинство попыток оказалось неудачными. Они забыты. Одному из изобретателей, бившемуся над созданием наборной машины, отдал все свои сбережения Марк Твен, который в молодости работал наборщиком и мечтал помочь собратьям. Увы! Машина, которую изобрел его знакомый, работать не стала.

Наконец появилась машина, которая полностью механизировала набор. Это было в 1884 году. Называется она линотип. Ее изобретатель, часовщик по профессии,

американец немецкого происхождения Отмар Мergенталер, заслуживает того, чтобы мы помнили его имя. С некоторыми изменениями и усовершенствованиями линотипы работают в типографиях до сих пор.

Линотип заряжен буквами, вырезанными на пластинках из латуни, — матрицами. В этом он прямой наследник Гутенберга. Матрицы не выпуклые, а углубленные, не перевернутые, как в зеркале, а такие, как в книге.

Линотипист глядит на рукопись, записывает кусочек текста и нажимает на клавиши. Они похожи на клавиши обычной пишущей машинки. Латунная буква освобождается из хранилища — магазина, который расположен наклонно, и по желобу попадает в верстатку. Латунные буквы становятся одна за другой, образуя строки. Когда наборщик доходит до пробела между словами, он нажимает клавишу, обозначающую пробел. Теперь в верстатку падает клин, на котором буквы нет. Он займет место между другими пластинками. Здесь при печатании получится пропуск. Из латунных букв, знаков и пробелов собралась целая строка. Нажим рычага. Строка уезжает в другое отделение машины. Это маленький литейный цех. Он заменил ручной прибор Гутенберга для отливки букв. В литейном цехе металл отливается в формы. То же самое происходит и в линотипе.

Строка, собранная из латунных букв, служит дном литейной формы. В форму наливается расплавленный металл, заполняет все углубления, и через мгновение на століке линотипа появляется только что отлитая еще горячая строка. Металлические строки, из которых состоит статья, обвязывают шпагатом, чтобы они не рассыпались, переносят на стол, намазывают черной краской, кладут сверху узкую полосу бумаги, прижимают ее сверху прессом, и статья отпечатывается. Этот способ печати похож на старинный. Но пресс усовершенствован, да и печатают им только пробные оттиски.

Почему таким прессом нельзя печатать газеты и книги?

Печатать-то можно, только это будет бесконечно медленно. Как часто бывает в технике, одно изобретение потянуло за собой другое. Новая наборная машина потребовала новой печатной.

Во времена Гутенберга для этого служил простой печатный станок — родственник прессы, который применялся во многих ремеслах. Он давал оттиски хорошего качества, но работал медленно. Трое опытных печатников могли за десять часов работы (столько и даже дольше продолжался тогда рабочий день печатников!) отпечатать 1000 оттисков. Трудом многих изобретателей постепенно было придумано много скоростных машин. Особенного ускорения удалось добиться, когда печатную форму начали укреплять на круглый барабан и печатные машины стали работать, стремительно вращая печатные валы. Современные огромные печатные машины так и называются ротационные (от латинского слова *rotatio* — круговращение).

Как согнуть печатную форму, собранную из отдельных строк, чтобы прикрепить ее к круглому валу и чтобы строки не рассыпались? Не привинчивать же каждую строчку в отдельности!

На готовую полосу накладывают влажные листы тонкого картона или мягкой пластмассы, потом нажимают на них пресом. Из-под прессы страницы выходят оттиснутыми на листах картона или пластмассы. Отличаются они только тем, что толще, чем лист газеты или книги, и буквы на них не отпечатаны краской, а вдавлены. Это матрицы. Их изгибают, а потом заливают расплавленным металлом. Он остывает, и перед нами будущая страница, точнее страницы: на одной матрице помещается целый лист, несколько страниц будущей газеты или книги в новом обличье: не картонном или пластмассовом, а металлическом. Буквы стали опять перевернутыми и не вдавленными, а выпуклыми.

Теперь эстафету приняли мастера, которые отливают по матрицам печатные металлические формы. Их называют стереотипами, а мастеров — стереотиперами.

От них эстафета переходит к фрезеровщикам. Стереотип появляется на свет с неровными краями. Лишний металл нужно убрать. В типографии вы услышите не только звуки печатных машин, но и скрежетание фрезерных станков. На них фрезеруют стереотипы, то есть спиливают с них лишний металл. Наконец, стереотипы готовы.

Способы скоростного набора и печатания первоначально были придуманы для печатания газет и журналов. Потом их перенесли и на книги.

Современный линотип не похож на приспособления для ручного набора времен Гутенберга, современная ротация не похожа на его печатный станок. И вместе с тем они состоят в ближайшем родстве. Гутенберг печатал при помощи высокой печати. Его печатные литеры были выпуклыми. Он отливал их по одной букве. Наборщик, работающий на линотипе, отливает их целыми строками, но у строк этих тоже выпуклые буквы. Изготавливаются они, как во времена Гутенберга, при помощи латунных матриц. А матрицы — при помощи пунсонов, на которых вырезается шрифт.

Так что путь: пунсон — матрица — литера — оттиск, придуманный Гутенбергом, сохраняется в современной высокой печати. Правда, он удлиняется: пунсон — латунная матрица — литера — оттиск на картонной или пластмассовой матрице — стереотип — оттиск на бумаге. Но весь этот путь — и более короткий, и более длинный — это путь высокой печати. Обыкновенный технический термин, но мне он кажется поэтическим: высокая печать — высокое искусство печати!

Чтобы стереотип был прочным и надежным, его покрывают никелем или хромом. Как это делается, можете прочитать в учебнике физики и химии. Никелированный или хромированный стереотип готов. Его отвозят к печатной машине и привинчивают на ее круглые барабаны. Теперь можно начать печатать книгу или газету.

И тут наступает торжественный миг! Начинает работать большая ротационная машина. Сквозь нее течет бесконечная бумажная река. Оторваться от этого зрелища невозможно, как от текущей реки...

Линотипы и ротации работают до сих пор во многих газетных и книжных типографиях. Они усовершенствованы по сравнению с теми, какими они были когда-то. Но их принцип остался прежним.

Почему же о них рассказано под заголовком «Немного истории»? Да потому, что они постепенно уходят в прошлое, уступают место другим, новым, более современным способам печати.

ЧТЕНИЕ С ПРЕДВКУШЕНИЕМ (продолжение)

Следить за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин

ы, конечно, встречали в библиотеках книги, на переплетах которых стоят три буквы — «ЖЗЛ» и изображен пылающий факел. Это книги из серии «Жизнь замечательных людей», горячо любимой читателем.

Серия начала выходить давно, еще до Великой Отечественной войны. Ее вдохновителем был Алексей Максимович Горький. В первые годы существования серии в ней было издано несколько десятков книг. Выходили они сравнительно небольшими тиражами и стали редкостью.

История библиотеки «Жизнь замечательных людей» глубже уходит в прошлое. Тоненькие книжки под таким общим названием выпускал в прошлом веке издатель Ф. Ф. Павленков, человек передовых взглядов, убежденный демократ, которого царское правительство преследовало и ссылало. Среди 200 жизнеописаний, изданных им, были биографии не только писателей и ученых, но и деятелей освободительного движения. Многие читатели, которые сами стали выдающимися людьми, с благодарностью вспоминали книги, изданные Павленковым.

Биографии знаменитых полководцев, путешественников, государственных людей, ораторов, ученых всегда занимали читателей. Недаром молодые люди прошлого, которые стремились достичь в жизни больших целей, зачитывались Плутархом. Это был древнегреческий писатель и философ. Он написал биографии многих великих людей Греции и Рима. Жизнеописания Плутарха не утратили своего интереса до сих пор.

Но вернемся к жизнеописаниям, что выходят в наши дни. Это очень разные работы. Не только потому, что посвящены они разным людям, но и потому, что об их жизни рассказывают очень разные авторы.

Вот два примера. В серии «ЖЗЛ» книгу о выдающемся деятеле Великой французской буржуазной революции Жан-Поль Марате написал ученый-историк, профессор А. З. Манфред. Он опирается на многие научные труды, на документы, некоторые из них публикует впервые. Книга его обращена к широкому читателю и написана увлекательно.

Но это не роман, не повесть. Эта книга стоит ближе к научному исследованию, изложенному в доступной форме.

Книгу «Мольер» для той же серии написал писатель М. А. Булгаков. Он тоже изучал источники, но не архивные, а опубликованные. Чтобы выяснить некоторые детали, он списывался с людьми, жившими во Франции, узнавал у них, например, как выглядела улица, где провел последние годы жизни Мольер. Но исследования о Мольере он писать не собирался, а написал повесть, в которой дал простор художественной фантазии.

Вот характерное различие между этими книгами: когда ученый Манфред чего-нибудь о Марате не знает, он оговаривает — это пока еще неизвестно. Писатель Булгаков пользуется веками освященным правом писателя дорисовывать неизвестное воображением, не оговаривая свои художественные догадки.

Звучат оба повествования различно. В булгаковской повести много монологов и диалогов, хотя автор часто не мог знать, что именно и в каких выражениях при тех или иных обстоятельствах говорил Мольер друзьям и недругам, а основывался на художественной догадке.

В манфредовской книге о Марате прямая речь возникает только тогда, когда она засвидетельствована документами.

Это не значит, что одна книга лучше, другая хуже. Просто они разные.

За последнее время внимание читателей особенно привлекли некоторые новые серии жизнеописаний. Издательство «Политическая литература» выпускает библиотеку «Пламенные революционеры». Эта серия была начата издательством лет десять с лишним назад. С тех пор в ней вышло около восьмидесяти книг. Ее тома, написанные писателями, посвятившими себя историко-биографическому жанру, скоро привлекли внимание читателей, завоевали доверие, заслужили популярность. Достаточно сказать, что начиналась библиотека с тиража в 100 000 экземпляров, потом стала издаваться тиражом в 200 000, теперь большинство книг этой серии выходит тиражом в 300 000 экземпляров. Это огромная цифра! И книги, которые составляют серию «Пламенные революционеры», в магазинах пользуются очень большим спросом и в библиотеках на полках не застаиваются, они всегда на руках.

В серию «Пламенные революционеры» входят книги о мужественных борцах за свободу и народное счастье. Читателей заинтересовали, например, книги «Сердце моего Марата» писателя А. П. Левандовского о французском революционере, деятеле Великой французской революции, и «Опоясан мечом» — повесть об итальянском революционере Джузеппе Гарибальди. Книгу о Гарибальди написали один из старейших советских писателей Николай Атаров, ныне скончавшийся, и Магдалина Дальцева.

В серию входят книги о русских революционерах XIX века — декабристах, петрашевцах, народолюбцах. Среди этих книг одна из самых

увлекательных — повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле «Апостол Сергей» Натана Эйдельмана и повесть о народовольце Александре Михайлове «Завещаю вам, братья» Юрия Давыдова. Многие из этих книг, в том числе и названные, возникли на основе долгих и упорных разысканий в архивах, в них использован материал, открытый их авторами, которые выступают не только как литераторы, но и как исследователи. Вот, например, в книге Вл. Савченко «Тайна клеенчатой тетради», повествующей о Николае Клеточникове, который по заданию «Народной воли» проник на работу в самый центр политического наблюдения и сыска царской России и предупреждал революционеров об опасностях, много нового, ранее никому не известного материала о ранних годах жизни героя.

Наибольшее внимание серия посвящает революционерам — соратникам В. И. Ленина, первым большевикам, революционерам — полководцам гражданской войны и деятелям молодой Советской Республики. Это книги об Иване Бабушкине (Александр Борщаговский. «Сечень»), о Викторе Ногине (Юрий Чернов. «Любимый цвет — красный»), об Александре Мясникане (Мих. Шатирян. «Генерал, рожденный революцией»), о Григории Петровском (А. Савчук. «Прямой дождь»). Здесь названо для примера лишь несколько книг из числа вышедших в последние годы.

Книги серии «Пламенные революционеры» посвящены разным людям, разным периодам истории, написаны разными авторами, поэтому это очень разные книги. И это хорошо! Но читатель, который обращается к ним, может быть уверен: основа этих книг строго и надежно документальна, на нее можно положиться. Вместе с тем история и биография героя предстает в этих книгах в художественно-образной форме, она воссоздается в своих наиболее драматических и увлекательных моментах. Авторы серии «Пламенные революционеры» стремятся, каждый для своей книги, найти способ подхода к материалу, прием построения повести. Например, увлекательнейшая повесть Юрия Давыдова об Александре Михайлове построена как записки двух людей, его знавших, причем один из авторов записок — реально существовавшее лицо, литератор, хранивший архив «Народной воли», который, однако, таких записок не писал. Второе лицо — молодая женщина передовых убеждений, сочувствовавшая делу Михайлова, впоследствии медицинская сестра на Балканском фронте, лицо вымышленное. Но и те и другие записки выглядят абсолютно убедительными, сведения, которые они сообщают о Михайлове, достоверны.

Александр Борщаговский, строя свое повествование об Иване Бабушкине, берет только небольшой период его жизни — месяцы, от отъезда из Верхоянской ссылки до гибели в Байкале. Но и этих тесных рамок оказывается достаточно, чтобы перед читателем возник живой и волнующий образ.

Остается добавить, что книги серии «Пламенные революционеры» выходят в хорошем оформлении, с иллюстрациями, авторы которых стремятся передать дух эпохи и характер героя.

Издательство «Искусство» выпускает серию «Жизнь в искусстве». Она посвящена русским и зарубежным художникам, скульпторам, драматургам, актерам театра, кино и цирка. Книги этой библиотеки не только увлекательно написаны, они включают много интересных иллюстраций (репродукции скульптурных произведений и картин, сцены из спектаклей, кадры кинофильмов) и пользуются большим успехом у широкого круга читателей.

Увлекательно повествуют о выдающихся художниках небольшие иллюстрированные книги «Рассказы о художниках» (издательство «Советский художник»).

Издательство «Мысль» выпускает серию «Мыслители прошлого». Эти книги считаются научно-популярными, но они, надо сказать, рассчитаны на читателя взрослого и достаточно подготовленного. Однако те из вас, кто интересуется историей и философией, могут обратиться к ним. Ничего, если поначалу чтение это покажется трудноватым, оно себя вознаградит!

Книги о жизни замечательных людей бывают разными — от научно-популярного биографического очерка до биографического романа. Вместе они составляют Большую Библиотеку Жизнеописаний.

Над этими жизнеописаниями работают и писатели, и ученые. Последнее время в книгах, посвященных великим людям, можно заметить одну особенность. Писатели, которые трудятся над ними, все больше прибегают к научным методам: работают в архивах, изучают неопубликованные документы, сопоставляют источники, создают образы героев на основе фактического материала. А ученые все больше стремятся к тому, чтобы их рассказ о великих людях был художественным, стиль повествования — образным, слог — ярким. Наука и литература учатся друг у друга, протягивают друг другу руки. Больше всего от этого выигрывает читатель.

Биографии замечательных людей населяют историю живыми судьбами, надеждами, поисками, страданиями, бедами, радостями. Они рассказывают, как многообразен человеческий труд. Можно раскопать Трою. Можно проложить путь во льдах. Можно открыть средство от страшной болезни. Можно писать картины. Создавать музыку. Изобретать машины. Лечить людей. Воевать за их счастье. Бороться за справедливый общественный строй. Биографии замечательных людей рассказывают о самоотверженности, мужестве, упорстве, о подвиге. Часто о пути, избранном в юности и даже в детстве. О великих целях, о решениях, принятых рано и осуществлявшихся всю жизнь.

Это жизнеописания обладают силой великого воздействия. Они — призыв и пример. Недаром в биографиях многих политических деятелей,

ученых, путешественников, изобретателей занимают такое место книги об их предшественниках, прочитанные в юности.

Книги о великих людях нередко ставят перед нами сложные вопросы. Например, такой. Часто великий человек отваживался на поступки и мысли, которые далеко опережали его время, для которых еще не была готова историческая почва. Нередко он этим губил себя и приносил беды своим близким. Так было, например, с Кампанеллой и декабристами. Оправданны ли были их страдания, нередко даже гибель? Что они могли изменить в мире? И может быть, правы те, кто считает, что Галилей, покаявшийся перед судом инквизиции и тем спасший себя, был мудрее, чем Бруно, который отказался от покаяния?

Я не отвечаю здесь на этот вопрос. Для этого нужно было бы написать не страницу, не главу, целую книгу. Скажу сразу, что не всегда тот, кто пишет книгу о великом человеке, опередившем свое время, сам знает ответ на этот и другие, не менее сложные вопросы. Я недавно опубликовал книгу о Кампанелле. В его судьбе и мыслях много загадочного. Но я и не пытаюсь ответить на все вопросы, с ним связанные. Я приглашаю читателя задуматься над ними вместе со мной.

Или вот еще вопрос. Не все выдающиеся люди были хорошими людьми. В самом обычном смысле слова. Прочитав книги Е. Тарле и А. Манфреда о Наполеоне вы поймете — он был незаурядным человеком, оказавшим большое влияние на судьбу Франции и Европы, произвел огромное воздействие на многих больших мыслителей и писателей своего времени, внес много нового в военное искусство и законодательство. Но он же принес народу собственной страны и народам других стран много горя. У него было много отталкивающих черт. Он был не только честолюбив, но и тщеславен. При его дворе процветали лесть, низкопоклонство, угодничество. Он мог возвысить человека одним своим словом и одним своим словом уничтожить. Он был жесток с близкими. Коварен. Уверен в собственной непогрешимости. А ведь обладал смолоду многими прекрасными качествами: умом, энергией, даром убеждения, обаянием, неслыханной трудоспособностью. Книги Манфреда и Тарле помогают понять, как иногда сложно соотносится гений с добротой, совестью, человеколюбием, как, увы, нередко эти качества не совпадают.

А вот другой пример. Биография Альберта Швейцера — музыканта, ученого, врача. Уже прожив немало лет, он решил помочь людям в далекой Африке, в одном из самых глухих и бедных ее районов. Создал в африканских джунглях больницу для местного населения. Сумел собрать вокруг себя надежных помощников. Долгие годы бесплатно лечил местных жителей, которые прежде не получали никакой медицинской помощи. Постепенно приобрел среди них, да и далеко в мире, огромный авторитет. Отдал этому делу большую часть своей жизни. До самой смерти. Конечно, даже с помощью других людей, которых он вдохновил своим примером, он не смог изменить жизнь за пределами своей больницы,

ни в той стране, куда приехал, ни тем более в мире. Создание Швейцера пережило его ненадолго. А идеи его остались и живут. Вдохновляют последователей.

Честность, скромность, доброта, самоотверженность Швейцера были не только важнейшими сторонами его собственного характера, они были основой его деятельности. Об этой удивительной жизни вы можете прочитать в книге серии «ЖЗЛ», которую написал журналист Б. Носик.

Эти и другие жизнеописания великих людей показывают, какое место такой человек занимает в истории, как его поступки определяются социально-исторической обстановкой, как на них сказывается его собственный характер и воля.

Библиотека жизнеописаний великих людей постоянно побуждает к важным размышлениям о природной одаренности человека, о его ответственности перед своим талантом, о его нравственности, об эгоизме одних и самоотверженности других, о целях, которые ставили перед собой знаменитые революционеры, ученые, политики, художники, поэты, и о путях, которыми они к этим целям шли.

Когда летчик-космонавт А. А. Леонов впервые в истории человечества вышел в открытый космос, в одной школе произошел такой случай. В классе раздался изумленный возглас: «Хоть убей, не понимаю, как он на Землю не свалился!» Ребята рассмеялись: они-то понимали.

Они понимали это, так же как грамотный человек понимает, почему поднимается самолет в воздух, почему в динамике радиоприемника возникает звук, а на экране телевизора — изображение, почему для тех, кто находится в космическом корабле, выведенном на орбиту, нет ни верха, ни низа, почему бессмысленна попытка точно определить орбиту электрона и почему можно предсказать, какой окраски будут лепестки цветов, получившихся от скрещивания двух сортов горошка...

Мы не всегда задумываемся над тем, откуда у нас эти и множество других сведений из самых разных областей науки и техники. Ведь не все из того, что мы понимаем, что можем объяснить, мы узнали в школе. Не все из нас были прилежными учениками. Мы не всегда умели связать то, что читали в учебниках, и то, о чем слышали на уроках, с вопросами науки и техники, о которых узнавали помимо школы. Да и события в мире науки и техники развиваются так стремительно, что школьным программам и учебникам за ними никак не успеть.

В наше время один из самых важных источников информации о разных областях науки и техники — научно-художественная книга. Вы читали книги А. М. Ливановой «Три судьбы», Д. С. Данина «Неизбежность странного мира», Г. Б. Башкировой «Познай самого себя», А. К. Сухотина «Парадоксы науки»? Я назвал несколько научно-художественных

книг для примера. Выбрал, конечно, хорошие. Если не читали, прочитайте! Многие сложные проблемы современных наук они делают нам понятнее и ближе. (Книга Данина — физику, книга Ливановой — математику, книга Башкировой — психологию, книга Сухотина — философские проблемы развития наук.)

Наука и техника пронизывают всю современную жизнь, определяют собой многие ее стороны и ее сложнейшие проблемы. Не представлять себе — хотя бы лишь в самом основном — этих проблем — значит не понимать многого в окружающей жизни, идти сквозь нее слепым и глухим. И неизбежно восклицать при каждом новом событии в области науки и техники: «Хоть убей, не понимаю!» И легковерно попадаться на всякие рассказы, например, то о магическом взгляде, который усилием воли приводит в движение магнитную стрелку, то о холодильнике с КПД более единицы. А кстати сказать, можете вы объяснить, почему о любом сообщении, где будет написано, что кто-то изобрел «вечный двигатель» (я беру самый простой случай!), можно сказать, что это вранье или, мягче говоря, ошибка, так же как и о сообщении о холодильнике или любом другом устройстве с КПД более единицы? А если не сможете, знаете ли вы, где прочитать об этом?

Тот, кто обладает основными и необходимыми знаниями в науке, вряд ли поддастся лженаучным сенсациям.

Но разумеется, основные знания в области точных наук и техники нужны не только для того, чтобы не попасть впросак. С этими знаниями интереснее жить на свете, а часто они просто необходимы.

Вот почему не проходите в библиотеках мимо тех полок, где стоят книги научно-художественные.

Современная научно-художественная литература выполняет трудную и благородную задачу: она переводит сложнейший язык современной науки на язык, понятный широкому читателю.

Как же она ее решает? Коротко и просто этого не объяснить. Если научно-художественная книга рассказывает всякие занимательные подробности о жизни ученого (она может их рассказывать), приводит занимательные сведения о его времени (она может их приводить), украшает свои страницы забавными фигурками человечков, обозначающих, допустим, частицы вещества (она может украшать ими страницы), но обходит самую суть исследования, само содержание научного поиска, спора, исканий, — она, по-моему, не выполняет своей главной задачи.

Но описать саму суть проблемы, открытия, объяснить ее обычными словами, без формул, почти без специальных терминов, трудно, невероятно трудно. Как описать словом то, что часто не только нельзя увидеть, но даже вообразить себе невозможно, например пространство, в котором измерений больше, чем в том мире, где мы живем?

Язык научно-художественной литературы, так же как язык художественной литературы вообще, — язык образов. А художественный

образ обладает удивительным свойством: соединяя вместе понятия и представления неожиданные, часто далекие друг от друга, перенося признаки одного явления на другое, описывая и определяя целое по его части, сталкивая противоположные качества и свойства, увеличивая изображаемое, как через увеличительное, или, уменьшая, как через уменьшительное стекло, он придает словам особую силу и значение, помогает выражению мысли и будит фантазию.

Художественный образ, иногда выраженный в одном слове, а иногда занимающий целую страницу, не заменяет научный термин, но он может передать гораздо больше, чем термины. Картиной, сравнением, метафорой, в нем заключенной, он позволяет почувствовать, вообразить себе то, что стоит за термином. На помощь логике он призывает фантазию, а для нее нет ничего невозможного.

Между прочим, сами исследователи точных наук, когда они впервые сталкиваются с неизвестными прежде явлениями, употребляют для них образные названия. Так появлялись в науке «белые карлики», «демоны Максвелла», «черные дыры».

И все-таки секрет научно-художественной литературы, как секрет всякого искусства, столь сложен, что его коротко не объяснишь. Почувствовать его можно, только читая лучшие ее образцы.

К научно-художественной литературе примыкает научно-популярная. Грань между ними провести трудно. Автор научно-популярной литературы может прибегать к сравнениям, метафорам и другим средствам образной речи, но они у него не главное средство. Автор научно-популярной книги продолжает работу, которую делает учебник, но рассказывает читателю больше, чем учебник, привлекает более широкий материал, позволяет себе отступления от главной темы. В основном он идет по тому же пути, по которому идет учебник, объясняет неизвестное через известное, непонятное через понятное, таинственное через очевидное, сложное через доступное. На этом приеме строится все обучение с тех самых пор, как человек начал учиться.

Автор научно-популярной книги мысленно представляет себе, что уже знает читатель, для которого он пишет, и строит на этой основе здание своей книги. Авторами научно-художественных книг обычно выступают писатели; авторами научно-популярных — ученые или литераторы, сделавшие своей специальностью популяризацию науки.

Но вот ведь какая неожиданность! Оказывается, физик Майкл Фарадей сказал однажды решительно: «Популярные книги никогда научить не могут». Тут есть над чем призадуматься и тем, кто эти книги пишет, и тем, кто эти книги читает. Резкие слова Фарадея приводит Д. Данин в книге «Перекресток» — о связях литературы и науки. Но, по его словам, сам Фарадей опроверг это суждение, когда на склоне лет стал беседовать в стенах Королевского института о тайнах химии с лондонскими подростками. Так возникла знаменитая «История свечи» —

научно-популярные очерки Фарадея о химии горения, свойствах пламени и источниках света. Хотя они принадлежат прошлому науке, читать их очень интересно до сих пор. Научно-популярные книги Тимирязева, Ферсмана, Мечникова, Лункевича, Перельмана, вопреки запальчивым словам Фарадея, научили многих многому, как и его собственные книги. В одних читателях они разбудили интерес к будущей специальности и желание от популярных книг перейти к книгам более сложным. Другим помогли составить себе общее представление о той области, которой они заниматься не будут, но о которой необходимо знать главное. Словом, сомневаться в том, что научно-популярные книги могут дать читателям полезные уроки, не приходится.

Передо мной книга физика В. Е. Эскина «Мир невидимых гигантов. Рассказ о молекулах-гигантах». Предисловие автора имеет отношение не только к самой книге. В нем, на мой взгляд, справедливо говорится о важных особенностях научно-популярных книг. Автор пишет, что он пытался рассказать здесь о науке в нелегком жанре научно-популярной книги. «Нелегком потому, что герой такой книги, а им является сам предмет науки, сопротивляется попыткам развлекать читателя. Этот герой требователен и ждет от читателя внимания непосредственно к себе, внимания бескорыстного и искреннего». Точно и хорошо сказано! Читал я эту книгу дважды. Первый раз, обращая в основном внимание на исторические сведения: как европейцы впервые увидели мячи из каучука на Гаити, как люди научились делать оптические инструменты, какие случаи были в жизни Галилея, — на все, что мне было особенно интересно и понятно без труда. А те места, где встречались физические и химические формулы, я пропускал.

В школьные годы мне не давалась математика, и я убедил себя, что у меня к математике нет способностей. Меня очень интересовала физика. Но в учебнике по физике я читал лишь описательную часть, избегая формул и задач. То же и с химией. И вот с опозданием на многие годы стал наверстывать упущенное. Многое потеряно необратимо. Нет основ. Нет времени, чтобы заложить их. Не та память. Но я не утратил надежду. В издательской аннотации к книге Эскина написано: «Задача этой книги — предоставить возможность максимально широкому кругу читателей ознакомиться с основными идеями и началами физики макромолекул. С этой целью последние изложены здесь в простой (без привлечения сложного математического аппарата) форме. Это делает книгу доступной, как старшеклассникам и студентам, так и читателям различных профессий и специальностей». Уж если старшеклассник может, то и я не отступлю! Я решил прочитать «Мир невидимых гигантов» второй раз, ничего не пропуская, вникая в формулы и разглядывая чертежи.

Скажу по совести, простой аппарат этой книги для меня оказался достаточно сложным. Но я одолел эти страницы. И не пожалел. Было такое же чувство, когда я увлекся шахматами и постепенно стал понимать

смысл не только беллетристических описаний того, что происходит на турнире: «Гроссмейстер надолго задумывался. Сказывался возраст, который не позволял так быстро, как прежде, рассчитывать в уме разветвленные варианты», но и комментариев к ходу, записанному шахматной нотацией, например: «6...Фе 5!? — рискованно! Подготовка размена белопольных слонов потребует много времени.

20... Кd4! — „спящий конь“ неожиданно проснулся! Он становится теперь главной фигурой».

А потом я дал прочитать книгу «Мир невидимых гигантов» знакомому десятикласснику.

— Не знаю, не будет ли трудна тебе.

Он вернул мне книгу через несколько дней:

— А что в ней трудного?

Признаюсь, я порадовался за него. Я учился, в общем, неплохо, но мне, когда я был в X классе, книга «Мир невидимых гигантов» была бы, безусловно, не по зубам! А сегодняшний десятиклассник разобрался в ней без особого труда. И мне объяснил то, чего я в ней толком все-таки сам не понял.

«Как вы относитесь к научной фантастике?» — спрашивают меня нередко читатели на встречах в библиотеках. Иногда вопрос звучит более ревниво: «Почему вы ничего не сказали о научной фантастике?»

Ответить на этот вопрос мне нелегко. Можно, конечно, сказать так: отношусь я к научной фантастике хорошо, а книги некоторых авторов — братьев Стругацких, Станислава Лема, Рея Бредбери, Ивана Ефремова, Айзика Азимова люблю. Но знаю я научную фантастику недостаточно. А это обширная область литературы со своей историей и теорией. Но некоторые мысли о научной фантастике решусь высказать.

Мне кажется, что в свое время научная фантастика выполняла задачи, сходные с научно-художественной литературой. Она знакомила читателя художественными средствами с научными сведениями и гипотезами.

В романах Жюль Верна обычно делалось одно фантастическое предположение: допустим, изобретена подводная лодка, которая может находиться сколь угодно долго под водой и проплыть сколь угодно большие расстояния. Это предположение было в его время фантастическим: никто такую подводную лодку тогда построить еще не мог.

Но сведения о жителях морских глубин, о подводных течениях, о содержании минералов в морской воде и о многом другом, которые в связи с плаванием «Наутилуса» сообщал Жюль Верн, были достоверными. Они отвечали уровню науки того времени. То же самое можно сказать о плавании лорда Гленарвана в поисках капитана Гранта. Все сведения о растительном мире и животном царстве тех земель, куда попадает экспедиция лорда Гленарвана, разыскивающая капитана

Гранта, соответствуют научным представлениям XIX века. Читатель, увлеченный сюжетом романа, следя за ним, узнавал попутно много полезного и важного и о Южной Америке, и об Австралии. В научной фантастике того рода, который создал и классиком которого был и остается Жюль Верн, очень сильно выражалось познавательное, просветительское начало.

Современная научно-фантастическая литература, мне кажется, таких задач перед собой не ставит или ставит их в очень малой степени. Расширять по ней свои представления о физике, химии, астрономии, географии, биологии не стоит. Современная фантастика часто пишет не только о том, чего пока еще нет, но и о том, чего с точки зрения науки вообще быть не может.

Однако читателям этих книг, особенно молодым, случается принимать слишком на веру в сочетании слов «научная фантастика» эпитет «научная». Им кажется, что, читая научно-фантастические книги, можно приблизиться к науке в самых ее современных проявлениях. Вряд ли это так!

Недаром некоторые авторы научной фантастики говорят, что вообще охотно отбросили бы из названия этого жанра слово «научный». И еще: обстоятельства и место действия у Жюль Верна могут быть необычайными (ядро пушки, летящей на Луну; пещеры, ведущие к центру Земли; необитаемый остров), но действуют в этих обстоятельствах обычные люди, добрые и злые, мудрые и простоватые. Нет ни в одном романе у Жюль Верна ни пришельцев из иных миров, ни мыслящих роботов. Путешествия у него совершаются не во времени, а в пространстве. Словом, степень фантастичности его фантастики, особенно с точки зрения современного читателя, не слишком велика. Все, о чем он рассказывает, можно вообразить себе, оставаясь в пределах обычной житейской логики. Суть географических ошибок Паганеля или баллистических Мастоно можно легко уяснить себе, положив перед собой географическую карту или повторив на бумаге несложные вычисления по элементарной формуле и увидев, к чему приведет неправильная расшифровка одного географического названия или потеря одного нуля.

Это не недостаток Жюль Верна по сравнению с современными фантастами и не преимущество. Это его особенность и особенность его времени.

В наше время одних читателей простота фантастики Жюль Верна привлекает, другим представляется устаревшей и наивной. Важно, что в ней отразилась его эпоха — и успехи человеческого мышления, достигнутые к XIX веку, и пределы этих успехов. Многие ученые его времени жили в убеждении, что наука уже открыла все тайны природы, осталось лишь небольшое число невыясненных подробностей. Именно в эту пору молодой человек, будущий великий исследователь, пришел к старому ученому и сказал, что хочет посвятить себя физике. Тот пожалел посетителя и стал отговаривать его: «Не губите жизнь, физика уже все

сделала, что могла, все, что можно было открыть, она открыла. Стоит ли посвящать свою жизнь мелким доделкам!»

А физика именно тогда стояла на пороге величайших и неожиданных открытий. Фантастика Жюль Верна — порождение своего времени, которое еще не вошло в эпоху научно-технической революции. Открытия, совершаемые его героями — учеными, изобретателями, — прямое продолжение того, что уже было открыто и изобретено к его времени; между ними и уже совершенными открытиями нет резкого принципиального скачка. Капитан Гаттерас в романе Жюль Верна заходит в северные широты дальше, чем заходили полярные капитаны XIX века, но плывет по тому же маршруту, что и они. Машины его корабля сильнее, чем у них, но в принципе это те же самые машины.

Недаром вся научно-техническая сторона книг Жюль Верна кажется нам сейчас наивной, хотя во многом она была провидческой.

Когда после Жюль Верна открываешь Герберта Уэллса, попадаешь в совершенно иной мир. Герои Уэллса совершают, например, путешествие не в пространстве, а во времени. И машина времени — некое устройство, описанное общими и загадочными словами. Уэллс и не пытается создать ощущение, что представляет себе воображаемую техническую сторону этого устройства. Техника вообще интересует его мало.

В некоторых книгах Уэллса действуют живые существа, наделенные разумом, но устроенные иначе, чем человек. Таковы персонажи «Острова доктора Моро».

У Уэллса земной цивилизации угрожает нашествие марсиан, а не обстрел из гигантской пушки, сооруженной воинственным земным маньяком, как то было у Жюль Верна. (Необычным в романе Жюль Верна был размер и калибр пушки; агрессивный же маньяк — вполне реалистическая фигура, да и пушки примерно такой дальности были скоро построены.) И все же Уэллс считал, что научно-фантастический роман должен следовать определенной логике и оставаться в некоторых границах, иначе, как писал он, «получается нечто невообразимое. Всякий может придумать людей наизнанку, антигравитацию или мир вроде гантелей... Там, где все может случиться, ничто не вызывает к себе интереса».

Классик научно-фантастического жанра говорил твердо, уверенно, обдуманно. Может показаться, что в его словах есть резон. Но лишь для тех романов, какие писал он. Научно-фантастические романы нашего времени оставили далеко за собой все, что Уэллс считал излишне фантастичным даже для фантастического романа: антигравитацию и многое другое они изображают запросто. Всякая попытка указать предел, за какой не должен выходить научно-фантастический роман, тут же опровергается современной практикой. Ограничительные правила противоречат самой природе этого жанра. Может быть, потому, что современный научно-фантастический роман близок к сказке. А какие пределы фантазии могут быть у сказки? Нет для нее пределов!

Мы говорим в этой главе о чтении с предвкушением, о том, что, выбирая книгу, полезно заранее представлять себе, чего от нее можно ждать, а чего нельзя. По-видимому, ждать от современной научной фантастики научных знаний нельзя.

Недавно я узнал, что некоторые из наших космонавтов очень любят научно-фантастические романы. Но не потому, что они рассчитывают почерпнуть из них полезные научные сведения. Причина интереса другая.

В своей документальной повести «С человеком на борту» Галлай пишет: «...удивительной показалась мне явная популярность, которой пользовалась на космодроме всяческая фантастика. В короткие свободные минуты ее охотно читали. Причем особенно фантастику с, так сказать, космическим уклоном...

...Я подумал было, что причина такого благожелательного отношения специалистов космоса к космической фантастике заключается, хотя бы отчасти, в отсутствии „космической реальности” (речь идет о времени, предшествовавшем первому полету человека в космос в 1961 году. — С.Л.), по каковой причине написанное на эту тему писателем до поры до времени просто не с чем сравнивать.

Но вот пришла „эта пора и время”: начались полеты людей в космос. Сравнить стало с чем. И выяснилось, что моя кустарная попытка объяснить интерес работников космоса к фантастике на космическую тему — несостоятельна. Реальность космических полетов отнюдь этот интерес не снизила».

Пять лет спустя, в 1966 году, К. Н. Феоктистов сказал: «Книги Лема я люблю. Они написаны с позиций юношеского восприятия мира».

Вот оно, оказывается, в чем дело: в том, как написана эта книга.

Современный научно-фантастический роман способен дать нам многое. Например, изображая людей, гипнотически воспринимающих события, которые как бы происходят с ними, а на самом деле инсценируются для них (на такой сюжет написано несколько книг), — он помогает критически взглянуть на свое собственное отношение к некоторым зрелищам. Повествуя об отдаленном прошлом или будущем какой-нибудь обитаемой планеты, научно-фантастический роман заставляет думать о параллелях к этому прошлому в настоящем и думать о будущем не на этой планете, а на Земле. Современный научно-фантастический роман может содействовать и выработке некоторых качеств, не лишним в любой работе, в том числе и научной: способность фантазировать, интерес к неожиданному, противоречивому, нестандартному...

А чего современный научно-фантастический роман не может, да и на что и не претендует — это ввести нас в современную науку с ее реальным содержанием. Это нелишне повторить, это надо ясно себе представлять. Есть запойные читатели фантастики. Им кажется, что, поглощая научно-фантастические романы один за другим, привыкнув к их терминологии, они усваивают подлинный язык науки и через него приближаются к ее

подлинному содержанию, Но этого-то и не происходит. Более того, в современных научно-фантастических романах часто делаются такие фантастические допущения, возможность которых наука решительно отрицает. Ну например, все явления колдовства и черной магии, вполне успешно происходящие в повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в воскресенье». На то она и фантастическая! И сатирическая к тому же. Но если даже самый доверчивый читатель фантастики понимает, какой веселый это вымысел, то иной читатель, встретив в фантастическом романе деловитое описание ракеты, которая движется со скоростью, превышающей скорость света, думает: «Сейчас таких нет, но как знать, может, когда-нибудь и будут». Он не догадывается, что есть закон природы, исключаяющий такую возможность. Представления о законах природы следует черпать из научных книг, а не из научно-фантастических романов, которые имеют право с ними не считаться.

Библиотекари знают читателей, читающих только фантастику. Такая умственная диета вредна! Она приучает существовать в мире, описанном пусть увлекательно, но все же выстроенном искусственно. Такая диета приучает к языку, на котором говорят в фантастических романах, часто более бедному, чем язык реальной жизни. Такая диета создает мнимое чувство насыщения научными знаниями. Все это ничуть не умаляет прекрасных возможностей талантливой научной фантастики. Но нет на свете ни одного самого лучшего продукта, который не окажется вредным, став единственным...

Конечно, все богатство книг, что выходят из печати и ждут нас в библиотеках, не исчерпывается теми родами и жанрами, о которых мы говорили. Однако для удобства и простоты выделим еще одну группу книг. Сейчас, когда я пишу эти страницы, у меня на столе лежит стопка очень интересных изданий.

В ней — книги, выпущенные издательством «Детская литература». Назову для примера некоторые. Это «Узнавание» Евг. Богата (М., 1977), «Путник, замедли свой шаг» В. Шевелева (М., 1976), «Просто размышления» Н. Долининой (Л., 1977).

На одной из страниц этих книг — обычно первой или последней — можно найти короткую издательскую аннотацию. О работе Евг. Богата говорится: «Эта книга поможет школьникам познать свой характер, свои возможности, найти свое место в жизни, а также научиться познавать других людей и находить с ними творческие контакты».

О книге В. Шевелева сказано: «Рассказывая о совершенных путешествиях (с. Шушенское, Мамаев курган, Куликово поле и др.), журналист Владимир Шевелев ведет с молодыми читателями серьезный разговор о том, как важно для путника умение видеть и понимать окружающее, как необходимо, отправляясь в путешествие, подготовить себя к такому видению.

Книга учит любить природу родной страны, призывает изучать, уважать и хранить все то, что создано предыдущими поколениями».

О книге Н. Долининой говорится: «Размышляя о героях литературных произведений, о судьбах и характерах их создателей, автор вызывает читателя на серьезный разговор о тех подлинных духовных ценностях, которые помогают нам лучше разобраться в самом себе, стать настоящими гражданами своей Родины».

В подзаголовке книг Богата и Долининой стоит слово «эссе». Словарь определяет понятие «эссе» так: «Эссе — очерк, трактующий (то есть рассматривающий, излагающий. — *С.Л.*) литературные, философские, социальные и т. п. проблемы не в систематическом, строго научном виде, а в свободной форме».

И эссе, и очерки, с которыми они сродни, принадлежат к публицистике.

Уже много лет в издательстве «Детская литература» работает специальная редакция художественной публицистики. Она подготовила много важных и интересных книг. Однако часто ли случалось вам, придя в библиотеку, попросить публицистическую книгу, выпущенную этим или другими издательствами? Публицистику чаще библиотекари советуют читателям, чем просят у библиотечарей читатели. И очень жаль!

Происходит это, наверное, потому, что в публицистических книгах, на первый взгляд, нет напряженного сюжета, увлекательно развивающегося действия. Однако на самом деле это не так.

Если вы раскроете, например, книгу В. Шевелева, вы узнаете из нее, как автор, тогда еще совсем молодой человек, отправился с отцом в туристический поход. До этого они редко ходили вместе. Отец к походам готовился тщательно, выбирал маршрут задолго, вычерчивая карту мест, где собирался побывать, читал посвященные им книги, расспрашивал людей, которые там уже побывали.

А сын с друзьями выбирал маршруты, по его собственным словам, без затей — шли куда глаза глядят. Способ, по которому готовился к путешествиям отец, ему не особенно нравился. А отец состарился, стал быстро уставать. Ему казалось, что новый поход вернет ему бодрость и силы. И тогда сын отправился с отцом в путешествие. На Куликово поле. Туда, где Дмитрий Донской дал сражение орде Мамай и выиграл это сражение. «Отец составил список книг, которые следовало посмотреть.

Я отмахивался:

— Ну, зачем это».

Однако сын уступил отцу. Не потому, что тот переубедил его, а, видимо, из уважения и любви. Уступил, внутреннее вовсе не убежденный, что читать книги перед путешествием необходимо. Вас заинтересовал этот спор? Меня очень. По-моему, он важен. Мне тоже много раз перед дальней дорогой приходилось вести его с товарищами, предпочитавшими путешествовать, не затрудняя себя подготовкой к дороге.

Но вот сын и отец отправились в путь. В походе младший убедился, сколько драгоценных подробностей раскрылось ему, как ожила для него история, когда он пришел к Куликову полку и прошел по нему, подготовившись к походу так, как привык готовиться отец. Однако это еще не все, о чем рассказывается на этих страницах. Сквозь них проходит горькое, поздно пришедшее понимание: «Жаль, что мы так мало ходили вместе...»

Скольким из нас приходилось испытывать такое чувство, вспоминая о родителях! И как часто оно появлялось с опозданием, когда уже ничего нельзя вернуть, ничего невозможно исправить...

Вот какие серьезные и важные мысли может вызвать простой очерк, публицистика на нравственную тему, в которой, казалось бы, нет занимательного сюжета.

В книге Н. Долининой есть размышление о том, как стираются, бледнеют прекрасные слова, например, те, которые обратил Пушкин к Пущину: «Мой первый друг, мой друг бесценный». Почему это происходит? Писательница отвечает: «Об этом рассказывают в школе — не раз. Об этом пишут в книгах, говорят по радио и по телевидению тоже показывают. Постепенно привыкаешь и сам повторять, как что-то извечно знакомое, не нуждающееся в понимании: „Пущин был ближайшим другом Александра Сергеевича Пушкина“».

Простая эта мысль очень точна. Разве мы сами не замечали, как обесцениваются слова от слишком частого, слишком настойчивого повторения? Н. Долинина подробно, терпеливо, увлекательно показывает, какое богатство чувств, переживаний, любви друг к другу стоит за привычными словами. И они оживают, вновь обретая подлинное свое значение. А из рассказа об истории долгой и верной дружбы Пушкина и Пущина вырастает мысль о том, какая великая ценность — истинная дружба.

Из трех названных книг, пожалуй, самая трудная — книга Евг. Богата. Автор и сам понимает это. Он пишет после одного из самых сложных своих рассуждений: «Может быть, юный читатель в первую минуту и не поймет меня, но он поймет, подумав, или поймет с течением лет».

Не знаю, какое впечатление произведут эти слова на вас. У меня в юности они непременно вызвали бы желание понять и не когда-нибудь в будущем, а сейчас, немедленно...

Одна из глав этой действительно непростой книги называется «Путешествие на дилижансе сквозь века». В ней идет речь о таинственном чувстве времени. О том, как меняется восприятие окружающего мира в зависимости от той скорости, с которой мы по нему движемся. Писатель всматривается вместе с нами в песочные часы, где образом времени становятся перетекающие из одной половины часов в другую песчинки. Он ведет нас в музейные залы, подолгу останавливается перед созданиями скульпторов и живописцев. Он рассказывает о датском сказочнике Гансе Христиане Андерсене и о французском философе Мишеле Монтене. Задерживает наш взгляд на полотнах Рембрандта. И всем

этим постепенно подводит к выводу: «...самое фантастическое — история человеческой души. Эту историю переживает любой из нас — в детстве, в юности и потом. В детских играх жизнь души выражается в теле полнее, чем в лице, чтобы потом, окрепнув, усложнившись, „лепить“, создавать наше лицо. Да, человек сам создает себе лицо — красивое или некрасивое — работой души.

Мы открываем в себе „я“, собственный, ни на что не похожий мир как величайшее чудо, чтобы потом открыть „ты“ как чудо из чудес. А открыв „ты“, чувствуем, по чудесной логике человеческого существования, сопричастность к бесконечному, к абсолютному, к жизни космоса.

Самые великие уроки, которые дает нам искусство, — уроки понимания человека. Мы должны с помощью искусства полнее ощутить в себе духовный опыт веков и поколений, чтобы полнее понять сегодняшнего человека, того, кто сейчас, сию минуту перед нами...»

Следить за мыслью публициста, которая приходит к такому выводу и приводит к нему читателя, увлекательно, хотя и не всегда легко.

Я привел примеры из трех разных публицистических книг. Каждая из них хороша по-своему. В них есть нечто общее. В тех главах этих книг, о которых я рассказал, речь идет о прошлом: о поле Куликовом, о дружбе Пушкина и Пущина, о произведениях писателей, философов и художников прошлых веков. Однако этот рассказ о прошлом наталкивает нас на важные мысли о настоящем, о сегодняшнем дне, о нас самих в этом дне. В этих книгах есть главы, непосредственно и целиком посвященные современности. Но и они напоминают об истории. А в целом каждая из трех книг в отдельности и все они вместе рассказывают о живой связи времен, о людях, что жили, работали, размышляли, дружили, любили, надеялись, боролись когда-то, и о тех, кто живет, работает, размышляет, дружит, любит, надеется, борется сейчас. Значит, и о нас с вами. О нас с вами, включенных в историю. А история — это не только что-то, что изучают, она то, в чем и чем живут. Обладать чувством связи времен, своей сопричастности к истории — очень важно. Это делает душу человека богаче. Это позволяет ему жить и своей, отмеренной во времени жизнью, и жизнью тех людей, что жили до него и будут жить после него. Это чувство лечит от эгоизма, воспитывает самоотверженность, щедрость, смелость.

«Молодая гвардия» тоже издает публицистические книги для юного читателя. В этих книгах много важного, интересного, полезного. Многие из них объединены в серию «Компас». Графический знак компаса на обложках этих небольших книг символизирует их главную задачу — они призваны помочь читателю выбрать путь в жизни. В этой серии уже вышли сборники статей и очерков «Азбука нравственности», «Разговор с глазу на глаз», книги Л. Исаровой «Задача со многими неизвестными», А. Масс «Трудный экзамен», С. Айрапетова «Здоровье, эмоции, красота», И. Зюзюкина «Государство и школа». Я назвал лишь несколько. Для

примера расскажу об одной. Это книга писателя Л. Жуховицкого с озорным, в первый момент ошарашивающим названием «Банан за чуткость». И тема книги, и мысли, в ней высказанные, показались настолько важными К. Симонову, что он написал к ней предисловие. В нем хорошо говорится, о чем и зачем написал свою книгу Л. Жуховицкий.

«Леонид Жуховицкий, наверно, правильно поступил, когда вынес в заглавие своей острой и, я бы даже добавил, колючей публицистической книги броское название одной из вошедших в нее поучительных историй — „Банан за чуткость”. Этим заголовком он заранее предупреждает о характере книги, о том, что людям, которые готовы проявлять чуткость только на определенных условиях, в этой книге не поздоровится, так же как не поздоровится и многим другим ее персонажам. Эта книга в то же время по-хорошему злая и непримиримая по отношению к выведенным в ней носителям бацилл эгоизма, трусости, дешевого практицизма, духовной нищеты и душевной слепоты. При этом мне кажется особенно дорогим в этой книге, что автор не декларирует свою непримиримость, не принимает гранитной позы обвинителя. Для него оружие обвинения — это чаще всего анализ, он стремится докопаться, идя от следствия к причине, причем частенько беря при этом вместе с собой за руку того или иного своего персонажа, доходит до этой первопричины вместе с ним и, добравшись до этой исходной точки, начинает вслух раздумывать над тем — а нельзя ли, начав с этой же исходной позиции, делать в жизни совсем другие шаги, действовать и жить по-иному».

Если теперь вы унесете из библиотеки публицистическую книгу я смогу, как говорили в старину, счесть свою задачу выполненной.

Тема главы «Чтение с предвкушением» не исчерпана. Я ничего не сказал о книгах, посвященных далеким странам. А это чтение увлекательнейшее! Ничего о книгах, посвященных природе. И животным. Таких за последнее время появилось много. И как вы, наверное, сразу заметили, ничего не сказал о детективах. О них можно не беспокоиться: они вниманием читателя не обижены. Но всего не расскажешь. А просто перечислять тему и названия мало толку.

Мне хотелось бы, чтобы, дочитав эту главу, вы еще раз подумали о том, ради чего она написана. Чтение дает больше, когда оно сознательно. Чтение дает больше, когда мы можем ответить на вопрос: «Что я хочу читать? и на связанные с ним вопросы: «Зачем?» и «Почему?»

Сделайте нетрудный опыт. Попробуйте, когда вы следующий раз пойдете в библиотеку, поставить перед собой заранее эти вопросы. И когда библиотекарь спросит: «Что вам дать?», отвечайте не: «Что-нибудь!», а «Воспоминания», или «Жизнеописания», или «Книгу о путешествиях», или «Публицистику». (Это, конечно, только примерные ответы.) И вы сразу почувствуете, ваш разговор с библиотекарем станет точнее и содержательнее. А чтение с предвкушением доставит вам больше радости и принесет больше пользы, чем чтение вслепую.

ПЕЧАТЬ ГЛУБОКАЯ И ПЛОСКАЯ

Мы говорили о высокой печати. Другой важный способ печатания — глубокая печать. Его основа заключается в том, что на твердой пластине, которая станет печатающей формой, вырезаются бороздки. Пластину покрывают краской. Она заполняет углубления — почему печать и называется глубокой. С поверхности краску снимают, она остается только в углублениях. К пластине прижимают бумагу, и на ней получается отпечаток.

Главные виды глубокой печати — резцовая гравюра и офорт. Резцовая гравюра — способ старинный, сейчас он почти не применяется, но ему принадлежит почетное место в истории изобразительного искусства и искусства книги. Они издавна связаны между собой. Форму для резцовой гравюры делал художник. Вначале художник наносил на медную доску рисунок, которому должен следовать резец. Для этого доска покрывалась лаком. По лаку процарапывался рисунок. Потом лак снимали, а оставшийся на меди еле заметный след-царапина служил путеводной нитью для гравера. Гравировать на меди трудно. Бесконечными упражнениями и попытками художник добивался того, что резец, вы-

резающий рисунок на металле, начинал слушаться его так же, как карандаш или перо,двигающиеся по бумаге.

Тщательно готовил художник свой инструмент: резцы с жалами острыми и сплюснутыми, широкими и узкими, простыми и фигурными. Когда нужно было углубить штрих, чтобы линия на оттиске получилась более темной, рука привычно тянулась за резцом с овальным жалом, а если мастер хотел награвировать линию тонкую, как паутина, он брал иглу. Левая рука держала медную доску, которая опиралась на кожаную подушку, правая легко, осторожно двигала резец, заставляя его, казалось бы, без усилий прорезать линию в металле.

Доска награвирована, но труд еще не закончен. Художник осторожно удалял медные заусенцы, добиваясь чистоты будущей линии, углублял или выглаживал слишком слабые или слишком сильные бороздки, несколько раз во время гравирования печатал пробные оттиски.

Одним из самых замечательных мастеров резцовой гравюры на меди был немецкий художник Альбрехт Дюрер.

Для офорта, другого способа глубокой печати, медную пластину тоже покрывают лаком. Художник гравировал по лаку, создавая рисунок на нем. Прорезать слой лака легче, чем слой меди. Штрих получается более подвижным, гибким, сложным, чем при работе по твердому металлу. Потом дощечку, покрытую лаком с прорезанным по этому лаку изображением, опускают в кислоту. («Офорт» — в переводе с французского значит «крепкая вода» — так называли азотную кислоту.) Кислота разъедает металл в тех местах, где лак прорезан. На металле появляется бороздка — более глубокая и широкая, где резец снял больше лака, более тонкая, где резец снял меньше лака. Это тоже форма для глубокой печати. Краска входит в глубину бороздок, заполняет их. Потом к пластине прижимают бумагу...

Резцовая гравюра в том виде, в каком ее применяли мастера XVI века, в наше время почти не встречается. Офорт существует до сих пор. Издавна он служил и для воспроизведения работ живописцев, и для печатания самостоятельных произведений художников-графиков. Великим мастером

офорта был голландский художник Рембрандт.

Резцовая гравюра и офорт издавна в родстве с книгой. И потому, что многие гравюры издавались в виде альбомов с текстами, а такой альбом — тоже род книги; и потому, что издавна все виды гравюры используются для иллюстрирования книг.

Третий способ печати, самый молодой, — плоская печать. Кто изобрел глубокую печать, сказать трудно. А вот имя изобретателя плоской печати известно. Это немецкий актер Алоиз Зенефельдер. История его почти невероятна, интересна и драматична. Алоиз смолоду все старался сделать сам. Он не без успеха играл в театре, но ему захотелось писать пьесы. Их никто не пожелал ни ставить, ни печатать. «Меня не хотят печатать? Напечатаю себя сам», — решил он. Однако денег на то, чтобы купить оборудование для типографии, у бывшего актера не было. «Ничего. Изобрету свой способ печати!» — решил он и придумал то, что было придумано задолго до него, — стал гравировать текст на медной пластинке, то есть вернулся к способу гравированной книги. Текст приходилось гравировать в зеркально-перевернутом виде, а это трудно. Неутомимый изобретатель делал много ошибок. Покупать медные доски для упражнений было дорого. Зенефельдер приспособил для этого плитку из известняка. В его краях этого камня было сколько угодно, стоил он копейки.

Однажды к Зенефельдеру пришла прачка за бельем. Дома не оказалось бумаги, чтобы записать белье, которое он отдавал ей. Вся бумага ушла на опыты. Не было и чернил. Алоис написал список белья на известковой пластинке мастикой, которую изобрел, чтобы закрывать ошибки на гравированных досках. Когда прачка ушла, Зенефельдер подумал: «А что если опустить каменную пластинку в кислоту?» Через несколько минут на пластинке появилось выпуклое изображение списка белья. Буквы, защищенные мастикой, выступили над поверхностью каменной пластинки, верхний слой которой съела кислота. Покрытые краской, они давали оттиск. Но это была еще в основе своей высокая печать — печатная форма выступала над фоном. Новым был материал — известняк. Этот способ гравирования Зенефельдер с успехом

применял для печатания нот и географических карт.

Долго бился он над усовершенствованием своего изобретения, пока не нашел способ действительно новой печати — плоской.

Он увидел, если нарисовать изображение на каменной доске мелком, пропитанным жиром, а потом смочить камень, то жирные линии воду не примут, оттолкнут, но зато примут потом жирную краску. Затем к доске прижимается бумага, и на нее переходит изображение с камня. Это и есть главный и самый старый способ плоской печати, который называется *литографией*. Оттиски, получаемые таким способом, тоже называются литографией. Неутомимый Зенефельдер придумал, как при помощи литографии получать цветные отпечатки, изобрел еще несколько способов печатания, издал книгу «Полное руководство печатания с камня». Но плодами всех его изобретений воспользовались другие, ловкие люди. Зенефельдер умел изобретать, но, как и Гутенберг, не умел постоять за себя. Умер изобретатель в бедности, оставив семью без средств к существованию.

Когда печатники увидели, что литографский камень, несмотря на свою дешевизну, все-таки дорог, они заменили его цинком.

Ближайший наследник литографии — офсетная печать, важнейший современный способ плоской печати. Им печатаются многие издания, особенно тонкие иллюстрированные журналы, детские книжки с картинками.

При офсетной печати текст и изображение с плоской печатной формы отпечатываются не на бумаге, а на упругом полотне из резины. Потом с этого полотна печатаются на бумаге. Офсетное полотно эластично, печатная форма мало изнашивается. С нее можно напечатать сотни тысяч экземпляров.

Недавно появился новый способ набора — фотонабор, вначале ручной, потом механизированный. В нем участвует сложная электронная техника. Цех фотонабора не похож на прежние наборные цеха. И скорость его несравненно выше, чем скорость набора всеми прежними способами. Но это уже не история, а сегодняшний день. На этом в «Книге о книге» кончаются главы «Немного истории». Но сама история, конечно, не кончается...

КНИГИ — ИНСТРУМЕНТ РАБОТЫ

Надо знать книгу. Надо любить ее и верить в нее. Надо выработать в себе умение и практическую сноровку работать при помощи книги.

Н. А. Рубакин

Начал я в молодости одну работу. Ходил в библиотеки, прочитал горы книг, сделал уйму выписок. Настало время написать то, что я задумал. Не получается. Не могу найти в выписках необходимого; помню, что читал, но не знаю, в какой книге, помню, что выписку сделал, а не найду ее. Почему так получилось?

Потому, решил я, что названия книг я записывал на клочках бумаги. Они тонули среди других выписок. Тогда я решил записывать все названия книг — вести библиографию — в одной толстой тетради, а конспекты в другой. Однажды пришел в библиотеку, а тетрадь для конспектов забыл. «Не беда — оставлю полтетради для библиографии, а конспект буду вести во второй», — решил я. Так и сделал.

Следующий раз забыл тетрадь для библиографии. Записал названия нужных книг в той, что предназначалась для конспектов.

Когда кончил собирать материал, у меня было несколько тетрадей, а в них все вперемешку — названия книг, которые собирался прочитать, и тех, которые прочитал, выписки из книг, собственные мысли. Разобраться в таком хозяйстве нелегко. Пришлось вырезать и переклеивать страницы, составлять к тетрадям указатели, подчеркивать названия книг разноцветными карандашами — те, что прочитаны, — одним цветом, те, что предстоит прочитать, — другим, вводить разные другие условные значки, а к ним составлять пояснения. Техника эта оказалась сложной и неудобной. Не раз приходилось перелистывать все тетради подряд, чтобы найти необходимое.

Тут-то я и пожалел, что не последовал советам опытных людей — вести всю библиографию и делать выписки только на карточках.

Оказалось: спор о том, как вести списки книг и делать выписки — в тетрадях или на карточках, шел очень давно и решен в пользу карточек. Их можно расставить по порядку... Стоп! Один внимательный читатель этой книги, когда она была еще в рукописи, дошел до этого места и против слов «по порядку» поставил на полях знак вопроса и написал: «По

какому?» Удобство картотек в том-то и состоит, что порядок, в котором расставляются карточки, можно менять. Записи в тетрадях не переставишь, не перегруппируешь, а карточки — пожалуйста!

Их можно расставить по авторам в алфавитном порядке. По названиям книг в алфавитном порядке. А можно расставлять по темам. Или по хронологии. И т. д. И т. п.

Новые карточки с записями удобно добавлять к прежним. Попробуйте! Вам понадобится немного времени, чтобы привыкнуть, а когда привыкнете, вы убедитесь, как удобны карточки.

Где их взять? Купить в библиотечном коллекторе или нарезать самому из плотной бумаги по размеру тех, что применяются в библиотеках. Кроме обычных карточек, потребуются еще карточки-разделители. Они делаются из плотного картона. Сверху у них выступ вроде гребешка. На нем пишется название раздела, к которому относятся карточки, стоящие после разделителя. Карточки и разделители ставятся (если их много) в специальный ящик для каталога, если не очень много — в картонную коробку.

Разных книжных перечней на карточках, картотек или каталогов, составленных для своих надобностей, может быть много. Ограничимся теми, которые могут понадобиться вам на первых порах.

Вероятно, вы захотите составить каталог своей домашней библиотеки. Это полезно, чтобы иметь точное представление о ее составе и держать книги в порядке. А еще, чтобы на каталоге своей библиотеки попрактиковаться в правилах описания книг. Многие ведут каталог своей библиотеки в тетрадях или алфавитных книжках. Это неудобно, по причинам, о которых уже говорилось выше. Гораздо удобнее каталог домашней библиотеки на карточках.

Вы это почувствуете, когда станете решать, в каком порядке расставить книги в шкафу и на полках. Пробовать это легче не на книгах, а на карточках. Когда карточки, а вслед за ними книги расставлены, на карточках можно (и нужно!) обозначить полку, где стоит книга.

Здесь следует сделать оговорку. Чтобы картотекой домашней библиотеки, как, впрочем, и всякой другой, можно было пользоваться, все книги вашей библиотеки должны стоять на постоянных местах и после работы сразу и строго возвращаться на место. Если этого правила не соблюдать, никакая картотека не поможет их найти!

Итак, первая картотека — каталог домашней библиотеки.

Вторая картотека — картотека книг, которые вы прочитали, когда работали над какой-нибудь темой, писали доклад или сочинение, трудились над изобретением. (Конечно, можно записывать и те книги, что вы читали не для работы, а «просто так», но на это не у всех хватает времени и характера.)

Третья картотека — книги, о которых вам известно, что вы их должны прочитать. (Помните — *libri legendi*!)

Основа каждой картотеки, как показывает само слово, — карточка. Она заполняется по определенным правилам. Полное библиографическое описание на карточке, как оно делается профессиональными библиографами, — дело сложное. Тот, кого это заинтересует, может познакомиться с правилами такого описания по специальным книгам. Я расскажу здесь лишь о главных правилах описания книг.

На первой строчке карточки пишутся фамилия и инициалы автора. Если у книги два автора, указываются обе фамилии. Если авторов больше, например, это сборник воспоминаний, на первой строчке пишут название книги, а под заглавием указывают фамилию составителя.

На второй строчке пишется название (заглавие) книги. Название (заглавие) и все необходимые сведения о книге переписываются не с переплета или обложки — там оно иногда напечатано в сокращенном виде, а с титульного листа, где оно приведено полностью. Ниже указывается место издания и год. Это минимум, необходимый и достаточный, чтобы найти книгу, как достаточно указания широты и долготы, чтобы найти географический пункт города, улицы и номера дома, чтобы найти адреса. Желательно указать издательство. Неплохо записать на карточке количество страниц в книге, чтобы знать: толстый это том или тонкая брошюра. Если в книге есть предисловие, иллюстрации и библиография, это тоже стоит записать на карточку. Профессиональные библиотекари записи на карточках делают специальным библиотечным почерком. Для вас библиотечный почерк необязателен, но писать на карточках следует, в ваших собственных интересах, как можно разборчивее.

Вслед за каждым разделителем карточки устанавливаются в алфавитном порядке по именам авторов. Их можно расставлять и в другой последовательности, необходимой для работы, например в хронологической.

На карточках тех книг, которыми вы пользовались в работе, непременно стоит пометить, в какой библиотеке вы эту книгу брали и ее библиотечный шифр. Выглядеть это будет так:

Л а ф а р г П. Томмазо Кампанелла. М.—Л., 1926. (Большие города в библиографических описаниях принято обозначать сокращенно, одной или несколькими буквами. М. — Москва, Л. — Ленинград, Лпц. — Лейпциг и т. д.). Шифр библиотеки, например: шифр Гос. ист. библиотеки ^{КБ}Л29.

Полная и наиболее точная запись всех данных книги, с которой вы работали, включая библиотеку (библиотеки), где эта книга есть, включая ее шифр (лучше — шифры, если их несколько) — великая помощь в работе. На такую запись никогда не жалейте времени, как не жалеет мастер времени на то, чтобы держать в порядке свой инструмент.

Некоторые люди, не только много работающие с книгами, но и планомерно собирающие свою библиотеку, ведут еще картотеку книг, которые они хотят найти, купить, выменять. Такая картотека называется

дезидерата (*desiderata*), что в переводе с латыни означает «желаемые» (книги).

Казалось бы, между картотекой книг, которые должны быть прочитаны, и дезидератой нет разницы. Но разница есть. Не всякую книгу, нужную для работы, вы станете искать и покупать. Вполне возможно, что прочитанная однажды, она вам больше никогда не понадобится.

Возможен вопрос: если мы книгу не держали в руках, как составить карточку на нее? Это не так уж трудно. Узнать об этой книге можно из списка рекомендованной по учебной программе литературы, из списков новых книг, напечатанных в журнале или газете, из «Книжного обозрения». Названия книг во всех этих случаях даются с необходимыми данными. Если вы слышали название книги в разговоре, на лекции, по радио, а точные ее данные упомянуты не были, придется сделать некоторые усилия, чтобы узнать их.

Еще раз хочу подчеркнуть главное: все данные о книге надо записать точно. Не экономьте время, записывая название сокращенно! Не экономьте время, записывая только фамилию автора и не записывая его имени или инициалов! Не экономьте время, опуская год и место издания! Все это экономия мнимая. Впоследствии вы десять и двадцать раз пожалеете о ней. Я в этом много раз убеждался на собственном горьком опыте. Можете мне поверить: описание книги, составленное однажды точно и подробно, пригодится вам много раз.

Из-за чего произошли все мытарства при поисках капитана Гранта в романе Жюль Верна «Дети капитана Гранта»? Из-за того, что в письме, извлеченном из бутылки, координаты места, где оказался капитан после крушения, были указаны не полностью: градусы широты разобрали легко, градусы долготы смыло водой. Вот и пришлось лорду Гленарвану и его спутникам совершить чуть ли не кругосветное путешествие, чтобы найти капитана Гранта. Этот роман — создание фантазии писателя, но трудности, возникающие перед тем, кто ищет цель, если ее координаты указаны неточно или неполно, знает каждый. Если на записке с адресом не будет чего-то одного: улицы, дома или квартиры — поиск бесконечно осложнится. Точно так обстоит дело и с поисками книги.

Каждому, кто работает с книгами, приходится делать выписки из них. Ведь в голове не удержишь всего того, о чем читаешь в книгах и что хочешь сохранить для будущей работы. Есть мудрое изречение: «Самые плохие чернила лучше самой хорошей памяти».

Умение делать выписки — одно из самых важных умений при работе с книгой. Каждая выписка должна быть абсолютно точной. Вслед за ее текстом следует — тоже совершенно точно — указать, откуда она сделана. Выглядит это так:

«Никакая самая идеальная память не может удержать все необходимые научному работнику сведения, факты, даты, названия, тексты в полной их точности и неизменности. Человеческая память имеет свои границы, специфические особенности и свойства,

одним из которых является способность забывать и — еще хуже — изменять усвоенные материалы. Хотя и встречаются ученые с исключительной памятью, но и они никогда не могут в своей научной работе обходиться без помощи материалов, взятых прямо из источников или специально записанных для предполагаемого последующего использования». — Берков П. Н. Введение в технику литературоведческого исследования. М., 1955, с. 19.

Как видно из этого примера, указание на книгу, из которой приведена выписка, делается так же, как описание книги на карточке. Фамилия и инициалы автора, название книги, место и год издания. Добавляется только страница, с которой сделана выписка.

Если вы делаете пропуск в выписываемой цитате, это место полагается обозначить многоточием в скобках (...).

«(...) Недостаточно читать книги, их надо читать внимательно, с той целью, чтобы самое важное отмечалось и выносилось. Отмечалось — в самой книге, если она твоя; выносилось, то есть выписывалось, и из собственной, и из чужой. (...). Немыслим толковый Читатель, который не был бы в то же время и отбиратель».

Коменский Я. А. Об искусном пользовании книгами — первейшим инструментом культуры природных дарований. Речь, произнесенная перед началом занятий в Большой аудитории Патакской школы 28 ноября 1650 г. Изд-во Прага, 1970, с. 15.

Многоточиями в скобках обозначены пропуски.

Выписки мы начинаем делать рано, еще в школьные годы. Пользуемся для этого обычно тетрадами. Но едва начинаем заниматься более серьезной и сложной работой, оказывается, что записи в тетради неудобны.

Опыт многих поколений ученых показал: выписки лучше делать на карточки. Если у вас четкий мелкий почерк, можно делать выписки на обычных библиографических карточках. Если почерк у вас крупный или выписки предстоит делать большие, можно пользоваться карточками большого размера, например теми, что продаются в пачках под названием «Бумага для записей».

Мне подумалось, что вам эта глава может показаться скучной. Я даже колебался, включать ли ее в свою книгу. Потом решил — включить. В каждом, даже самом интересном и самом приятном занятии, есть непременно правила и навыки. Они могут казаться нудными и трудными, но обойти их нельзя, если мы не хотим быть дилетантами.

Потом наступает пора разбирать выписки, делать пометки на карточках, расставлять карточки по разделам. Эта, казалось бы, техническая работа важна и увлекательна: перебирая и просматривая карточки, повторяешь то, что читал. Сортируя, подчиняешь собранный материал определенной системе. Раскладывая выписки в разном порядке, обнаруживаешь иногда такие связи между разными фактами или высказываниями, о которых и не подозревал.

Но и тогда, когда все выписки рассортированы и расставлены, полезно время от времени просматривать их. Мы быстро забываем то, что прочитали. Иногда бывает достаточно бросить мимолетный взгляд

на выписку, чтобы весь текст, из которого она сделана, ожил в памяти. Вспоминает не только ум, не только зрение, увидевшее знакомые строки, вспоминают даже мышцы руки, делавшей выписку. Вот почему сфотографировать или скопировать текст на копировальной машине далеко не всегда лучший способ сохранить его в памяти.

Можно порекомендовать фотоаппарату или копировальной машине трудоемкую работу «переписывания» текста. Они выполняют ее быстрее, чем мы, и с гарантией безошибочности. Но мы не можем порекомендовать аппарату или машине, чтобы они за нас запомнили то, что нам нужно запомнить. То есть, как не можем? А ЭВМ с запоминающим устройством? Она запоминает быстрее, больше, надежнее, чем мы. Конечно. Только «запоминает» она в своем запоминающем устройстве, а не в нашей голове. И пока мы не сможем отказаться от собственной головы, выписки, сделанные от руки, по-видимому, не устареют...

Есть и другие способы ведения выписок, кроме выписок на карточках. Главные из них — план и конспект прочитанного.

Чтобы составить план, надо мысленно дать название каждому небольшому кусочку текста, причем так, чтобы название было кратким и точным, а потом записать его.

Такой план похож на оглавление. Он и есть оглавление, только подробное. Вот как может выглядеть такой план:

План главы «Книги — инструмент работы»

Записи в тетрадях.

Записи на карточках.

Виды картотек.

Картотека домашней библиотеки.

Картотека прочитанных книг.

Картотека книг, которые должны быть прочитаны.

Если в книге есть оглавление, то в наш план его нужно включить, обозначив, какие заголовки вы взяли из книги, а какие дали самостоятельно.

Составляя план, подыскивая краткие и точные названия для всех разделов текста, вы уясняете, как построена книга, как движется мысль автора, лучше усваиваете материал книги. Глядя на план спустя некоторое время, вы ясно видите, о чем написано в книге, но что именно в ней написано, план не раскрывает.

Это делает конспект. В конспекте кратко излагается содержание книги, причем наиболее важное излагается словами автора, точно выписанными, и пересказом. Собственный текст отделяется от текста автора. Можно подчеркивать его сбоку чертой, можно писать с отступом. Говорю «можно», потому что жестких правил для ведения конспектов нет. Каждый вырабатывает свои.

Конспекты надо бережно хранить. Прочитаны многие книги, среди них редкие, приобрести их в собственность нечего и надеяться, но самое

главное, что в них есть, законспектировано. Понадобится — можно перечитать по конспекту, не хватит того, что в конспекте, — легко найти по его указаниям нужную страницу. Показывать здесь, как может выглядеть конспект, я не буду. Для этого нужно было бы рядом дать отрывок текста, который конспектируется, и конспект, а это потребует много места. О том, как составлять планы и конспекты, можно прочитать в специальных книгах.

Есть еще способы закрепить для себя, для своей будущей работы основное содержание прочитанных книг. Можно составить аннотацию книги (от латинского слова *annotatio* — примечание, пометка).

Аннотация — это краткое, в несколько строк изложение содержания книги. Попробуйте сами составить аннотацию на какую-нибудь книгу, которую вы недавно прочитали. Покажу вам на примере, как это делается.

Константин Подыма. Счастливого плавания, «Шхуна ровесников». Документальная повесть. М., Детская литература, 1975.

Книга рассказывает о новороссийских школьниках, которые, объединившись вокруг редакции городской газеты, стали выпускать страницу для ребят, а затем создали молодежный клуб «Шхуна ровесников», и об увлекательных делах клуба — изучении своего города, края, поисках, поездках, походах, переписке. В книгу включены отрывки из Устава «Шхуны ровесников», письма, полученные клубом.

Попробуйте написать аннотации нескольких книг, прочитанных вами за последнее время. Это непросто — определить содержание и характер книги в считанных словах. Непросто, но полезно, потому что заставляет оглянуться на прочитанную книгу, мысленно представить себе, что в ней главное.

Аннотация, переписанная на библиографическую карточку и присоединенная к той карточке, на которой вы сделали краткое библиографическое описание книги, делает картотеку более ценной, более содержательной. А умение аннотировать прочитанное пригодится вам в жизни.

Можно изложить содержание прочитанной книги в виде реферата. («Реферат» происходит от латинского слова *referre* — докладывать, сообщать.) Хорошие примеры рефератов вы найдете в журнале «Наука и жизнь».

Статья, которая занимает несколько десятков страниц, пересказывается рефератом, занимающим строк сто, но передающим самое главное в ней. Это нелегко. Недаром существует особая профессия — референт, т. е. специалист, который читает новые книги и статьи на русском и иностранных языках, а потом составляет их рефераты. В каждой отрасли науки и техники существуют специальные журналы, которые печатают рефераты. Ими пользуются те, кто должен быть в курсе всего нового, что совершается в этой области.

Но хотя составлением рефератов занимаются специалисты, такое умение пригодится каждому, кто работает с книгой. Попробуйте составить рефераты нескольких прочитанных вами за последнее время книг — вы увидите, какая эта нелегкая и увлекательная задача.

О книге, которую вы самостоятельно прореферлируете, вы будете иметь точное и полное представление.

Чем больше и чем серьезнее вы работаете с книгами, тем чаще возникает необходимость в библиотеке. В библиотеке маленькой, где все на виду, можно просто назвать автора и название книги, которая вам нужна, и библиотекарь ответит, есть ли она вообще, стоит ли сейчас на месте, можно ли ее взять. В библиотеках с большим фондом путь к книге идет через каталог.

О том, что такое каталоги, я рассказывать здесь не буду. Самое главное вы, наверное, знаете. Если не знаете, прочитайте об этом в книге И. Я. Линковой «Ты и твоя книга», выпущенной издательством «Промсвещение» для учащихся в 1975 году.

Более подробные сведения о каталогах лучше всего узнать в той библиотеке, где вы работаете, потому что в каждой библиотеке организация каталогов немного отличается от других и к ней нужно привыкнуть, в ее каталогах — сориентироваться.

Важнейший инструмент при работе с книгой — справочник. Самые большие и полные справочники — энциклопедии. Слово это образовано от греческих *enkyklos* и *paideia*, что значит — обучение по всему кругу знаний. Как выразительно первоначальное значение слова!

Большая советская энциклопедия (БСЭ) выходила тремя изданиями — последнее печаталось в 1967—1978 годах. В этом издании 30 томов, в нем помещено более 100 000 статей. В них описываются и объясняются предметы, явления, рассказывается об исторических событиях и личностях, о выдающихся деятелях науки, политики, литературы, искусства и о многом другом. Энциклопедию дополняют «Ежегодники БСЭ». Они содержат сведения, которые не вошли в основные тома энциклопедии.

Малая советская энциклопедия (МСЭ) выходила в свет тремя изданиями, последний раз в 1958—1960 годах в 10 томах.

В 1980 году появился и сразу привлек внимание читателей однотомный «Советский энциклопедический словарь» (СЭС). Краткость статей, мелкий, четкий шрифт, тонкая и плотная бумага позволили вместить в один том множество сведений из всех областей общественно-политической жизни, экономики, науки, техники, литературы и искусства. В нем даны географические, исторические и экономические справки об СССР и других странах мира, биографии выдающихся деятелей. В СЭС около 80 000 статей!

БСЭ, МСЭ, СЭС — справочники универсальные. Это значит, что они содержат сведения по всем отраслям знаний. Но вся сумма совре-

менных знаний по истории, политике, культуре, технике, науке так широка, так многообразна, что ни одна универсальная энциклопедия не может охватить всего, сколько бы в ней ни было томов. Дополнением к универсальным энциклопедиям служат специальные или отраслевые энциклопедии. Назову некоторые из них: «Философская энциклопедия», «Советская историческая энциклопедия», «Педагогическая энциклопедия», «Краткая литературная энциклопедия» и другие. Они выходили в 60—70-е годы.

В нашей стране выходят энциклопедии и энциклопедические справочники для детей. На младших школьников рассчитан словарь «Что такое? Кто такой?» (последнее издание в 3-х томах. М., 1978). Когда словарь этот задумывался, опытные педагоги, видные ученые и писатели долго размышляли над тем, какие сведения в него включить.

Так был составлен словник — список понятий, имен, названий, которые надо объяснить в словаре. Работа над составлением словника — важная и трудная часть в подготовке справочного издания. Когда словник составили и обсудили — к обсуждению привлекали школьников — было написано для пробы несколько статей. Пробные статьи тоже обсуждались с будущими читателями. Мне пришлось (может быть, лучше сказать — мне посчастливилось) написать для детского словаря «Что такое? Кто такой?» несколько статей. Это трудно и интересно. Писать нужно коротко, понятно, живо.

Попробуйте на одной-двух страничках объяснить какое-нибудь известное вам слово (например, «библиотека», или «витамины», или «домна») или рассказать о великом человеке (например, о Суворове или Нахимове), объяснить, кем был герой какой-нибудь книги (например, Чиполлино). Скажите об этом слове, имени, герое все самое главное и ничего лишнего.

И так, чтобы сказанное было доступно младшему брату, сестре, другу. Увидите, какая это непростая задача.

«Детская энциклопедия», рассчитанная на школьников среднего и старшего возраста, выходила тремя изданиями (1958—1962, 1964—1969, 1971—1977 годы). Она составлена не так, как составляются энциклопедии для взрослых. Материал в ней расположен не по алфавиту, а по темам. Каждый том посвящен отдельной большой теме и соответственно этому называется: первый — «Земля», второй — «Мир небесных тел и фигур», третий — «Вещество и энергия», четвертый — «Растения и животные», пятый — «Техника и производство», шестой — «Сельское хозяйство», седьмой — «Человек», восьмой — «Из истории человеческого общества», девятый — «О нашей Советской Родине», десятый — «Зарубежные страны», одиннадцатый — «Язык и литература», двенадцатый — «Искусство».

В этом есть некоторые преимущества. «Детскую энциклопедию» можно читать том за томом, как большие книги, которые живо, увлека-

тельно, ярко рассказывают о прошлом и настоящем, о природе, о науке, культуре, технике, искусстве, литературе, о многих важных событиях и открытиях, о многих сложных понятиях и выдающихся людях.

А вот навести справку по «Детской энциклопедии» о каком-либо определенном понятии несколько сложнее, чем по обычной энциклопедии. Предположим, вам нужно узнать, что такое кристалл. В энциклопедии, где объяснения помещены по алфавиту, достаточно найти том и страницу. А перед тем как наводить справку в «Детской энциклопедии», надо сообразить, что статью о кристаллах надо искать в томе «Вещество и энергия».

По «Детской энциклопедии» нетрудно навести справку о знаменитом художнике или композиторе. Для этого достаточно знать, что все сведения о людях этих профессий находятся в томе «Искусство».

Сложнее навести справку о человеке, который был сразу и поэтом, и философом, и революционером, например о Томмазо Кампанелле. Для этого следует догадаться, что искать статью о нем надо в томе «Из истории человеческого общества».

При поисках обратите внимание на указатели, помещенные в конце каждого тома «Детской энциклопедии». Они облегчают поиск. Если знаешь, в каком именно томе искать. А вот общего указателя ко всей энциклопедии нет. Жаль!

Чем старше вы становитесь, чем серьезнее вопросы, которые вас интересуют, тем чаще вам придется обращаться к различным энциклопедиям.

Иногда приходится слышать, как читатель — старшеклассник, студент, даже аспирант спрашивает у библиографа большой библиотеки, какая литература есть по интересующей его теме. Библиограф порой отвечает встречным вопросом: «А вы смотрели в наших каталогах и в энциклопедиях?» Нередко оказывается, что читатель этого не сделал. А именно с этого следует начинать!

Прежде всего непременно посмотрите, какие книги по вашей теме есть в каталогах библиотеки, где вы работаете. Выпишите их названия на карточки. Напоминаю: с шифрами! Если библиотека небольшая, возможно, книг по вашей теме в ней мало или нет вовсе. Тогда посмотрите, какие книги на эту тему указывают энциклопедии — прежде всего универсальные, затем отраслевые. В них вы найдете сведения о важнейших книгах, связанных с вашей темой.

Предположим, вам поручено сделать доклад о К. Э. Циолковском. В одномтомном энциклопедическом словаре (СЭС) сведения о нем даются самые краткие. Их полезно переписать для памяти целиком. (Выписки, не поленюсь повторить, лучше делать на карточки.) Литературы о Циолковском СЭС не указывает, как и в других статьях не дает библиографии.

Теперь посмотрите статью «Циолковский Константин Эдуардович» в БСЭ. Предпочтительно в последнем, то есть в 3-м издании. Она помещена в томе 28. Статья тут гораздо подробнее, чем в одномтомном словаре.

Небольшой опыт подскажет вам: нужно выписать главнейшие события жизни и научного творчества, даты, краткое определение основных открытий. В конце статьи помещена библиография. Вначале — сведения о важнейших трудах самого Циолковского и их изданиях, затем о работах, ему посвященных. Перенесите все это на карточки вашей рабочей картотеки.

Для начала работы вам достаточно книг, которые вы нашли в энциклопедии. А если вам их недостаточно, эти книги укажут вам на другие — менее известные, более специальные или более старые.

Так в вашей рабочей картотеке появится небольшой раздел: К. Э. Циолковский, его труды и работы о нем. Вначале надо ставить карточки с названиями его работ, потом с названиями работ, ему посвященных.

Когда вы получите книгу, заказанную по интересующей вас теме, посмотрите ее и поставьте на карточке отметку: *de visu!* Это в переводе с латыни значит: «глазами очевидца» или «видено воочию». Такая пометка говорит, что вы не только слышали об этой книге или читали о ней, но и держали ее в руках.

Поступайте так не только с книгами, которые вы нашли по энциклопедиям. Предположим, вас заинтересовало, что читать младшим братьям и сестрам. Недолгие поиски в библиотеке приведут вас к книге, сведения о которой вы занесете на карточку своей картотеки. Вот как это будет выглядеть.

В. И. Панков.

Ваши помощники книги.

Пособие для воспитателя детского сада.

М., Просвещение, 1978.

Этих сведений достаточно в любой библиотеке, чтобы заказать по ним книгу.

Вы получили книгу. Полистали ее. Ставьте на карточку пометку: *de visu!* Посмотрите, как построена книга, подумайте, о чем она рассказывает.

На обороте карточки кратко записывайте примерно так: «В. И. Панков пишет приблизительно о ста книгах для детей старшего дошкольного возраста: стихах, прозе, сказках, научно-популярных рассказах. В его работе есть дополнительный список книг на темы «Чувство Родины», «Мир взрослых», «Детям о детях», «Знакомство с окружающим миром», «Радость встречи с книгой». Книга полезна воспитателям, родителям, старшим братьям и сестрам, которые хотят знать, что читать малышам, как им рассказывать о книгах».

Книги по интересующей вас теме, названия которых вы нашли в каталогах вашей библиотеки, в энциклопедиях, в других справочных изданиях, — исходный рубеж вашей работы. Эти сведения можно дополнять и расширять, но начало положено.

Для чего еще приходится обращаться к энциклопедиям и вообще к справочникам? Каждому случается прочесть или услышать имя, название, незнакомое слово. Можно не обратить на это внимание. Мол, всего все равно знать нельзя! Некоторые именно так и поступают. Другим, напротив, встреча с неизвестным не дает покоя.

Мы гуляли однажды с приятелем, и я заметил, что у него странный, отсутствующий вид. Он неожиданно задал вопрос, который не имел отношения к нашему разговору:

— Кто такая Клепсидра?

Я не знал. И прежде всего спросил его сам:

— А это имя? Может быть, вещь?

— Может, имя, может, вещь! — сказал приятель. — Только из головы не идет. Услышал стихи: «Твой приговор несет Клепсидра», а кто она или что она, не знаю.

Теперь неизвестное слово не давало покоя нам обоим. Дома мы кинулись к книжному полкам. В энциклопедическом словаре этого слова не оказалось.

Пришлось пойти в библиотеку. К нашему удивлению, в 3-м издании БСЭ слова этого нет! Нашли мы его в 21-м томе 2-го издания. «Клепсидра» значит в переводе с греческого «водяные часы», т. е. прибор, в котором движение воды используется для измерения времени. Появился этот прибор в Китае, Индии, Египте в глубокой древности. В энциклопедии помещены изображение и разрез клепсидры, усовершенствованной во II в. до н. э. знаменитым александрийским математиком Ксеем.

Загадочная строка из стихов тоже стала понятной. Я вспомнил и пересказал моему приятелю рассказ об одном судебном процессе в Древнем Риме. Обвиняемому было строго отмерено время на последнее слово. Проверляли длительность речи по клепсидре. А он ждал доказательства в свою пользу, которое должны были доставить издалека. Каждая капля воды, вытекающая из клепсидры, приближала приговор. Его спас камешек, случайно заткнувший отверстие водяных часов. Все это я когда-то прочитал в детской книге М. Ильина «Который час?», но так давно, что, не найди мы слова «клепсидра» в энциклопедии, ни за что бы не вспомнил.

Потом оказалось, что справку можно было навести проще. Слово «клепсидра» кратко истолковывается в «Словаре иностранных слов». Есть хорошее правило — справку о неизвестном слове или понятии начинайте наводить с более кратких справочников, может быть, вы найдете там необходимое, потом переходите к энциклопедиям.

Нередко случается слышать спор о том, что означает то или иное понятие, когда произошло то или иное событие, где находится тот или иной город и так далее. Спорщики горячатся, каждый уверен, что прав, каждый надеется на свою память. Но память — даже надежная — часто подводит. Проверяйте себя! Прежде всего по энциклопедиям. А главное — приучите себя все без исключения имени, даты, названия, термины и тому подобное, которые вы приводите в сочинениях, докладах, заметках, написанных для газеты, проверять по справочникам и энциклопедиям.

А многие просто любят энциклопедии и справочники перелистывать и, останавливаясь то на одной, то на другой странице, читать. О такой привычке рассказывается в биографиях многих замечательных людей. Об этом писали и самые мудрые, и самые веселые писатели. У О'Генри есть рассказ «Справочник Гименя». Его герой обязан счастьем тем, что всю долгую вынужденную зимовку читал карманный словарь-справочник Херкимера, содержащий сведения из самых разных областей. Не знаю, существовал ли такой справочник в действительности, но рассказ этот больше, чем просто шутка. А кстати, знаете ли вы, когда жил О'Генри и кто такой Гименей? Не знаете? Посмотрите в энциклопедии.

Среди множества справочных изданий — важных инструментов в работе с книгой — остановлюсь на тех, которые необходимы каждому, кто хочет хорошо, свободно, правильно пользоваться всеми сокровищами родного русского языка.

Начнем со словаря С. И. Ожегова — однотомного толкового «Словаря русского языка». Слово «толковый» означает, что словарь объясняет, толкует значения слов. О словаре С. И. Ожегова прекрасно сказано в предисловии его редактора Н. Шведовой: «Жизнь однотомного «Словаря Ожегова» не могла оборваться вместе с жизнью его автора. (С. И. Ожегов скончался в 1964 году, не прекращая совершенствования словаря до последних дней жизни. — С.Л.) Этот словарь прочно занял место среди других русских толковых словарей, его популярность и потребность в нем у самых широких слоев читателей не только не уменьшились, но продолжают все время возрастать». Словарь переиздавался 11 раз. В последнем издании этого словаря около 57 000 слов. Это словарь нормативный.

Нормативный словарь основывается на литературном словоупотреблении, которое запечатлено в книгах классиков литературы и лучших современных писателей, на словоупотреблении людей образованных, на правилах, которым обучают в школах, на образцовой речи радио и телевидения. Нормы словоупотребления, как и все языковые нормы, бывают и строго обязательные и такие, которые допускают отступления.

Среди справочных изданий, посвященных русскому языку, почетное место занимает четырехтомный «Толковый словарь русского языка»

под редакцией Д. Н. Ушакова. Он выходил в 1935—1940 годах (2-е фототипическое издание в 1947—1948 годах). Его составителями были известнейшие советские ученые. Называют его обычно просто «Словарь Ушакова». О значении этого словаря хорошо сказал С. И. Ожегов, принимавший участие в его составлении: «После второй мировой войны, когда советская культура русского народа получила мировое признание и русский язык стал изучаться во многих странах мира, "Словарь Ушакова", как классический свод русской лексики, переиздается в Китае и США, во Франции и Японии. Ни один русско-иноязычный словарь в Советском Союзе не выходит за рубежом теперь без знакомства со „Словарем Ушакова“». Словарь этот тоже нормативный.

Во многих произведениях художественной литературы, народных сказках и песнях, устной речи часто встречаются слова, которых нет в словарях Ожегова и Ушакова. Это слова устаревшие или диалектные, то есть такие, которые принадлежат к одному или нескольким говорам русского общенационального словаря. (Например, существительное «шабер» в некоторых говорах значит «сосед» или прилагательное «баской» — «красивый».)

Диалектизмами, а также профессионализмами (из речи охотников, рыболовов, моряков, шахтеров и людей многих других профессий) пользовались в своих книгах и старые русские и современные советские писатели.

Слова русского народного языка, в том числе устаревшие, диалектизмы и профессионализмы входят в четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка». Этот словарь — дело долгих лет жизни и неустанного самоотверженного труда русского писателя, ученого — лексикографа и этнографа В. И. Даля (1801—1872). Его словарь называют сокровищницей русского народного языка середины XIX века. Впервые словарь Даля вышел в 1863—1866 годах, затем в 1880—1882. Второе издание несколько раз переиздавалось фототипическим способом и сейчас переиздается снова.

Самый полный толково-исторический и нормативный словарь русского языка — академический «Словарь современного русского языка» в 17 томах. Он выходил в 1948—1965 годах под редакцией А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и других и в 1970 году был удостоен Ленинской премии. Что такое толковый и нормативный, вы уже знаете, а историческим словарь назван потому, что в нем приводятся примеры из истории употребления слов.

Непременно посмотрите в Большой библиотеке словари Даля, Ожегова, Ушакова, академический. Поупражняйтесь в том, как наводить по ним справки. Раскройте их на одном и том же слове, например «дом», «дорога», «работа», посмотрите, в чем сходятся или чем различаются статьи этих словарей.

Привыкайте заглядывать в словари всегда, когда вам неясно значение слова, когда вы хотите узнать, как его применяли и применяют мастера языка, входит ли оно в литературную норму или принадлежит речи диалектной или профессиональной.

Нередко приходится слышать, как кто-нибудь решительно говорит: «Так сказать нельзя! Такого слова нет!» Не спешите с такими утверждениями. Проверяйте себя по словарям!

Когда пишешь, готовишься к выступлению, переводишь, редактируешь, приходится искать наиболее точное слово. Тут помогают словари синонимов. Кстати, знаете ли вы, что такое синоним? Не огорчайтесь, если затруднитесь сразу дать точное определение. Над точным определением понятия «синоним» долгое время бились многие ученые и к единой точке зрения, по-видимому, до сих пор еще не пришли. Краткое и достаточное таково: «Синонимы — от греч. слова *synonymos* — одноименный — различные по звучанию слова, значения которых полностью или частично совпадают».

Начните с «Краткого словаря синонимов русского языка» В. Н. Ключевой (2-е изд., 1961) или со «Словаря синонимов русского языка» З. Е. Александровой (1971). В них даются перечни одинаковых или близких по значению слов без толкований.

Предполагается, что, прочитав такой, например, перечень слов: «доброта, добродушие, благодушие, добросердечие, добросердечность, мягкосердечие, мягкосердечность», читатель сам почувствует оттенки каждого слова. Чтение синонимических перечней полезно еще и потому, что дает толчок памяти, воображению, помогает вспомнить другие слова, которые, хотя и не вошли в этот список, могут продолжить его.

В 1970—1971 годах вышел двухтомный «Словарь синонимов русского языка» (главный редактор А. П. Евгеньева). В нем каждый синоним объясняется и подтверждается примерами. Вот одна из статей этого словаря: «**Смешной, забавный, потешный** (разг.), **уморительный** (разг.), **смехотворный** (разг.), **курьезный** (разг.), **комический и комичный**.

Закрывающий в себе что-либо, заставляющее смеяться, вызывающий смех. **Смешной** — вызывающий смех; **забавный, потешный** — такой, который не только смешит, но и забавляет; **уморительный** — очень смешной, очень забавный; **смехотворный** — такой, который вызывает смех своей нелепостью, несуразностью и т. п.; **курьезный** употр. преимущественно со словами случай, происшествие в речи разговорного характера; **комический, комичный** — забавный, смешной, полный комизма».

Эти пояснения помогают точнее представить себе значение слова и его оттенок, особенно ощутимый в сравнении с теми словами, что стоят в том же перечне.

Однако по-настоящему окраску синонимов чувствуешь, только вчитываясь в примеры. Они даются к каждому синониму и взяты из книг писателей и других мастеров языка. Приводить их не станем. Раскройте словарь синонимов А. П. Евгеньевой и почитайте перечни синонимов, толкования и примеры. Зачитаетесь!

Недавно вышел «Словарь эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло (Л., 1979). Составители этого словаря придерживаются широкого понимания термина «эпитет», относя к эпитетам определения, встречающиеся не только в художественной, поэтической и прозаической речи, но и в речи обиходно-разговорной. Вот какие эпитеты к слову «друг», если речь идет о настоящем друге, дает этот словарь: **Беззаветный, бескорыстный, бесценный, близкий, верный, вечный, давний, давнишний, добрый, дорогой, драгоценный, душевный, единственный, заботливый, задушевный, закадычный (разг.), замечательный, запазушный (устар.), интимный, исключительный, искренний, испытанный, истинный, короткие (мн.), лучший, любезный, мил-сердечный (нар.-поэт.), милый, надежный, настоящий, неизменный, неразлучный, первый, постоянный, преданный, сердечный, славный (разг.), старинный, стародавний, старый, теплый (разг.), участливый, хороший**. Ко многим из этих эпитетов даются примеры.

Затем следует список эпитетов к слову «друг», если друг этот ложный. Радостно отметить, что их гораздо меньше, чем эпитетов, которые означают настоящего друга. А в конце статьи даются редкие эпитеты: **неразменный, яростный**. Тоже с литературными примерами.

Чтение этого словаря — занятие увлекательное!

Назову еще некоторые словари: Фразеологические обороты русского языка Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967; Ш а н с к и й Н. М., И в а н о в В. В., Ш а н с к а я Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971; А х м а н о в а О. С. Словарь омонимов русского языка. 2-е изд. М., 1976.

И, конечно, не забывайте, когда пишете, об орфографическом словаре. В нем даются правила написания слов. Школьникам предназначен «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова. Он переиздавался много раз. Если вы не найдете в нем слово, вызывающее сомнение, поможет «Орфографический словарь русского языка». Тот, что издан не ранее 1956 года, после выхода единых «Правил русской орфографии и пунктуации». С тех пор он часто переиздавался.

И не забывайте, что правила написания и произношения разные. Мы пишем: «солнце», но произносим: «сонце»; мы пишем: «скушно», но произносим «скушно». Если у вас есть сомнения, как произносить слово, обращайтесь к книге: Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. М., 1960.

Недавно на полках наших библиотек появилась однотомная энциклопедия «Русский язык» (М., 1979). Ее главный редактор Ф. П. Филин.

Такой книги, в которой коротко и в доступной форме было бы изложено все основное о русском языке, раньше не было. Это первый и очень удачный опыт. В энциклопедии «Русский язык» можно прочитать о составе русского языка, о его связях со славянскими языками и о других языках мира, о его диалектах, о его строении, о его истории, о том, как развивалась наука о русском языке, о выдающихся языковедах-руссистах.

Не жалейте времени на это. Книги — инструмент работы. А инструментом следует владеть в совершенстве.

ЧТО ТАКОЕ АППАРАТ КНИГИ?

Воздадим благодарность тому, кто помог нам
легко пройти сквозь сложный лабиринт книги.

Из старинного трактата

слова «аппарат» много значений. А происходит оно от латинского *apparatus*, что значит снаряжение, оборудование. Аппарат книги — это ее снаряжение. Оно помогает читателю. Если читатель знает, как этот аппарат устроен и умеет им пользоваться.

Почти в каждой книге есть оглавление или содержание.

Знакомство с книгой, особенно научной или научно-популярной, опытный читатель начинает именно с оглавления. Оглавление помогает найти в книге тот раздел, который вам нужен, если вы не собираетесь читать всю книгу (так ведь тоже может быть), а хотите познакомиться только с ним.

В некоторых научных книгах в оглавлении есть: разделы, подразделы, главы и параграфы. Их обозначают римскими и арабскими цифрами, большими и малыми буквами.

Оглавление — важный путеводитель по научной книге. Оно помогает найти в ней нужный материал. Оглавление в учебнике помогает проверить себя, когда готовишься к экзамену. Перечитывая его, сразу видишь, какие разделы помнишь, а какие забыл.

Оглавления научных книг подробны, но сдержанно сухи и точны.

Автор научной книги не напишет в оглавлении: «Глава VIII, или рассказ о том, как мореплаватель Колумб плыл в одну страну, а приплыл в другую».

Оглавления с длинными и занимательными названиями глав бывают в романах и повестях, особенно старых.

Вот пример:

Г л а в а XXVII.

Сэмюэл Уэллер совершает паломничество в Доркинг и лицезрит свою матушку

Г л а в а XXVIII.

Веселая рождественская глава, содержащая отчет о свадьбе, а также о некоторых других развлечениях, которые, будучи на свой лад такими же добрыми обычаями, как свадьба, не столь свято блюдутся в наше извращенное время

Это — Диккенс. «Посмертные записки Пиквикского клуба».

«Записки Пиквикского клуба», как и многие другие книги XVIII и XIX веков, выходили выпусками. Когда читатель брал в руки новый выпуск и решал, купить ли его, подробное и забавное перечисление событий в главах этого очередного выпуска помогало ему включиться в ход событий после перерыва, напоминало о героях, будило интерес читателей книги к новому выпуску. Когда книга выходила целиком, такие заголовки над каждой главой сохранялись. Теперь они выполняли только вторую задачу — привлечь внимание читателя.

Подробные заголовки над главами иногда встречаются и сейчас. Обычно там, где авторы подражают писателям прошлого, а еще в книгах приключений и в некоторых юмористических. Часто уже по одному виду и стилю оглавления можно предположить, какая книга перед вами.

Важной, может быть важнейшей, частью аппарата являются указатели.

Возьмем, например, один из томов «Всемирной истории». Это много-томное издание, подготовленное многими научными учреждениями и большим коллективом авторов. К нему обращаются все, кто занимается историей. Если вам случится писать сочинение на историческую тему, готовить доклад или вы просто заинтересуетесь каким-нибудь историческим событием, основной материал вы найдете в этом издании.

Откроем любой том, например III. В нем есть именной указатель. Он занимает много страниц. Вот отрывок из него:

Александр Ярославич Невский — с. 383, 596, 598, 599—602.

Александр Добрый — с. 760, 761.

Александр I Комнин — с. 333, 414—416, 419 и т. д.

Мы сразу замечаем, что имя Александра Невского встречается и на отдельных страницах, и на трех страницах подряд. Можно предположить, что именно на этих трех страницах дается особенно подробная характеристика его деятельности. Так оно и есть.

Следующий указатель называется так: «Указатель географических и этнических названий».

Вот как выглядят несколько строк из него:

Бавария — с. 160, 172, 173, 375, 365, 683, 701.

Багдад — с. 115, 119, 120, 122, 124. И т. д.

Начиная работать с научной книгой, прежде всего поглядим, какие в книге есть указатели, чтобы не искать в именном географического названия, и наоборот. Потом вчитаемся в них, чтобы заметить, употреблял ли составитель перестановку слов или нет, то есть помещал ли он в указателе предметы и понятия, так как они встречаются в тексте, например: «Воздушный шар» — или выносил на первое место существительное: «Шар воздушный». Разбираться в том, какие указатели есть в

книге, и полезно, и увлекательно. Это важная подготовка к работе с данной книгой, знакомство с тем, какой материал в ней можно найти.

Указатели строятся по алфавиту.

Необходимость указателей литературы и издатели поняли уже давно. Первые указатели в европейских книгах появились в XV веке, в XVI веке они стали уже делом обычным.

Научная книга без указателей во многом теряет ценность. Ею неудобно пользоваться. Многие важные сведения оказываются погребенными в толще ее текста. Читатель не может докопаться до них. Английский ученый, лорд Кэмпбелл некогда внес в парламент предложение: «Историков, которые печатают свои труды без указателей, лишать права на публикацию этих сочинений!»

Венгерский писатель Иштван Рат-Вег, автор увлекательнейшей «Комедии книги», воскликнул: «Мудрое предложение! Научными книгами без подробных указателей пользоваться невозможно!» Но он же справедливо говорит, что, снабжая книгу указателями, надо знать меру, и приводит такой забавный пример.

В одном английском сочинении на с. 136 приводится анекдот о попуе — какаду. По предметному указателю в соответствующих местах, строго по алфавиту разбросаны следующие указания на этот анекдот:

Абсурдный анекдот о какаду — с. 136.

Анекдот абсурдный о какаду — с. 136.

Вопросы, на которые отвечает какаду — с. 136.

Мыслящий какаду (предположительно) — с. 136.

Невероятный случай с какаду — с. 136.

Рассказ о какаду господина Р. — с. 136.

Разговор с какаду — с. 136.

Удивительная история о какаду — с. 136.

И это еще не все!

Однако вернемся к вещам более серьезным. К аппарату книги относятся колонтитулы. Что это такое? На это, вероятно, мало кто ответит. Колонтитулы указывают, о чем говорится на данной странице. В книгах художественных колонтитулы встречаются редко и то по преимуществу в старых изданиях. В научных книгах, в учебниках, в справочниках колонтитулы чаще всего повторяют названия глав и параграфов. На левой странице помещают название главы, например: «Первые паровые машины», на правой — название параграфа, например: «Паровая машина Ползунова». Если книга — сборник, то на колонтитуле слева помещается обычно фамилия автора, справа — название произведения. Например, в сборнике рассказов советских писателей это выглядит так: слева — Гайдар, справа — Голубая чашка.

Особенно важны колонтитулы в словарях и энциклопедиях. Обычно на левой странице словаря помещают первое слово, которое объясняется или переводится на этой странице, или начальные буквы слов, а на правой — последнее. Например, в «Словаре русского языка» в 4-х томах

на страницах 520—521 помещены такие колонтитулы: слева на странице 520 — ДЕМ, справа на странице 521 — ДЕН. Это значит, что на этих страницах объясняются слова, которые начинаются со слога «ДЕМ» — «демократия», до тех, которые начинаются со слога «ДЕН» — «денонсирование».

В энциклопедиях в колонтитулы таким же образом выносятся слова — слева первое, которое объясняется на этой странице, справа — последнее. На развороте страниц 130—131 в 14 томе Большой советской энциклопедии (издание третье) слева стоит слово ЛАМАР (имя болгарского писателя), справа — слово ЛАМБЕРТ (имя немецкого математика).

Колонтитулы, особенно в научной литературе, помогают быстро находить то, что мы ищем. А со словарями и энциклопедиями без колонтитулов было бы вообще почти невозможно работать.

Важной частью аппарата книги являются аннотации. Мы немного говорили о них в главе «Книги — инструмент работы». Там шла речь о том, как самому составлять аннотацию на прочитанную книгу. Теперь о тех аннотациях, которые печатаются в самой книге, составляя часть ее аппарата.

Вы пришли в магазин, стоите перед прилавком с новыми книгами или рассматриваете новинки на выставке новых поступлений в библиотеке. Как быстро сообразить, что за книга перед вами, если фамилия автора вам неизвестна, а по названию непонятно, о чем она? На помощь приходит аннотация. Эта короткая заметка объясняет нам, на какую тему написана книга, в каком жанре или форме. Иногда сообщает и краткие сведения об авторе. Аннотацию помещают в книге на обороте титульного листа или на клапане суперобложки.

Хорошая аннотация должна привлечь внимание читателя к книге, но не обещать того, чего в книге нет.

Вот аннотация, которая сразу же привлекла меня.

С веком наравне. Рассказы о мастерах западноевропейской живописи от Леонардо до Пикассо. М., Молодая гвардия, 1977, 368 с., с ил.

На обороте тит. л. сост.: И. Ненарокова.

Под таким названием вышло уже три книги рассказов о художниках и скульпторах: первый том посвящен русским живописцам XIX века, второй том — русским и советским художникам XX века, третий — русской скульптуре. Настоящий том составляют рассказы о творчестве западноевропейских живописцев от Леонардо да Винчи до Пикассо, об истории создания их картин, которые принадлежат перу советских и зарубежных авторов, писателей и искусствоведов. В книге большое количество цветных и черно-белых reproductions с картин.

Неправда ли, вот аннотация, которая сразу вызывает интерес!

Во многих научных книгах, кроме аннотации, печатается еще и реферат. Что такое реферат, мы уже знаем. В реферате, прилагаемом к научной книге, обязательно должно быть подчекнуто, что нового вносит эта книга в науку.

Во многих книгах помещается предисловие или вступительная статья (иногда и то, и другое). Вот, например, Собрание сочинений замечательного русского писателя И. А. Бунина (1870—1953) в девяти томах. Его открывает короткая вступительная статья «От издательства». Она занимает неполную страницу. Здесь сообщается, что «в собрание сочинений входит все наиболее значительное и художественно совершенное из литературного наследия писателя», указывается, как произведения распределены по томам, словом, дается необходимая краткая информация. А предисловием к изданию печатается большая статья А. Т. Твардовского «О Бунине».

Почему понадобилась такая статья? Путь Бунина был сложным. В годы гражданской войны он покинул Родину, оказался в эмиграции, долгое время относился к молодой Стране Советов враждебно. Многие годы его книги у нас почти совсем не издавались. А писатель это замечательный! В 1954 году, выступая на II съезде советских писателей, К. А. Федин сказал, что пора вернуть Бунина нашему читателю. Помню, как горячо заплодировал зал. Несколько лет спустя вышло первое после большого перерыва издание Бунина в пяти томах. Когда готовилось второе, несравненно более полное издание, было решено, чтобы о том, какое место в нашей литературе занимает этот писатель, рассказал другой большой художник. Это и сделал во вступительной статье А. Т. Твардовский. Спокойно, обстоятельно, с любовью к писателю рассказал он о сложной жизни и непростом творчестве Бунина. Объяснил, под какими влияниями оно складывалось и что в русскую литературу внесло. Бунин — писатель для чтения нелегкий. Твардовский не обходит эту особенность его книг и указывает на нее. И при этом глубоко и интересно говорит о «трудной» литературе.

Мысль его важна не только для того, чтобы лучше понять Бунина, но и для того, чтобы задуматься над многими книгами больших художников. Твардовский пишет:

«Бунин — художник строгий и серьезный, сосредоточенный на своих излюбленных мотивах и мыслях, всякий раз решающий для самого себя некую задачу, а не приходящий к читателю с готовыми и облегченными построениями подобий жизни. Сосредоточенный и углубленно думающий художник, хотя бы он рассказывал о предметах по первой видимости малозначительных, будничных и заурядных, — такой художник вправе рассчитывать и на сосредоточенность, и даже некоторое напряжение, по крайней мере поначалу, со стороны читателя.

Но это можно считать необходимым условием плодотворного „контакта“, читателя с писателем, имея в виду, конечно, не одного Бунина, но всякого подлинного художника».

Очень интересные предисловия напечатаны во многих книгах «Поэтической библиотеки школьника», о которой мы говорили в главе «Звучащая антология».

В научных книгах предисловие или вступительная статья часто необходимы, чтобы объяснить, какое значение имеет теория автора. Если речь идет о старой книге, они должны иногда указать, в чем ее положения устарели.

Особенно важную роль играют предисловия к романам, повестям, рассказам зарубежных авторов, к художественным произведениям на историческую тему. Эти книги приводят нас в незнакомую среду, переносят во времена, которые мы представляем себе недостаточно. Хорошо написанное предисловие помогает читателю войти в этот мир.

Иногда имеет смысл снабдить книгу не предисловием, а послесловием. Так делают, когда хотят помочь читателю разобраться в том, что он только что прочитал, но не говорить о сюжете книги заранее, чтобы не ослабить интереса к тому, что происходит в книге.

Мне приходилось слышать:

— Я этих послесловий и предисловий вообще не читаю! Меня они не интересуют! Я и сам могу разобраться в книге.

Конечно, никто не может никого заставить читать предисловия или послесловия. Как говорится, «вольному — воля». Но верно ли так отмахиваться от того, что могут дать эти страницы?

Предисловия и послесловия к книгам других авторов — своих предшественников или современников — писали Флобер, Анатоль Франс, Горький, Твардовский, Маршак, Паустовский и многие другие выдающиеся писатели. Разве неинтересно узнать, что они думали о тех, кого представляли читателю?

Неужели не хочется услышать, как они говорят о книгах, которые рекомендуют нам? Хотя бы для того, чтобы сравнить это с собственным мнением. А бывают такие случаи, когда без предисловия книга вообще останется малопонятной.

Несколько лет назад вышла книга писателя XVIII века Николая Курганова «Краткие замысловатые повести». Когда-то Н. Г. Курганов был знаменитым писателем. Сам Пушкин собирался написать его биографию. Книга Курганова с предлинным названием «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно забавного вещесловия» выходила множество раз и для своего времени большими тиражами. Потом Курганова и его «Письмовник...» забыли. Самая интересная часть этой книги — «Краткие замысловатые повести». Их и выпустило в свет издательство «Художественная литература». Отобрал «Замысловатые повести» и нарисовал к ним иллюстрации художник Николай Васильевич Кузьмин. Он же снабдил книгу предисловием. Из него мы узнаем все самое главное о жизни и творчестве Н. Г. Курганова. Без такого предисловия современному читателю никак не обойтись — сведения о писателе затеряны в забытых источниках. Предисловие вместе с иллюстрациями Н. В. Кузьмина не только помогает понять повести Курганова, оно возвращает читателю забытого, но инте-

ресного русского писателя. Такое предисловие во много раз увеличивает ценность издания.

К аппарату книги относятся, наконец, примечания.

Вы помните начало романа Л. Н. Толстого «Война и мир»?

Действие начинается в гостиной знатной петербургской дамы Анны Павловны Шерер, в 1805 году. В те времена в таких гостиных говорили по-французски. По-французски и передает Толстой разговор, который ведет Анна Павловна со своим гостем. Но далеко не каждый читатель знает французский язык. Поэтому к строкам, написанным на французском языке, дается примечание с переводом. В данном случае эти примечания сделал сам Толстой. Примечания, которые помещают в нижней части страницы, называют подстрочными. Их обычно набирают шрифтом помельче, чем основной текст. А в тексте ставят звездочку, вот такую * или цифру ¹, ², ³ — по порядку примечаний.

Если примечаний много, их помещают в конце книги, после основного текста. Такие примечания называются затекстовыми.

В примечаниях подстрочных и затекстовых даются не только переводы иностранных слов или фраз. Иногда приходится объяснять и русские слова.

Представьте себе, что вы читаете стихотворение Тютчева и наталкиваетесь на такие строки:

Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту.

Что значит слово «синель»? Во времена Тютчева оно значило то же, что сирень. «Набрести на свежий дух синели» — значит натолкнуться на душистую сирень. Все очень просто, если объяснено! Конечно, примечание к слову «синель» нелишнее. В другом стихотворении Тютчев называет гору «разоблаченной». Поэт Л. Озеров, большой знаток Тютчева и русской поэзии вообще, о слове «разоблаченный» пишет: «В тютчевские времена это слово имело только первоначальный смысл: без облаков».

Перевод иностранных слов, объяснение забытого смысла слов родного языка — вот что входит в примечания и составляет важную часть аппарата книги. Только это или что-нибудь еще?

Раскроем какой-нибудь том собрания сочинений В. Г. Короленко в десяти томах, например восьмой. В этом томе напечатаны его литературно-критические статьи и воспоминания. Начнем читать его интереснейшие воспоминания о Чехове. Перед нами сразу возникнут названия разных книг, не всегда нам известных, фамилии неведомых людей и прочее, что было хорошо понятно современникам Короленко и Чехова, но непонятно нам. В этом случае на помощь тоже приходят примечания.

Вот отрывок из них:

Стр. 81. «Сказки Мельпомены» — первый сборник рассказов Чехова, вышел в 1884 году...

Стр. 83. Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт, беллетрист, переводчик. Арестованный в 1849 г. как петрашевец, был приговорен к смертной казни, замененной ему восьмилетней каторгой. По возвращении в 1861 г. из ссылки вновь занялся литературным трудом...

В самом тексте Короленко слова и строки, к которым даются затекстовые примечания, не отмечены ни звездочкой, ни цифрой. Почему? Так поступают, когда примечаний много. Частое появление в тексте звездочек или цифр разрушает впечатление от текста. Достаточно предупредить читателя в начале книги: непонятные названия, неизвестные имена объясняются в конце каждого тома.

Когда читать примечания? Странный вопрос! Да нет, не такой уж странный. Многие читают примечания прежде, чем само произведение. Некоторые читают примечания после текста, отдельно. Третьи читают текст, доходят до незнакомого понятия, названия, слова — смотрят в примечания. Такой способ помогает не только понять, но и запомнить неизвестное слово или понятие. Ведь вы знакомитесь со словом в той связи, в какой оно употреблено в книге. Но, читая рассказы, романы, повести, а особенно стихи, таким способом лучше пользоваться осторожно, чтобы не разрушить впечатления от романа или поэмы.

Однако, натолкнувшись на какое-нибудь слово или строку, истинных значений которых вы не знаете, если они не отмечены знаком, вы, возможно, и не догадаетесь о своем незнании. Мы часто и не подозреваем, как многое нам неизвестно! Вот почему заглядывайте в примечания не только по крайней необходимости и уж, во всяком случае, не откладывая книгу, не поглядев примечаний! А будете вы это делать «на закуску» или «на десерт» — дело привычки.

Как синоним к понятию «примечание» употребляется понятие «комментарий». Однако некоторое различие тут есть. В комментариях, кроме объяснения непонятных слов, терминов, имен, кратко рассказывается еще и об истории появления книги, говорится о ее главнейших особенностях, об истории работы над ней автора. Такие пояснения и называются комментарием. Если вы откроете любой том, например, собрания сочинений Пушкина, Гоголя, Чехова, Толстого, вы увидите, как выглядит такой комментарий.

Имя автора комментария обычно указывается на титульном листе книги или на его обороте. Составить комментарий к книге нелегко. Он должен содержать все необходимое и ничего лишнего и быть совершенно точным.

Тому, кто составляет примечания и комментарии, надо проверять себя по самым надежным источникам, иногда переворачивать горы спра-

вочников, словарей, энциклопедий. И не полагаться на собственную память. А то может произойти конфуз!

Одно большое издательство выпустило огромным тиражом рассказ американского писателя Э. По «Золотой жук». Очень хороший рассказ — предшественник и образец многих других более поздних детективов. В рассказе важную роль играет жук, который по-латыни называется жук *caput hominis*. Издатели справедливо решили, что нынешний читатель, как правило, латыни не знает и что латинское название нужно объяснить. Это и было поручено автору примечаний. И он объяснил. Но как! Поскольку латинское слово *caput* созвучно с русским «капут», он решил, что оно значит то же, что слово «капут», например, в таком выражении — «капут тебе пришел!» О том, что латинское слово *hominis* значит человеческий, он знал. И написал в примечаниях: *caput hominis* — жук — смерть человеку. А надо было: «жук — человеческая голова». (Латинское слово *caput* значит голова.)

Некоторые говорят:

— Примечания в книгах вообще не нужны! Разве что для перевода иностранных текстов. Если читатель чего-нибудь не знает и захочет узнать, пусть посмотрит в энциклопедии.

Если пойти дальше, можно сказать, что и переводы иностранных текстов незачем помещать в примечаниях. Захочет читатель узнать, что говорит герой романа по-французски, пусть возьмет словари и грамматику и разберется сам. Разве это невозможно? Возможно. И даже очень полезно. Не менее полезно самому дознаться, что значит то или иное неизвестное понятие, которое упоминается в тексте. Но читателю, читающему книгу, которая его увлекла, трудно отрываться от книги и наводить необходимые справки. Можно возразить, что это дело привычки: один читатель может перейти от текста романа к тексту энциклопедии, и впечатление у него при этом нарушено не будет, для другого — это скачок резкий и непереносимый.

Но дело даже не в этом: предложение отказаться от примечаний — предложение высокомерное. Книги читают не только там, где можно пойти в Большую библиотеку и навести любую справку. Книги читают повсюду, в том числе и в таких местах, где это невозможно.

Есть книги, в которых важной, быть может, самой важной частью аппарата, являются библиографические ссылки. Что это такое и как это выглядит? Вот пример. В книге П. Н. Беркова читаем:

«Библиография должна быть точна, так же точна, как и таблицы логарифмов. Неточная, неряшливая библиография так недопустима, как телефонная книга с неверными номерами телефонов, как расчетные таблицы (для инженеров) с опечатками, или, наконец, книги рецептов для врачей с неправильными указаниями дозировок»*.

* Цит. по кн.: Р и с с О. В. От замысла к книге. М., 1969, с. 67.

Внизу страницы дается библиографическая сноска. В данном случае я отметил, что процитировал эти слова не по книге П. Н. Беркова, а по книге О. В. Рисса.

Всякий автор, который приводит чужую мысль и чужие слова, должен указать, кому они принадлежат. Но зачем ссылка на О. В. Рисса? Чтобы найти хорошую, точную выразительную цитату, тоже нужно проделать работу. Подходящую для моей книги цитату в книге Беркова до меня нашел Рисс. Это я и отмечаю ссылкой на него.

Бывает и так, что автор цитирует редкую книгу. Вы не можете достать ее или проверить того, кто ее процитировал. В этом случае второй ссылкой вы указываете на это: ручаетесь за точность того, как вы процитировали вторично. За точность первичного цитирования несет ответственность тот, на кого вы сослались.

Мне случалось встречать студентов, которые писали курсовые или дипломные работы, молодых авторов, которые писали первые в своей жизни книги, и не удерживались от соблазна. Какую-нибудь книгу на иностранном языке, архивную рукопись, давно забытую статью они сами не читали, но читали цитаты из них в чьей-нибудь книге. И переписывали оттуда цитату, но ссылались прямо на иностранную книгу, архивную рукопись, забытую статью, не упоминая того, у кого нашли эти слова. Вот, мол, до каких глубин я сам докопался! Нередко такое обращение с чужим материалом кончается конфузом. Например, в работе указывается архив, где документ хранился когда-то, где его изучал первый исследователь, но откуда он давно перешел в другое место, так что тот, кто использует без ссылки чужую цитату, никак не мог видеть документа в том архиве, на который ссылается.

Возможен вопрос: в вашей «Книге о книге» много цитат. А где же сноски? В некоторых изданиях, например художественных и научно-художественных, подстрочные и затекстовые сноски применяются не всегда. Имя цитируемых авторов в таких случаях указывается в тексте. Названия же их произведений указываются в «Списке литературы». Именно так поступил я.

Непреложное правило при библиографической ссылке в научной или учебной работе: цитируешь по источнику — рукописи, книге, журналу — указывай источник. Цитируешь по работе, где этот источник (рукопись, книга, журнал) уже использовался, ссылайся вначале на источник, затем на того, у кого нашел эту цитату.

Приглашаю вас раскрыть изданную в серии «Жизнь замечательных людей» книгу А. М. Туркова «Александр Блок» (М., 1976) — прекрасную книгу о прекрасном советском поэте. С каким тщанием выполнены в ней библиографические сноски и ссылки! Автор озабочен, чтобы не забыть и указать — вот это мне подсказала работа такого-то, вот об этом можно прочитать у такого-то, об этом первый сказал такой-то.

Как украшает такая щепетильность книгу! Как повышает она доверие к ее автору!

Благодарность автора тем, кто помог ему советом, материалом, справками, не считается обязательной частью аппарата научной книги. Помещать ее в книгу или не помещать — его личное дело. Но прочитайте страницу, на которой А. М. Турков перечисляет имена людей, названия архивов и библиотек, которые помогли ему в работе, и вы увидите, как интересно это узнать, и еще раз почувствуете, сколько и каких поисков, вопросов, обращений по разным адресам стоит за страницами книги, знания и советы скольких людей понадобились в ней...

Оглянемся на эту главу. Мы вспомнили или узнали в ней, что такое аппарат книги: оглавление, указатели, колонтитулы, аннотации, рефераты, предисловия и послесловия, примечания, комментарии, библиографические ссылки. Этим не исчерпывается все, что входит в аппарат книги, но об основном сказано.

Теперь, пожалуй, нужно не забыть и сказать: самое главное в книге — ее основной текст. Если он плох, неинтересен, скучен, его не спасут никакие предисловия, не украсят никакие комментарии. Мы ценим хорошие примечания, но не станем уподобляться ученым мужам, высмеянным Чеховым, — «ученым, которые считают, что важен не Шекспир, а примечания к нему».

Все, о чем мы говорили в этой главе — об аппарате книги, — нужно ради главного — ради самой книги!

Лучшим украшением книги остается все-таки ее текст.

Макс Клинггер

Книга далекой древности — кодекс, то есть стопа одинаковых по размеру листов, соединенных переплетом, в основном сохранила свой вид до нашего времени. Менялся материал, на котором написан текст. Рукописный текст превратился в печатный.

Совершенствовались и совершенствуются способы печати. Твердые переплеты сохранились, но доски, которые служили их основой, напоминают о себе только выражением: «Прочитать книгу от доски до доски». Появились мягкие переплеты и бумажные обложки. Ну а по размерам книги всегда были разными. Самые большие назывались фолиантами или книгами «ин фолио».

Фолиант первоначально означал книгу со страницей в половину целого листа бумаги. За книгами «ин фолио» шли книги «ин кварто», то есть в четвертую листа, «ин октаво» — в восьмую. Сейчас эти обозначения применяются только по отношению к старинным книгам. А слово «фолиант» стало вообще обозначать толстый, увесистый том. Теперь на книгах указывается формат бумажного листа в сантиметрах и рядом ставится дробь, которая обозначает, какую долю этого листа составляет страница, например $84 \times 108 \frac{1}{3}_2$.

Когда от переписывания книг перешли к их печатанию, конструкция книги — страницы, переплет, крепление — сохранилась.

У этой конструкции много достоинств. Недаром она пережила века. Она позволяет дать читателю текст любого объема — от краткого в тонкой брошюре до очень длинного в толстом томе или многотомном издании. Она позволяет соединить текст с иллюстрациями.

Книги, за исключением самых больших, можно читать в разных условиях: дома, в библиотеке, в дороге, сидя, лежа. Некоторые книголюбы читают даже на ходу. Чего, конечно, делать не следует, но от чего трудно удержаться. Чтение можно прервать в любом месте, и это место легко найти, вновь вернувшись к книге: любой листок бумаги или нитка — удобная закладка.

Однако у книг, к которым мы привыкли, есть недостатки. Книги занимают много места. Это чувствует и тот, кто собирает домашнюю библиотеку, это особенно чувствуют и те, кто собирает большие государственные библиотеки.

Если вообразить себе библиотеку, которая получает комплект всех книг и журналов, вышедших в мире за один год, ей нужно для них примерно 30 километров полков. В государственных библиотеках книгохранилища быстро заполняются, нужно надстраивать этажи или строить новое здание. Тому, кто собирает библиотеку для себя, скоро начинает не хватать места в книжном шкафу или на книжной полке, потом в комнате, а потом в квартире.

Недаром книголюбу писателю Виктору Борисовичу Шкловскому принадлежит чудесная шутка: «Собирайте книги и, если от книг становится тесно и некуда поставить кровать, то лучше заменить кровать раскладушкой». Только ли шутка? В ней много серьезного!

Дома у нас представлены три профессии: жена — переводчица, дочь — искусствовед, я — писатель. Специальности во многом близкие. Библиотека общая. Точно не подсчитывал, думаю, не многим более трех тысяч томов. Это не так уж много. Для большей нет места.

Когда покупаем новые книги, ломаем голову, куда их поставить. Чтобы новые книги были под рукой, нужно какие-то отправить в изгнание: во второй ряд на полках или подальше — в ящики под тахтой, а то и совсем далеко — на антресоли. На антресолях книга почти покойник: вспоминать о ней можно, поговорить с ней по душам нелегко. Чем тратить время на ее розыски, лучше взять в библиотеке.

Несколько раз в год решаем расставить книги в строгом порядке. Аврал продолжается несколько дней. Книги, снятые с полков и вынутые из шкафов, лежат повсюду — на полу, на стульях, на подоконниках. Когда работа вроде бы закончена, на полу остается гора книг — не подошли ни в один из разделов или просто некуда ставить...

Впрочем, все это и раньше было описано Карелом Чапеком: «Раз в три года меня охватывает неистовое желание привести свою библиотеку в порядок. Это делается так: нужно снять все книги с полков и навалить их на полу, чтобы рассортировать. Затем берешь из кучи какую-нибудь книгу, садишься куда попало и начинаешь ее читать. На другой день решаешь действовать методически: сперва разложишь по кучкам: здесь естествознание, тут философия, там история и не знаю уж, что еще; причем в сотый раз обнаруживаешь, что большая часть книг не относится ни к одной из этих куч; как бы то ни было, оказывается, что ты все перемешал. На третий день пробуешь рассортировать как-нибудь по формату. А кончается тем, что берешь в охапку все подряд, как лежит, и впахиваешь все на полки, после чего опять успокаиваешься на три года».

Однажды мы решили: когда заканчивается работа над одной темой, книги, которые подбирались для нее, должны уступить место нужным

для другой. Так ушли из нашей библиотеки тома «Восстание декабристов». Ушли книги о Джордано Бруно, многотомные немецкие классики. Теперь я об этом сожалею и рассказываю здесь в предостережение. Если только есть возможность, этого делать не следует! Хватился однажды тех книг, а дома их нет.

Тогда на семейном совете приняли новое решение — ни одна книга, которая однажды понадобилась для работы, из дома не уходит. Нарастили рядом со старым книжным шкафом стеллажи до потолка. Едва выстроили, забили их до отказа. Еще раз держали совет. Решили: впредь покупать только необходимое. Отступаем, конечно, от этого правила: слишком много соблазнов!

А теперь прикинем, сколько места занимают только те книги, которые постоянно нужны для работы.

Для меня это: «Всемирная история», «Всеобщая история искусств», словари и справочники по языку, истории философии, искусству. Среди них есть многотомные. Во «Всемирной истории», например, 12 томов и готовится 13-й, а в «Словаре современного русского языка» даже 17! Тома толстые и большого формата — для них нужны высокие полки. И больше на эти полки уже ничего не поставишь: справочные издания должны стоять свободно, чтобы их было удобно в любую минуту брать с полки. Я привел для примера свою библиотеку. У другого читателя другие подручные книги, но те же самые трудности.

«Где найти место для книг?» Постоянный вопрос, который решает и никогда не может решить книголюб. Но это еще не все сложности, связанные с обычной книгой.

Книги трудно держать в порядке. Редко у кого хватает аккуратности каждую вынутую книгу ставить на место. Обычно к концу работы стопы книг громоздятся на письменном столе и на всех стульях.

Книги нелегко содержать в чистоте. Они обладают свойством собирать пыль и расстаются с ней с трудом.

Гейнц Кноблах, писатель из ГДР, написал веселую, занимательную и поучительную книгу. Она называется «Вокруг книги». Глава о поддержании чистоты в домашней библиотеке проникнута грустью. Вот отрывок: «Пыль с верхнего обреза книги надо снимать так, чтобы она не проникла внутрь. Тряпка для пыли из антистатического материала полезнее обычной тряпки или пылесоса...» Один известный библиофил «еще пятьдесят лет назад писал, что эффективное удаление пыли с книг остается неразрешенной технической проблемой.

Это удаление, — продолжал он, — лучше всего проводить постепенно, осторожно, сдувая пыль только с той книги, что извлечена для чтения. Далее Кноблах повествует о том, как пробирается пыль через все щели застекленных книжных шкафов и сколько недостатков в хранении книг на открытых полках. Любой книголюб мог бы многое к этому прибавить!

Книги очень тяжелы. Портфель, полный книгами, оттягивает руку. А не случилось ли вам путешествовать с чемоданом, полным книг? Это тяжесть неподъемная.

Некоторым любителям книги кажется, что уменьшить место, которое занимают книги, можно, выпуская очень маленькие книги. На столе у меня лежит только что упомянутая книга Кноблоха, изданная обычным способом. Она примерно такого размера, как «Книга о книге», которую вы держите в руках сейчас. Рядом та же книга Кноблоха в двух крошечных томиках. Прекрасная четкая печать позволяет читать ее достаточно свободно. Места томики занимают очень мало. Кассета, в которой они лежат, чуть больше двух спичечных коробков.

Книги, о которых я рассказал, далеко не предел, есть куда меньшие. Мне случалось видеть несколько книжек, которые все вместе помещались в одной столовой ложке. Собиратели любят такие книги. «Миникнижки» показывают, на что способно искусство наборщиков, печатников, переплетчиков. У нас одним из самых известных собирателей и любителей таких книг является знаменитый артист Михаил Жаров. Когда он и другие собиратели восхищаются такими книгами как примерами полиграфического искусства, они правы. Но если в их выступлениях звучит утверждение, что эти маленькие издания — пример книги будущего, они, пожалуй, заблуждаются. Чем меньше книга, тем сложнее работа наборщика, корректора, переплетчика, выше требования к бумаге. Миниатюрная книга — всегда малотиражная, а значит, дорогая книга. Читаешь ее, напрягая глаза, с ней неудобно работать. Нет, это не решение проблем, связанных с недостатками обычной книги.

Книги же обычного размера перевозить с места на место невероятно трудно. Но и это не все. Книги непрочны. Переплеты книг, которыми пользуешься постоянно, имеют способность отрываться, книги в мягких обложках рассыпаются на тетради. Переплет можно починить. Книжку в мягкой обложке можно одеть в твердый переплет. Книга станет прочнее, но будет занимать больше места.

Почти невозможно, во всяком случае в домашних условиях, помещать старению бумаги, особенно той, на которой печатаются книги в наше время. Многотиражные книги издаются на дешевой бумаге. Она быстро желтеет и становится хрупкой.

Но даже старинная книга, напечатанная на прекрасной бумаге, изготовленной из льняных тряпок, переплетенная, казалась бы, в вечный переплет, тоже изнашивается. Поэтому в библиотеках стараются слишком часто не выдавать редкие книги.

На памяти моего поколения появились микрофильмы. Казалось, они избавят от всех недостатков обычной книги. Книгу страница за страницей с сильным уменьшением переснимают на киноплёнку. Плёнку вставляют в аппарат и он проецирует текст на небольшой экран. С этого экрана читает читатель.

О микрофильмах говорится много восторженных слов. И они того заслуживают. Книга, снятая на микрофильм, уместается на десятке метров пленки. Одного шкафа достаточно, чтобы поместить в нем большую библиотеку! Вес коробочки с микрофильмом ничтожен. Микрофильмы хранят в герметических футлярах, которым не страшна пыль. Книгу снимают на микрофильм один раз, но пленку, напечатанную с нее, можно копировать сколько угодно раз. Выдавая микрофильм, библиотека спокойна: книга, с которой он снят, не пострадает. С книги, которой нет в той библиотеке, где вы работаете, можно заказать микрофильм в одной из центральных библиотек.

Все эти достоинства микрофильмов очень важны. Самое главное — последнее. Если в каталоге Ленинской библиотеки я нахожу рядом с названием книги шифр, начинающийся с большой буквы «Ф», и понимаю, что книги в этой библиотеке еще недавно не было, с нее снят микрофильм в другой библиотеке, или это такая редкая книга, что ее не выдают, но теперь я могу с ней ознакомиться. Я испытываю чувство благодарности к изобретателям микрофильма и к тем, кто позаботился снять фильм с книги, которая мне нужна.

В специальном зале получаешь маленькую коробочку с микрофильмом. Вставляешь микрофильм в аппарат, включаешь электрический свет. На экране возникает страница книги. Влезаешь по плечи в аппарат, принаравливаешься к виду страницы на наклонном экране, прочитав ее, крутишь ручку перемотки кадра, на экране появляется новая страница. Прекрасное изобретение! Но...

Обычную книгу можно перелистать, можно раскрыть на любой странице, от середины вернуться к началу или заглянуть в конец. Когда работаешь с микрофильмом, это куда сложнее. Если нужно, чтобы на экране появилась, скажем, 256 страница, приходится прокрутить все предшествующие 255 кадров микрофильма! Нельзя сказать, чтобы устройство для прокручивания кадров работало очень хорошо и быстро. Но даже если бы оно работало хорошо, читатель микрофильма от современного способа чтения возвращается к тому способу чтения, который применяли читатели древнего мира, читая свитки. Они не могли раскрыть текст сразу на нужном месте, не могли перелистать книгу. Им приходилось сматывать свиток с одной палки и наматывать на другую. Дочитав свиток до конца, его нужно было перемотать в обратном направлении. Все это приходится делать современному читателю микрофильмов! Новейшее изобретение, призванное устранить недостатки книги, родившейся из кодекса, вернулось в смысле способа пользования к древнему свитку. А ведь свиток отчасти был побежден кодексом именно потому, что перелистывать страницы несравненно удобнее, чем перематывать свиток. Тому, кто работает с микрофильмом, трудно одновременно делать выписки, потому что он должен то и дело откладывать перо, ибо микрофильм, как свиток, перематывают правой рукой. Но и это еще не все.

На экране проектора текст выглядит не как черное по белому, а как темно-серое по светло-серому. Близорукому приходится все время двигать вверх-вниз каретку, в которой ходит микрофильм: верхний край страницы на наклонном экране ему плохо виден. Страница на экране пляшет.

Словом, микрофильм читать можно. Но лишь по необходимости. О радости и удовольствии при таком чтении говорить не приходится. Книга, перенесенная на микрофильм, перестает жить как предмет книжного искусства. К тому же, хотя сами микрофильмы легки и малы, аппараты для их чтения пока что громоздки, тяжелы и дороги. Библиотека может оборудовать ими специальный зал, но я не слышал ни от одного книголюбца, чтобы он купил себе такой аппарат и читал микрофильмы дома. А ведь как соблазнительно — один-единственный небольшой шкаф, а в нем целая библиотека, и в ней полно редкостей, которых так ни за что не достать.

Кроме микрофильмов, снятых на пленку, применяется еще способ микроскопической съемки книжных страниц на прозрачные пластинки, по многу страниц на одну пластинку. Говорят, что у этого способа есть некоторые преимущества перед микрофильмами. Судить об этом не берусь. Способ этот еще мало распространен. В тех библиотеках, где работаю я, микрофотографирование на пластинках пока не применяется, читать текст с таких пластинок мне не доводилось.

Нет, микрофильм при всех своих достоинствах обычную книгу еще не вытеснил. И все-таки недостатки обычных книг столь очевидны и ощущались столь давно, что люди не раз задумывались, чем их заменить. А некоторые, особенно не задумываясь, просто пророчили смерть книге.

Известная в старой России издательская и книготорговая фирма выпускала «Известия книжного магазина Товарищества М. О. Вольф». В номере, посвященном наступлению XX столетия, была напечатана статья под решительным заголовком «Конец книги». Неизвестный автор утверждал, что «люди близкого будущего пользоваться книгами, которые нужно перелистывать и читать глазами, не будут. Спокойно развалиясь на подушках дивана, в удобных позах, не утомляя глаз, люди будут слушать интересные романы или поэмы, передаваемые фонографом, со всеми оттенками голоса... Не беру на себя подробно объяснить, как будет все устроено, но не сомневаюсь, что книги наконец будут забыты всеми читателями земного шара и печать останется только для торговли и частных надобностей. Так или иначе, а песня книги спета. Мы видим перед собой ее предсмертные часы».

Часть этого предсказания сбылась. Стихи, рассказы, отрывки из романов, пьесы в исполнении актеров и чтецов, записанные, правда, не на валик фонографа, а на пластинку проигрывателя или пленку магнитофона или передаваемые по радио, может слушать каждый из нас. Более того: телевидение дало современным людям звучащее слово,

которое сопровождается изображением. Но мрачное пророчество о смерти книги не сбылось.

Однако, самоуверенно высказанное в «Известиях книжного магазина Т-ва М. О. Вольф», оно звучало еще не раз. И высказывали его люди, считающиеся учеными. Один из них, канадский профессор Маршалл Маклюэн в книге «Гутенбергова Галактика» утверждает, что дни печатной книги сочтены, что современные средства информации, если еще не победили ее, то в ближайшее время победят окончательно. Эти высказывания нашли на Западе широкую поддержку. О Маршалле Маклюэне и других пророках, предвещающих гибель печатной книги, интересно рассказывается в статье известного книговеда Е. С. Лихтенштейна, по которой мы привели цитату о читателе будущего, якобы не нуждающемся в книге. В той же статье приводятся противоположные мнения — людей, убежденных в том, что печатной книге предстоит еще долгая жизнь. Вот несколько прекрасных высказываний, которые я с удовольствием переписал себе на память.

Американский писатель и ученый Айзик Азимов говорит: «Книга дает нам необходимые слова, чтобы читать и перечитывать их, когда вы хотите — в постели, за столом или растянувшись на полу — и как вы хотите — не спеша, быстро, подряд или по кусочкам. Но главное — книга дает вам слова, к которым вы сами подбираете картины, возникающие в вашем воображении. Вы знаете, как выглядит д'Артаньян и Дон Кихот, это ваш д'Артаньян и ваш Дон Кихот. Никогда не будет придумано что-либо подобное книге — способное дать вам как раз столько, сколько нужно, и никогда слишком мало, дать вам одному целую вселенную».

А французский писатель Робер Эскарпи написал так: «Вопреки утверждениям Маршалла Маклюэна, еще неизвестно, все ли Солнца „Галактики Гутенберга“ уже разгорелись в небе».

Мои симпатии целиком на стороне тех, кто верит в долгое и прекрасное будущее привычной нам печатной книги. И все-таки все объяснения в любви книге, происходящей от кодекса, не позволяют полностью забыть о ее недостатках. В наше время главный материал для книги — бумага, а большая часть бумаги делается из дерева. Можно без труда сосчитать, сколько деревьев приходится срубить, чтобы напечатать одну-единственную книгу. Это невеселый подсчет.

Вот еще одна причина, почему люди не перестают думать о книге без бумажных страниц.

Какой же будет книга будущего?

Больше всего об этом пишут писатели-фантасты. Если вы припомните то, что читали у них на эту тему, у вас в памяти возникнут некие магические кристаллы или шары — достаточно нажать кнопку (о, как многое совершается в фантастических романах нажатием кнопки!), и в глубине этих кристаллов или шаров неизвестно каким образом появляется текст

и иллюстрации книги, вызванной из хранилища, которое высылает по команде читателя текст и рисунки желаемой книги. Некоторые фантасты идут дальше — никаких кнопок, никаких кристаллов и экранов. Мысленный приказ, и у вас в сознании начинает возникать желанный текст. Надо ли говорить, что такие отношения между читателем и библиотекой относятся скорее к сфере сказки, а не к той научной фантастике, где определение «научная» еще не вполне предано забвению.

У ученых, склонных пофантазировать, не отрываясь совершенно от реальности, книга будущего выглядит примерно так: изображение возникает на домашнем экране, подобно экрану телевизора. «Страницы» проходят в заранее заданном темпе и могут быть остановлены при необходимости. Они вызываются из книгохранилища, где хранятся не в виде громоздких книг, а записанными на носителях памяти, подобно тому как хранятся необходимые сведения в ЭВМ. Предположения о книге и библиотеке будущего идут далеко. В «библиотеку», хранящую в своей памяти множество книг, можно обратиться не только за определенной книгой, но предварительно можно запросить о необходимой литературе все ту же всеведущую ЭВМ. Она передаст на ваш домашний экран необходимые списки, укажет шифры книг, а дальше заказывайте то, что вам нужно! Она же передаст на ваш экран желаемое. В принципе все это технически осуществимо. Если можно передать фотографии с Луны, можно передать и текст книги из хранилища, где он будет записан в памяти ЭВМ, на экран читателя.

Дальнейшее предположение: библиотеки, устроенные на основе ЭВМ, соединяются между собой и МБА — межбиблиотечным абонементом — между ними не требуется пересылки книг. Ее заменяет передача электронных импульсов! Прекрасно и, как уверяют специалисты, вполне осуществимо. Сложно, но осуществимо!

Вот какими, вероятно, будут книга и библиотека будущего! Отменит ли это бумажную книгу? Не думаю. За долгие века существования она доказала свое право на бессмертие.

КНИГИ ИМЕЮТ СВОЮ СУДЬБУ

У каждой книги своя судьба, своя долгота века. Есть книжки-однодневки, и есть книги, которые переходят от поколения к поколению.

С. Я. Маршак

книгах сказано много замечательного.

Самое известное изречение о книге, которое чаще всего цитируют, звучит так: «Книги имеют свою судьбу».

На самом деле оно длиннее. Вот оно полностью, если перевести его с латинского языка, в котором оно возникло: «Книги обретают свою судьбу в головах читателей», иначе говоря: книги обретают свою судьбу в зависимости от того, как их принимает читатель.

Мудрое изречение! Читатель может с нетерпением ждать книгу задолго до того, как она появится, и подарить ей внимание, едва она выйдет в свет. Но читатель может годами не замечать хорошую, даже прекрасную книгу и открыть для себя ее существование, когда автора давно не будет в живых. Увы, так случалось не раз. И с произведениями художественной литературы, и с научными трудами. Не всегда в запоздалости этой встречи бывал виноват читатель. Иногда — обстоятельства. Чаще всего это значило, что мысли и чувства автора, вложенные в книгу, опередили время. Книга и ее автор ушли вперед. Они уже понимали то, что окружающими будет понято гораздо позже. Книга и ее автор оставляли возможного читателя и возможный успех далеко позади.

Окружающие могут проявить к книге зоркость и справедливость, но, увы, могут оказаться по отношению к ней слепыми, глухими, несправедливыми. Немецкий писатель Георг Лихтенберг говорил: «Если при столкновении книги с головой раздается пустой звук, в этом не всегда виновата книга». В случае если книга не понята и не принята по ошибке, все ставит на свое место история. Правда, к сожалению, иногда для этого требуются десятилетия, бывает — века.

Начнем с более радостных случаев, когда книги сразу находили путь к читателю, а их авторы обретали заслуженную славу при жизни.

Итальянского писателя, поэта и ученого *Франческо Петрарку* (1304—1374) в Риме увенчали лавровым венком. Он стал поэтом-лауреатом (*laureatus* — в переводе с латыни и значит увенчанный лаврами). Книгопечатания тогда еще не было. Сочинения поэта расходились в руко-

писных списках, но современники читли его так, что когда он, путешествуя, остановился в доме золотых дел мастера — страстного поклонника его поэзии, тот на память о знаменательном событии позолотил стены комнаты, где ночевал Петрарка.

Вся читающая Европа знала при жизни имя ученого и писателя *Эразма Роттердамского* (1466—1536). Иметь его книги стремился каждый образованный человек. Состоять с ним в переписке почитали за высокую честь. На него ссылались в ученых и литературных спорах.

Еще более широкой и громкой была слава французского писателя и философа *Франсуа Мари Вольтера* (1694—1778). Сильные мира сего спрашивали его мнение, советовались с ним (правда, не всегда следовали его советам!), каждая его новая книга обсуждалась не только у него на родине, но и во многих странах.

Александр Сергеевич Пушкин привлек к себе внимание ценителей поэзии уже самыми первыми своими стихами. Он был еще юношей, еще учился в Лицее, а старшие друзья — многоопытные литераторы предсказали ему блистательный поэтический путь. И хотя позже многие его великие произведения не сразу получили справедливую оценку, вниманием читателей, громкой славой он никогда не был обойден.

Нелегкой была поэтическая дорога *Владимира Владимировича Маяковского* (1893—1930). Но хотя все, что он писал, вызывало споры, а порой и ожесточенные нападки, читатели всегда проявляли к нему внимание и интерес. А в годы зрелости он обладал такой известностью, что об этом до сих пор, как о чем-то ни прежде, ни позже неслыханном, вспоминают его современники.

Однако так бывает не со всеми талантами. Не дождался признания читателей при жизни гениальный английский поэт *Томас Чаттертон* (1752—1770). В нищете и безвестности умер основоположник бельгийской национальной литературы *Шарль де Костер* (1827—1879). Похожие судьбы есть и в русской литературе. Спросите у знакомых: кто был Тредиаковский? Большинство ответит: «Не знаем». Другие радостно воскликнут: «А, Тредиаковский, как же, как же! Этот тот, который написал „Екатерина Великая, О, Поехала в Царское Село!“».

На самом деле *Василий Кириллович Тредиаковский* (1703—1769) был настоящим поэтом и настоящим ученым. Просто ему ужасно не везло. Над ним потешались все, кому не лень, покуда он был жив; над ним продолжали смеяться многие, когда он умер.

А он был и человеком и литератором интереснейшим! Родился Тредиаковский в семье священника. Обычай требовал, чтобы он пошел по отцовскому пути. Но он этого не захотел. Бежал из дому и добился, чтобы его приняли в Москве в знаменитую тогда Славяно-греко-латинскую академию. Вскоре жажда знаний повлекла его за границу. Здесь он путешествовал, изучал иностранные языки, слушал лекции, писал стихи.

Вернувшись на родину, он стал первым в России профессиональным литератором, поэтом, редактором, переводчиком.

Вельможи им помыкали. Один из них однажды до полусмерти избил Тредиаковского, приговаривая: «Станешь ли еще песенки сочинять?»

Окруженный недоброжелательством, оскорбленный, Тредиаковский мужественно сочинял стихи, открывал для русской поэзии новые ритмы, писал серьезные труды о русском языке и литературе, среди них первую историю русской поэзии: «О древнем, среднем и новом стихосложении Российском».

И все-таки над ним продолжали потешаться. Само его имя на долгие десятилетия превратили в нарицательное для обозначения бездарного педанта, кропающего стихи. Не помогло даже то, что Пушкин по достоинству оценил заслуги Тредиаковского перед отечественной литературой, а Белинский, напомнив, как с Тредиаковским расправился титулованный вельможа, сказал с горечью и сочувствием, что вместе с ним было «нещадно бито оплеухами и палками достоинство литератора, ученого и поэта».

Вспомним же эту тяжкую жизнь, без остатка отданную родной литературе. А вспомнив, раскроем томик его стихов и среди множества произведений, которые покажутся нам устарелыми и странными (еще бы, сколько лет прошло!), встретим строки, которые трогают до сих пор:

Вонми, о небо, и реку,
Земля да слышит уст глаголы,
Как дождь, я словом потеку,
И снидут, как роса к цветку,
Мои вещания на доли.

Ничего не поделаешь! В истории книги так много страниц светлых, счастливых, радостных, что было бы неверно умолчать о грустных и горестных.

Когда мы повторяем старинное изречение: «Книги обретают свою судьбу в головах читателей», не станем думать, что эта судьба всегда была справедлива. Да, хорошая, умная, честная, мужественная, нужная людям книга почти всегда пробивала себе путь. Но, к сожалению, не всегда, а почти всегда. А это существенная разница. Разве мы можем утверждать, что в прошлом — далеком или близком — не осталось книг, до сих пор незаслуженно пребывающих в неизвестности? Ну, хорошо, согласимся с теми, кто говорит, что хорошая книга рано или поздно найдет читателя. Но в том-то и дело, что рано или поздно, а это различие важное.

Подумать только, что при жизни *Александра Сергеевича Грибоедова* (1795—1829) его гениальная пьеса «Горе от ума» полностью так и не была ни напечатана, ни поставлена на сцене! Да, она ходила в рукописных списках. Да, списков этих существовало сотни, но все-таки большинство читателей прочитали «Горе от ума» впервые не тогда, когда пьеса была написана, не тогда, когда она умно и страстно говорила о злобе дня, а

многие годы спустя. За это время пьеса не утратила значения и красоты, но все же многие стали бы думать о многих явлениях действительности по-другому, прочти они комедию Грибоедова не рано или поздно, а в срок, как только она была завершена.

Бывало и так, что книге закрывал дорогу к читателю не запрет, а страх самого автора. Напуганный судьбой другого ученого или литератора и его произведений, он просто не выпускал в свет своих трудов, боясь возможных преследований. Когда католическая церковь под страхом пытки заставила покаяться астронома и физика *Галилео Галилея* (1564—1642) и запретила его труды, младший современник Галилея — *Рене Декарт* (1596—1650) на долгие годы задержал печатание важнейших трудов своей жизни. Можно с уверенностью сказать, что развитие науки в Европе пошло бы иначе, если бы не эта вынужденная задержка.

Слабое утешение, если об известности, которую наконец приобрела замечательная книга, приходится говорить: лучше поздно, чем никогда. Нет! Лучше рано, чем поздно!

И все-таки среди всех чудес, связанных с книгой, самое удивительное чудо в том, что книга, которая нужна людям, не погибает, даже если ее из всех сил пытаются уничтожить.

Старинное предание рассказывает, что один из восточных деспотов, завоевав город, где была замечательная библиотека, сказал: «Если в этих книгах написано то же, что в Коране (Коран — собрание религиозных и юридических текстов, легенд и сказаний, который почитается верующими мусульманами как священная книга. — *С.Л.*), они не нужны; если в них есть что-нибудь, чего в Коране нет, они вредны. По обоим причинам их надо уничтожить». И уничтожили! Создавали библиотеку веками, истребили за несколько дней. В разные времена, в разных странах разные другие деспоты следовали смыслу его слов. Они стремились все книжные богатства мира истребить или, по крайней мере, запретить, заставить всех читать одну-единственную книгу, будто бы содержащую мудрость на все случаи жизни.

Вот почему уже давно были сказаны прозорливые слова: «Бойся человека одной книги». Это значит: бойся человека, который признает только одну книгу, только ей верит, все остальное стремится уничтожить. Человеком одной книги гордо называл себя знаменитый средневековый богослов *Фома Аквинский* (1225—1274), разумея под этой книгой Библию. Безвестный вольнодумец возразил на это: «Бойся человека одной книги!» — и оказался прав: на Фому Аквинского и его учение опирались и опираются до сих пор отъявленные мракобесы.

Последователи Фомы Аквинского, «люди одной книги» составляли и издавали печально знаменитый *Index librorum prohibitorum* — список запрещенных книг, сжигали неудобные им книги на кострах, а иногда вместе с книгами и авторов. Так, был сожжен в Риме философ и поэт *Джордано Филитто Бруно* (1548—1600).

Итак, книгу трудно сделать, но легко уничтожить. Легко уничтожить? Так ли это? Известно множество случаев, когда книгу, неугодную власть имущим, запрещали, сжигали, рвали на клочки, резали, перерабатывали на бумажную массу, а она жила. Она срасталась из кусочков. Восставала из пепла. Воскресала.

История русской литературы знает один из самых удивительных тому примеров. Это судьба книги философа, революционера, писателя *Александра Николаевича Радищева* (1749—1802).

Любознательный путешественник ехал из Петербурга в Москву. Было это в конце XVIII века. Случайный встречный рассказал ему о своей горестной судьбе. Неправые судьи лишили его имущества и погубили его жену, его самого принудили бежать из разоренного дома. Путешественнику не внове встречаться с несправедливостью. Но отвернуться от нее он не может. За несчастного должно вступить! Но станут ли его слушать? Кто он такой, чтобы вмешиваться в чужие дела? «Спросят меня, какое я на то имею право?»

Задавшийся этим вопросом путешественник — двойник автора, если не сам автор «Путешествия из Петербурга в Москву», — Александр Николаевич Радищев. Обдумывая свой замысел без прикрас и утайки показать, как живет народу при правлении Екатерины II, он предчувствует, что его не раз спросят: «По какому праву написана ваша книга?» Размышления об этом возникают в той ее главе, где появляется Истина. В ее свете блекнет позолота самодержавной власти, явными становятся кровь и грязь, ложь и зло, обман и угнетение.

По какому праву взирает он смело и прямо на окружающее? По какому праву зовет на помощь Истину снять бельма с ослепленных глаз? Об этом спрашивали, и не раз, не одного только Радищева, но и тех русских писателей, кто пошел вслед за ним. Радищев нашел замечательный ответ на этот вопрос: «Какое имею право? Страждущее человечество (...) ужели сего мало, что страждет мой согражданин? Да и в том нет нужды. Он человек: вот мое право».

Эти пламенные слова сказаны в предвидении великого нравственного подвига русской литературы, для которой человечество и человек, их благо и их беды — вот право, чтобы волноваться оттого, что происходит вокруг, вмешиваться, писать, просить, требовать. По этому праву Чехов едет на Сахалин, чтобы написать о судьбе ссыльных, Короленко заступает за оклеветанных крестьян-вотяков и спасает их от злобного оговора, Горький убеждает литераторов заступиться за студентов, отданных царским правительством в солдаты. Вот лишь несколько поступков, о которых можно, повторяя радищевские слова, сказать, что право на них писателю дает страдание человека, о котором он узнал. Чтобы помочь такому человеку, таким людям и создают книги, каждая из которых — всегда поступок и нередко подвиг... И именно поэтому такие книги бесмертны.

Книга Радищева вызвала ярость Екатерины II. Императрица объявила ее страницы вредными умствованиями, попыткой нарушить покой общественный. Книга Радищева умалает ко властям уважение, стремится произвести в народе негодование противу начальства, сана и власти царской, заключила она и повелела книгу, у кого она есть, отобрать, а отобравши, истребить. На книгу Радищева началась злая охота. По всей стране разлетелись приказы — дознаться, у кого она есть, и отобрать. Кое-кто из тех, кому сам писатель успел ее подарить, в страхе предоставили властям опасный подарок.

А Радищева бросили в страшную темницу — каземат Петропавловской крепости. Его допрашивал Шешковский — тот самый, который вел следствие по делу Пугачева и пытал его. Эти допросы снились Радищеву до самой смерти. И все время, пока они продолжались, шла охота за крамольной книгой.

А сколько же экземпляров ее существовало? Немного. Большую часть Радищев, узнав, как разгневана Екатерина, уничтожил сам. Разошлось лишь несколько десятков. Почти все их власти разыскивали, отобрали, сожгли. Даже упоминать о них запретили. Строго-настрого.

Прошло немало десятилетий. Времена как будто бы изменились. Все, не таясь, заговорили о близкой отмене крепостного права. А ведь осуждение крепостного права — главная тема запрещенной книги. Сын Радищева обращается к властям. Может быть, теперь можно напечатать опальное сочинение? Хотя бы в отрывках. «Допустить „Путешествие“ к печати нельзя!» — отвечают цензоры. Ответ этот дан за пять дней — за пять дней! — до отмены крепостного права.

Проходит еще десять лет. Во двор петербургской картонной фабрики привозят пачки только что отпечатанных книг. Каждая книга аккуратно перерублена на четыре части. Это, спустя почти век, снова выполняется приказ Екатерины. Один издатель осмелился напечатать «Путешествие», и власти вмешались. Приказано: переработать книгу на картон! Рассказ об этой охоте можно было бы продолжить.

Немногие уцелевшие экземпляры книги Радищева хранились по-таенно, иногда за семью печатями. Так удалось уничтожить, истребить, запретить книгу Радищева, так, чтобы и памяти о ней не осталось?

Не удалось. Запретная книга была хорошо известна русскому обществу. Она жила в библиотеках тех немногих, кто, несмотря на строжайший приказ, не выдал книгу на уничтожение, не отрекся от нее, но сберег ее, давал читать ее друзьям, рассказывал о ней детям. Она жила в умах! Благодаря людям, которые помнили о Радищеве и его книге, истребленная и запрещенная книга продолжала жить живой жизнью, пробуждать в людях совесть, учить их мужеству, благородству, свободолению. Старинным слогом она была написана, но никогда не устаревала ее мысль. «...Если бы закон, или государь, или бы какая-нибудь на земле власть подвизали (побуждали. — С.Л.) тебя на неправду и нарушение

добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже (даже. — С.Л.) самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей... Если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь (сохранишься. — С.Л.) в памяти благодарных душ до окончания веков», — так писал Радищев!

Книгу, если она нужна людям, истребить нельзя. Это утверждение встречается часто. В главном оно верно. Иначе бы не дошли до нас запрещенные и сожженные книги итальянского философа XVI века Джордано Бруно, английского мыслителя XV—XVI веков Томаса Мора, голландского философа XVII века Бенедикта Спинозы и многих, многих других мыслителей, революционеров, писателей.

Думая об этом, я написал однажды такие оптимистические строки о судьбе гонимой книги: «Если эта книга продиктована любовью к родной стране и ее народу, проникнута идеями борьбы за свободу, ее уничтожить нельзя. Такие книги, может быть, и горят, но они не сгорают».

Горят, но не сгорают... Как поэтическая метафора это годится. Ну а как обстоит дело в суровой действительности?

Случалось, что создания писателя или художника исчезали, исчезали бесследно, потому что об этом заботился он сам. Они сгорали не на кострах, разложенных по приказу свыше, а в огне домашнего очага, который развел сам писатель или художник.

Жил в Нидерландах великий художник, замечательный живописец Питер Брейгель Старший (1525 (?) — 1569)*, о котором я уже писал в этой книге.

На его родине в ту пору хозяйничали испанцы. Они расправлялись безжалостно со всеми, в чьих взглядах была хоть тень свободомыслия. Перед смертью Питер Брейгель сам сжег свои рисунки. Боялся, что, сохранившись, они принесут беду его близким. А ведь рисунки эти могли стать страницами замечательной книги о его времени. Можно ли сказать, что эти страницы горели, но не сгорели? Нет, это была бы пустая фраза. Работы Брейгеля сгорели бесследно, без остатка. Непоправимо и невозстановимо.

А вот более близкий пример. Глава десятая «Евгения Онегина». Пушкин собственноручно сжег ее 19 октября 1830 года — в годовщину окончания Лицея. Вспомнил лицейских друзей, которые стали декабристами и оказались на каторге и в ссылке в далекой Сибири, вспомнил пятерых казненных, перечитал эту главу, подумал, что хранить ее опасно, ведь в ней говорилось о декабристах, и уничтожил. Случайно сохранившийся листок, где была зашифрована поэтом часть главы, позволил ученым с трудом восстановить несколько отрывков из нее. Смеем ли мы сказать, что такие сочинения, как десятая глава «Евгения Онегина», горят и не сгорают? Это будет пустая, лживая, утешительная фраза.

* Точная дата рождения Брейгеля неизвестна.

Увы, сгорают! И чудом сохранившиеся кусочки главы не могут нас утешить. Они лишь показывают, сколь безмерна утрата.

Вот сколько граней есть у знаменитого изречения: «Книги имеют свою судьбу». Судьбы книг оказываются теснейшим образом связанными с судьбами людей — тех, что пишут книги, и тех, что их читают. Судьбы книг отражают жизнь общества, борьбу, происходящую в нем, его надежды и опасения, его заблуждения и мечты. Судьбы книг перекликаются друг с другом через десятилетия и века. С ними связаны увлекательные и волнующие страницы истории.

«Книги обретают свою судьбу в головах читателей», — говорит старинное изречение. Странно, но почему-то никто никогда не пробовал его перевернуть. А ведь можно сказать и так: «Читатели обретают свою судьбу в книгах». Как это понять? Очень просто! Книга, вовремя прочитанная, может направить на верный путь мысли читателя и даже определить всю его жизнь. Прекрасно мгновение, когда сердце и ум читателя встречаются с той книгой, которая им нужна. Тогда книга находит глубокий и полный отзвук. Тогда читатель получает ответ, которого он искал, ждал, к которому стремился.

Это счастье — и для книги, и того, кто ее создал, и для читателя. Такого счастья можно пожелать каждой достойной книге и каждому настоящему читателю.

Невозможно сказать так: «Здесь кончается „Книга о книге”». Этого просто не может быть. История книги уходит в глубь веков, в те бесконечно далекие времена, когда доисторический человек еще и не помышлял о книге, а только попытался впервые нанести письменный знак на дереве или камне. Она, эта история, тянется через все века, через все страны, через все народы.

Вся история человечества отражается в истории книги, а история книги является неотъемлемой частью истории человечества. Развитие науки, искусства, техники влияет на развитие книги. А без книги не может быть ни науки, ни искусства, ни техники. Одно от другого неотделимо. И в историческом развитии, и в сегодняшнем состоянии, и в предполагаемом будущем.

Можно ли исчерпать тему человеческого знания, тему поисков истины, тему красоты? Конечно, нет! Значит, нельзя исчерпать и тему — книга. Она неисчерпаема, как жизнь человека, как существование человечества, как Вселенная. Никто не может написать всего о книге, потому что никто даже не знает, как определить, что это значит — «всё о книге». Эта тема принадлежит к числу тех, которые нельзя исчерпать, как нельзя исчерпать океан. Из него можно только зачерпнуть. Но в любой капле воды, зачерпнутой из океана, океан.

И в стариннейших рукописях и в новейших книгах можно найти слова мудрецов, поэтов, ученых, преисполненные величайшего уважения к книге. На прощание мне хочется привести несколько таких высказываний. И снова — это лишь малая часть того гимна во славу книги, который сложили и продолжают складывать благодарные читатели. В одной из самых старых русских книг — «Пчеле» — говорится:

«Ум без книг, аки птица спешена. Якож она возлетати не может, такоже и ум недомыслится совершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное».

Азбука XVII века подхватывает:

«Книжная премудрость подобна есть солнечной светлости, но и солнечную светлость мрачный облак закрывает, а книжную премудрость и вся тварь сокрыти не может».

А туркменский поэт Садык написал так:

Книга — мой прекрасный цветник, в котором
распускаются бутоны роз.

Книга — мой сад, приносящий сто тысяч разнообразных
плодов.

Книга — мое июньское облако, посылающее жемчуг
из каждой капли, как из раковины.

Мой обильный рудник, в котором серебра и
золота без конца, — книга.

Остановлюсь!.. Ибо хочется цитировать еще и еще. От древнегреческого философа Аристотеля, который сказал: «Хороша книга, если автор в ней высказывает только то, что следует, и так, как следует». До Чехова, написавшего однажды: «Все бледнеет перед книгой», Льва Толстого, пытливо вопрошавшего: «Интересно, что будут читать мои правнуки?», Горького, воскликнувшего: «Книга для меня — чудо».

Мне хочется думать, что, читая «Книгу о книге», вы ощутите хоть на мгновение близость к океанскому простору, широте и глубине, которые живут в понятии «книга». Я не стремился ответить на все вопросы, я стремился пробудить интерес к ним. Если вы немного больше, чем прежде, представили себе историю книги, а главное, захотели узнать о ней больше; если вы немного лучше представили себе отношения между читателем и книгой, сами задумались о своем отношении к книге, а главное, захотели углубить его; если вас взволновал призыв, звучащий в словах *libri legendi* (книги, которые хотят быть прочитаны, книги которые должны быть прочитаны!) — цель моя достигнута...

Мне хотелось выразить на этих страницах великую благодарность тем, кто создавал книги, кто переписывал их, кто искал способ их печатать и тем сделать достоянием многих. Вспомнить и тех, кто трудился над книгой когда-то, и тех, кто создает ее сейчас. Тех, кто ее пишет. Набирает. Печатает. Переплетает. Тех, кто создает для книги шрифты и бумагу. Строит печатные машины. Изобретает новые способы печати. Думает над книгой будущего. Поклониться тем, кто собирал библиотеки. Изучал историю книги. Служил книге. И прославлял ее. Мне хотелось передать на этих страницах свое чувство любви и уважения пишущего к читающим. Ибо без них нет книги. Книга рождается не тогда, когда она задумана, даже не тогда, когда она написана, а тогда, когда она прочитана.

Когда-то были сказаны грустные слова: «Читатель почитывает». Грустно, да и стыдно быть читателем, который почитывает.

Но прекрасно быть читателем, который читает. И никогда не поздно постараться им стать. К тому, кто стремится стать настоящим читателем, обращена «Книга о книге», книга без конца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Названия в списке расположены в основном по темам. Выдержать этот принцип полностью невозможно и не нужно, так как многие книги касаются разных тем и дали материал для разных разделов «Книги о книге». Названия книг, которыми я пользовался в работе, сопровождаются краткими пояснениями, в них указано, на какого читателя рассчитана книга. Некоторые книги из списка слишком сложны для юного читателя. Но, наверное, наиболее любознательные захотят обратиться и к ним, знакомясь с этими работами, если не полностью, то для начала частично.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА И КНИГА

- Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. В 2-х т. М., Искусство, 1976.
Ленин В. И. О литературе. М., Политиздат, 1975.
Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., Худ. лит., 1979.
Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., Политиздат, 1956.
Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. М., Политиздат, 1968—1969.
Ленин и книга. М., Политиздат, 1964.
Манушарьянц Ш. Н. В библиотеке Владимира Ильича. 2-е изд., доп. М., Политиздат, 1970.
Шарапов Ю. Ленин, как читатель. М., Политиздат, 1976.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О КНИГЕ И ЧТЕНИИ

Слово о книге. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты/Сост., автор предисловия и введений к главам Е. С. Лихтенштейн. 2-е изд., доп. М., Книга, 1974.

Сборник, составленный знатоком истории книги, содержит высказывания выдающихся людей — политических деятелей, философов, писателей, мастеров искусства, ученых. Читать его подряд школьнику будет трудновато, да он и не рассчитан на такое чтение. Его надо просматривать, кое-что из него полезно выписать. Сборник «Слово о книге» пригодится вам, когда вы будете готовить школьный вечер книголюбов, выставку, работать над докладом или сочинением.

СПРАВОЧНИКИ

- Краткий справочник книголюбца. 2-е изд. М., Книга, 1976.
Справочник адресован взрослому читателю. Содержит сведения о книгоиздательском деле и книжной торговле, о библиотеках, основные понятия книговедения.
Полиграфический словарь/Сост. О. Я. Басин. М., Книга, 1964.
Полиграфия — сложная и разветвленная область человеческой деятельности, которая пользуется множеством специальных терминов. Они объясняются в этом словаре.

Словарь рассчитан на взрослого читателя, но может пригодиться и читателю-школьнику, если придется наводить сложную специальную справку.

Юному книголюбу. Словарь-справочник. М., Книга, 1978.

Эта книга в форме коротких, живо написанных очерков сообщает самые главные сведения, необходимые юному книголюбу. Именно с этого справочника следует начинать вам, если придется наводить справку о книгах, книгопечатании, библиотеках. И только если не найдете ответа в нем, обращайтесь к справочникам, указанным выше.

СОВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ

Глухов А. Г., Лавринович И. И. Юным друзьям книги. М., Молодая гвардия, 1965.

Книга содержит важнейшие рекомендации о собирании книг, работе с книгой. Расчитана на читателя-школьника.

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ И КНИГИ

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Горбачевский Б. С. Люди, книги, библиотеки. Научно-популярные очерки. М., Изд.-во Всесоюзной книжной палаты, 1963.

Горбачевский Б. С. Нить Ариадны. Для среднего и старшего возраста. М., Детская литература, 1971.

Горбачевский Б. С. Оружие мысли. М., Советская Россия, 1971.

Горбачевский Б. С. С книгой и пером в руке. М., Знание, 1967.

Работы книговеда Б. С. Горбачевского, кроме «Нити Ариадны», предназначенной читателю-школьнику, адресованы взрослым, но написаны популярно и увлекательно. Это делает их доступными и для тех юных читателей, кто специально интересуется историей писем.

Кацпржак Е. И. История книги. М., Книга, 1964.

Это учебник для студентов библиотечных институтов. Он может пригодиться тем из вас, кто хочет больше узнать об истории письменности, книгопечатания и книги, будет готовить доклад на эту тему или писать сочинение, собирается поступать в библиотечный техникум или институт. В книге много интересных иллюстраций.

Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. Сб. избр. работ. М., Книга, 1972.

Труды крупного советского историка книги, рассчитанные на взрослого читателя-специалиста.

Люблинский В. С. На заре книгопечатания. Пособие для учителей. Л., Учпедгиз, 1959.

Этим пособием могут пользоваться и читатели-старшеклассники, особенно те, кому предстоит сделать доклад на уроке истории или в историческом кружке.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ И КНИГИ

Добльхофер Э. Знаки и чудеса. Рассказы о том, как были дешифрованы забытые письмена и книги. Пер. с нем. М., Изд.-во восточной литературы, 1963.

Крамер С. Н. История начинается в Шумере. Пер. с англ. М., Наука, 1965.

Книги Добльхофера и Крамера, рассказывающие о древнейшей письменности и самых древних книгах, рассчитаны на взрослого читателя. Они нелегки для чтения, но очень интересны. К ним может обратиться тот из читателей-школьников, кто особенно углубленно занимается историей.

Липин Л., Белов А. Глиняные книги. 2-е изд., доп. и испр. Л., Детгиз. 1956.

Увлекательный и доступный рассказ о древних клинописных книгах.

Пятьсот лет после Гутенберга. 1468—1968. Статьи. Исследования. Материалы. М., Наука, 1968.

Сб. научных работ, предназначенный взрослому читателю-специалисту.

С л е з к и н а О. К. Оловянная рука, Повесть о Гутенберге. М., Советский писатель, 1956.

Повесть о первопечатнике Гутенберге, интересная читателю разных возрастов.

ИСТОРИЯ РУКОПИСНОЙ И ПЕРВОПЕЧАТНОЙ КНИГИ В НАШЕЙ СТРАНЕ

А н у ш к и н А. И. Во славном месте Виленском. Очерки из истории книгопечатания. М., Искусство, 1962.

А н у ш к и н А. И. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, Минтис, 1970.

Научно-популярные книги А. Анушкина, рассчитанные на взрослых читателей и содержащие много интересных иллюстраций, рассказывают о первых шагах книгопечатания в Литве и показывают тот исторический фон, на котором они совершались,

Г л у х о в А. Г. В лето 1037... М., Советская Россия, 1974.

Научно-популярная работа об истории рукописных книг и древних библиотек на Руси. Адресована взрослому читателю, но может послужить и читателю-старшекласснику, специально занимающемуся историей.

З е р н о в а А. Н. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., Изд-во Б-ки им. В. И. Ленина, 1947.

Книга рассчитана на взрослого читателя-специалиста.

Н е м и р о в с к и й Е. Я. Начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. Жизнь и деятельность Франциска Скорины. Описание изданий и указатель литературы. 1517—1977. М., Изд-во Б-ки им. В. И. Ленина, 1977.

Н е м и р о в с к и й Е. Я. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров, М., Книга, 1974.

Н е м и р о в с к и й Е. Я. Начало славянского книгопечатания. М., Книга, 1974.

Работы книговеда Е. Я. Немировского предназначены взрослому читателю, книга о Франциске Скорине — читателю-специалисту.

О в с я н н и к о в Ю. М. Ради братьев своих... Иван Федоров. Историческая повесть. М., Молодая гвардия, 1975.

Увлекательная повесть о русском первопечатнике, адресованная юному читателю.

Четыреста лет русского книгопечатания. 1564—1964. В 2-х т. М., Наука, 1964.

Юбилейное издание, рассчитанное на взрослого читателя-специалиста.

СОВРЕМЕННОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ

В о л к И. И. Фабрика чудес. М., Книга, 1968.

Популярный очерк о крупнейшей типографии — фабрике «Детская книга», интересный читателю, для которого работает эта фабрика. С тех пор как И. Волк написала эту книгу, фабрика детской книги получила новое современное здание и оборудование. Книга И. Волк во многом стала уже рассказом о недавнем прошлом.

И г л и ц к и й А. М., С о м о р о в Б. Л. Как печатают книги. 2-е изд. М., Гостехиздат, 1956.

Популярная брошюра для взрослого читателя. В ней описаны основные процессы книгопечатания, кроме наиболее современных.

БОЛЬШАЯ БИБЛИОТЕКА

Г о р б а ч е в с к и й Б. С. Главная библиотека страны. Очерки о Госуд. ордена Ленина библиотеке СССР им. В. И. Ленина. М., Книга, 1975.

Овсянников Ю. М. Путешествие в Страну Разума. Очерки о Государственной ордена Ленина библиотеке СССР имени В. И. Ленина. М., 1962.

Научно-популярные книги Б. Горбачевского и Ю. Овсянникова рассчитаны на взрослого читателя. К ним может обратиться и старшеклассник, специально заинтересовавшийся самой большой из больших библиотек нашей страны. Необходимо, однако, учитывать, что с тех пор, как вышли эти книги, фонды библиотеки им. В. И. Ленина, ее межбиблиотечный и международный книгообмен возросли, библиотека получила еще одно большое здание для хранения и чтения газет. Так что все сведения, сообщаемые в этих книгах о главной библиотеке страны, требуют уточнения.

Всесоюзная ордена Трудового Красного Знамени Государственная Центральная библиотека иностранной литературы. Путеводитель. М., ГЦБИЛ, 1978.

Путеводитель, который содержит главнейшие сведения о Библиотеке иностранной литературы.

Сегал Е. А. Здесь живут книги. Художественно-документальный очерк о Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде). М., Детская литература, 1974.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЧИТАТЕЛИ

Берков П. Н. О людях и книгах. Из записок книголюбца. М., Книга, 1965.

Сборник увлекательных очерков известного историка книги и литературоведа. Очерки рассчитаны на взрослого читателя, но написаны так живо, что могут быть прочитаны и читателем-школьником. Особый интерес представляют главы о читательских вкусах и привычках В. И. Ленина, М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина.

Брихничев И. Книга в жизни великих людей. М., Никитинские субботники, 1931.

Небольшая книга, давно ставшая библиографической редкостью. Адресована взрослому читателю. Не претендуя на обобщение, содержит большую и богатую сводку фактического материала, которую я использовал в соответствующей главе «Книги о книге».

Кубанев В. М. «Если за плечами только восемнадцать». Стихи, письма. М., Молодая гвардия, 1973.

Кубанев В. М. Человек — солнце. Стихи. Размышления. Афоризмы. Воронеж, Центр-Черноз. кн. изд-во, 1977.

Сборники произведений и автобиографических документов молодого рано погибшего поэта и книголюбца. Интересен и юным, и взрослым читателям.

КАК РАБОТАТЬ С КНИГОЙ

Берков П. Н. Библиографическая эвристика. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960.

Берков П. Н. Введение в технику литературоведческого исследования. Источниковедение. Библиография. Разыскания. Л., Учпедгиз, 1955.

Обе книги П. Н. Беркова рассчитаны на взрослого читателя, «Библиографическая эвристика», то есть наука о разыскании книг, — на специалиста, «Введение...» — на студентов. Я широко пользовался в «Книге о книге» обеими работами. Тот из вас, кто хочет серьезно работать с книгой, особенно тот, кто собирается в будущем поступать на филологический или исторический факультет, может уже сейчас познакомиться со второй из этих книг. В ней рассказывается, как пользоваться энциклопедиями, словарями, справочниками, как составлять библиографию, делать выписки из книг и т. д.

Гецов Г. Г. Рациональные приемы работы с книгой. М., Книга, 1975.

Работа Г. Гецова рассчитана на взрослого читателя. Некоторые советы, в ней содержащиеся, полезно уже сейчас узнать и тем из вас, кто собирается в будущем посвятить себя научной работе.

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д о л и н и н а Н. Г. Печорин и наше время. Эссе. Для среднего возраста. 2-е изд. Л., Детская литература, 1975.

Д о л и н и н а Н. Г. По страницам «Войны и мира». Заметки о романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Для среднего и старшего школьного возраста. 2-е изд. Л., Детская литература, 1978.

Д о л и н и н а Н. Г. Прочитаем «Онегина» вместе. Заметки о романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 2-е изд. Л., Детская литература, 1971.

В «Список литературы» не включены книги об отдельных произведениях, иначе он стал бы бесконечным. Исключение сделано только для книг Н. Г. Долининой — педагога и литератора. Ее работы показывают, как много раскрывается нам в произведениях, казалось бы, хорошо известных, в школе изученных, привычных, при вдумчивом чтении в них, как важен исторический, социально-психологический, эмоциональный анализ при чтении книг. Книги Н. Долининой очень увлекательно написаны.

З а п а д о в А. В. В глубине строки. О мастерстве читателя. 2-е изд., доп. М., Советский писатель. 1975.

Работа известного литературоведа А. Западова, посвященная искусству углубленного чтения художественной литературы, рассчитана на взрослого читателя. Может быть прочитана наиболее увлеченными и подготовленными школьниками-книголюбителями.

К а л и т и н Н. И. Искусство быть читателем. М., Молодая гвардия, 1962.

К о в а л е в а Л. Е. Талант читателя. Для старшего возраста. М., Детская литература, 1967.

Книги литературоведа Н. Калинина, писателя и педагога Л. Ковалевой, рассказывающие об углубленном чтении, написаны для юного читателя.

М а р ш а к С. Я. О талантливом читателе. — В кн.: Маршак С. Я. Воспитание словом. Статьи, заметки, воспоминания. М., Советский писатель, 1964, с. 94—107.

Как все, что писал С. Я. Маршак, эта статья интересна и взрослым, и юным читателям.

О НЕКОТОРЫХ СЕКРЕТАХ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Н а р о в ч а т о в С. С. Необычайное литературоведение. — Собр. соч. в 3-х т. М., Художественная литература, 1978, т. 2.,

Р а с с а д и н С. Б., С а р н о в Б. М. В стране литературных героев. Сценарии радиопьес. Для детей. М., Искусство, 1978.

В основу этой книги, которую написали два известных критика и литературоведа, положены популярные у юных радиослушателей пьесы, которые звучали в эфире, посвященные замечательным литературным персонажам. Увлекательная книга.

Р а с с а д и н С. Б., С а р н о в Б. М. Рассказы о литературе. Для старшего школьного возраста. М., Детская литература, 1977.

Книга содержит интересные рассказы о литературных произведениях, героях, жанрах.

Р а с с а д и н С. Б. Так начинают жить стихом. Книга о поэзии для детей. М., Детская литература, 1967.

КНИГИ ИМЕЮТ СВОЮ СУДЬБУ

Г л у х о в А. Г. Книги, пронизывающие века. Очерки. 2-е изд., доп. М., Книга, 1975.

Популярные очерки о бессмертии великих книг. Работа, рассчитанная на взрослого читателя, но доступная и читателю-школьнику.

Горбачевский Б. С. Кресты, костры и книги. М., Советская Россия, 1965.

Популярные очерки об отношении церковников к книгам передовых мыслителей и писателей: о преследовании книг и их авторов, о книгах, сгоравших на кострах, но не сгоревших.

ИСКУССТВО КНИГИ

Демосфенова Г. Л. Как иллюстрируется книга. Библиотечка по изобразительному искусству для народных университетов культуры, художественной самодеятельности и школьных библиотек. М., Изд-во Акад. художеств СССР, 1961.

Популярная работа, сообщающая основные сведения о книжной иллюстрации.

Сидоров А. А. История оформления русской книги. М., Книга, 1964.

Очерки крупного книговеда и искусствоведа, рассчитанные на взрослого читателя. Книга богата иллюстрирована. К ней могут обратиться те читатели-школьники, которые будут готовить доклад об истории книги, устраивать выставку.

Фаворский В. А. О художнике, о творчестве, о книге. М., Молодая гвардия, 1966.

Фаворский В. А. Рассказы художника-гравера. Для среднего и старшего возраста. М., Детская литература, 1976.

Книга знаменитого художника и книжного иллюстратора знакомит юного читателя с искусством оформления книг и работой гравера по дереву.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Спутник, советчик, друг	3
<i>Немного истории.</i> Где начало?	5
Важный день в жизни	7
<i>Немного истории.</i> Глиняные книги. Первые библиотеки	9
Так не научишь!	12
<i>Немного истории.</i> Книги-свитки	15
Ни дня без книги	17
<i>Немного истории.</i> Книги-свитки (продолжение)	24
Наш Тиль	26
<i>Немного истории.</i> Кодексы	29
Мы — студийцы	32
<i>Немного истории.</i> Плодоносящий сад и нерадивые читатели	36
Стихи и как бы стихи	38
<i>Немного истории.</i> На пути к новой книге	44
Тогда в Сокольниках	45
<i>Немного истории.</i> Предки книгопечатания	51
Объяснение в любви	53
<i>Немного истории.</i> Кузнец Би Шэн	66
Прекрасные читатели	68
<i>Немного истории.</i> Гутенберг	84
Любимое занятие	86
<i>Немного истории.</i> Появление бумаги	96
Умеете ли вы читать?	97
<i>Немного истории.</i> Рукописные книги на Руси	104
Читать и видеть	108
<i>Немного истории.</i> Инкунабулы	113
Звучащая антология	114
<i>Немного истории.</i> Русские первопечатники	123
Чтение с предвкушением	125
<i>Немного истории.</i> Линотип и ротация	133
Чтение с предвкушением (продолжение)	135
<i>Немного истории.</i> Печать глубокая и плоская	153
Книги — инструмент работы	155
Что такое аппарат книги?	172
Книга будущего	183
Книги имеют свою судьбу	191
Почему не может быть конца у «Книги о книге»	199
Список литературы	201

Scan AAW

Сергей Львович Львов

КНИГА О КНИГЕ

Для учащихся старших классов

Редакторы *О. Н. Товарас, Т. Б. Вьюкова*

Художник *Л. М. Чернышев*

Художественный редактор *К. К. Федоров*

Технический редактор *Н. Н. Махова*

Корректор *Г. А. Махова*

ИБ № 1659

Сдано в набор 14.02.80. Подписано к печати 28.11.80. А14193. $70 \times 90^{1/16}$. Бум. офсетная № 1. Гарнитура плентин. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,21 + 0,25 форзац. Уч.-изд. л. 15,06 + 0,48 форзац. Тираж 100 000 экз. Заказ № 227. Цена в обложке 40 коп., в переплете № 7—90 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, г. Ярославль, ул. Свободы, 97

40 к.

